

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока РАН
Центр научной информации и документации

ЭКСПРЕСС- ИНФОРМАЦИЯ

№ 2

ШЭНЬ ЧЖИХУА
О КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(1950–1960-е гг.)

МОСКВА

2014

Данный выпуск Экспресс-Информации посвящен трудам известного в КНР историка-специалиста в области китайско-советских отношений, автора нескольких книг, руководителя научного Центра исследований истории международных отношений эпохи «холодной войны» Восточно-китайского педагогического университета (г. Шанхай) профессора Шэнь Чжихуа. В нем содержится перевод его интервью «КИТАЙ В 1956–1957 гг.: МЕЖДУНАРОДНОЕ ВИДЕНИЕ», опубликованного в газете «Дунфан цзаобао» 24.03.2013 г. В сборник также включены рефераты написанных Шэнь Чжихуа глав второй части коллективной монографии «ИСТОРИЯ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ. Новые исследования некоторых вопросов китайско-советских отношений в 1917–1991 гг.» (Чжунсу гуаньси шиган.1917–1991 нянь чжунсу гуаньси жогань вэньти цзай таньтао). Издательство АОН КНР, 2011. Шэнь Чжихуа также является главным редактором этого фундаментального труда.

Перевод и реферирование выполнены
к.геогр.н. *Г.Д. Бессарабовым* и *Б.Я. Надточенко*

Составитель и ответственный редактор
руководитель ЦНИД, д.и.н. *С.А. Горбунова*

ISBN 978-5-8381-0260-7

Редактор А.Н. Богданова, корректор В.А. Байкова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. <i>Биография Шэнь Чжихуа</i>	4
ИНТЕРВЬЮ ШЭНЬ ЧЖИХУА, ОПУБЛИКОВАННОЕ В ГАЗЕТЕ «ДУНФАН ЦЗАОБАО»	8
Глава 1. ПОДПИСАНИЕ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА И КИТАЙСКО- СОВЕТСКИЙ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ	27
Глава 2. КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА И ПРАКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА	45
Глава 3. XX СЪЕЗД КПСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КИТАЙСКО- СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	53
Глава 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СССР И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КПК	69
Глава 5. ПОМОЩЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ СО СТОРОНЫ СССР В РАЗРАБОТКЕ И ПРОИЗВОДСТВЕ КИТАЕМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ...	82
Глава 6. РОЛЬ МАО ЦЭДУНА НА МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	97
Глава 7. «БОЛЬШОЙ СКАЧОК», НАРОДНЫЕ КОММУНЫ И РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И СССР ПО ВОПРОСАМ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ	112
Глава 8. ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. ОБСТРЕЛ ОСТРОВОВ ЦЗИНЬМЭНЬДАО И МАЦЗУ И КИТАЙСКО-СОВЕТСКИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ	126
Глава 9. ТЕОРИЯ И ПОЛИТИКА КОМПАРТИЙ КИТАЯ И СССР. ТРУДНОЗАЛЕЧИВАЕМЫЕ РАНЫ	164

ПРЕДИСЛОВИЕ

Биография Шэнь Чжихуа

Шэнь Чжихуа (1950 г. р., Пекин) – историк, имеющий колоссальную популярность в Китае и всемирную известность как основоположник исследований архивных документов «холодной войны», Корейской войны, а также китайско-советских отношений. Биография его сложна и противоречива. В 1983 г. Шэнь, являвшийся в то время аспирантом по специальности «Всемирная история в АОН КНР», был арестован по обвинению в разглашении государственной тайны и приговорен к двум годам тюремного заключения. Выйдя на свободу в мае 1984 г., Шэнь оказался в сложном положении и не смог продолжить учебу. Весной 1985 г. он уехал в Шэньчжэнь, где весьма успешно занялся бизнесом. Однако он стремился к возобновлению своей профессиональной деятельности как историка. В биографии Шэня часто присутствует фраза о том, что «личные досье отобрали у него кусок хлеба в первой половине жизни, но стали пищей для души во второй». Благодаря готовности тратить серьезные личные денежные средства, полученные в результате предпринимательской деятельности, на поддержку китайских научных исследований, он снискал уважение в научных кругах.

В 1995 г. Шэнь профинансировал деятельность группы по сбору фотокопий документов из рассекреченных архивов Российской Федерации. На этой документальной базе возник 6-летний проект (1996–2002 гг.) Китайской академии общественных наук (КАОН), которым руководил Шэнь. В результате кропотливой работы по

переводу, сверке и редактированию архивных материалов, появился сборник в 34-х томах «Избранные документы по истории Советского Союза» (苏联历史档案选编), который издавался том за томом в период с 2002 по 2008 гг. Это масштабное издание, главным редактором которого являлся Шэнь Чжихуа, представляет собой на данный момент самое обширное исследование основных внешнеполитических событий «холодной войны».

В 1999 г. ему удалось основать в Пекине собственный исследовательский институт, под названием «Центр востоковедческих исторических исследований ассоциации китайских исторических исследований» (中国史学会东方历史研究中心) (в настоящее время этот Центр известен как Ассоциация востоковедческих исторических исследований). Этой структурой лично руководили Шэнь и его жена Ли Данхуэй (李丹慧), также известный историк – специалист по «холодной войне». Там проводилось большое количество конференций, семинаров и других мероприятий научного характера. Институт профинансировал публикацию более 80 книг и десятки статей о Китае времен «холодной войны».

В настоящее время Шэнь Чжихуа является руководителем Центра исследований истории международных отношений эпохи «холодной войны» в Восточно-китайском педагогическом университете в Шанхае. Он, кроме того, занимает адъюнкт-профессорские позиции в КАОН, в Пекинском университете, в Китайском народном университете и в Китайском университете Гонконга. Шэнь был отмечен премиями Международного центра ученых имени Вудро Вильсона в области политики.

Шэнь опубликовал 8 монографий, более 60 статей, был ответственным редактором и автором 5-и коллективных монографий. В его трудах содержится авторская концепция о том, как ухудшались китайско-советские отношения в конце 1950-х гг. Отличительной ее чертой является собственная, оригинальная, зачастую отличающаяся от официальных версий и весьма спорная трактовка проблем, связанных с этой тематикой. Используя архивные материалы, Шэнь глубоко проанализировал процесс принятия решений, которые в конечном итоге привели к вмешательству Китая в корейскую войну. Он широко представил мемуары, монографии, а также дипломатические документы, которые собрал в России и в США. Например, в книге Шэнь Чжихуа «Мао Цзэдун, И.Сталин и Корейская война» (毛泽东、斯大林与韩战) (1998) представлен подробный анализ китайско-советских отношений в период, предшествовавший вступлению Китая в войну. Данная работа стала завершением его книги «Секреты Корейской войны» [«朝鲜战争揭密» (1995)]. В 2009 г. вышла в свет книга «Подъем и развал большой страны» (一个大国的崛起与崩溃). В 2011 г. вышла коллективная монография «История китайско-советских отношений. Новые исследования некоторых вопросов китайско-советских отношений в 1917–1991 гг.» (中苏关系史纲), автором и главным редактором которой являлся Шэнь Чжихуа. Издательство АОН КНР, 2011. В 2012 г. было опубликовано «Пять книг Шэнь Чжихуа о холодной войне» (沈志华冷战五书), собрание сочинений в пяти томах «Вынужденный выбор: Холодная война и судьба китайско-советского альянса» («无奈的选择: 冷战与中苏同盟的命运»), а также двухтомник «На перекрестке: Китай с 1956 по 1957 гг. (处在十字路口的选择: 1956–1957年的

中国). Шэнь Чжихуа не остался без внимания в российском китаеведении. О нем писали Ю.М. Галенович (Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай. М, 2010) и А.Л. Верченко (Современный китайский историк Шэнь Чжихуа//XXV международная научная конференция источниковедение и историография стран Азии и Африки. Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. Тезисы докладов. СПб. 2009).

Материал подготовлен С.А. Горбуновой, Т.Е. Горчаковой.

КИТАЙ В 1956–1957 ГГ.:
МЕЖДУНАРОДНОЕ ВИДЕНИЕ
– ИНТЕРВЬЮ ШЭНЬ ЧЖИХУА, ОПУБЛИКОВАННОЕ В
ГАЗЕТЕ «ДУНФАН ЦЗАОБАО», 24.03.2013 Г.

С точки зрения руководителя Научного центра по изучению периода холодной войны Педагогического университета Хуадун (г. Шанхай) профессора Шэнь Чжихуа, период 1956–1957 гг. в истории страны был весьма необычным, его главная особенность – большие контрасты до и после указанного рубежа. Благодаря провозглашенному курсу на строительство социализма к 1956 г. в китайском обществе произошли колоссальные изменения, развернулось широкомасштабное экономическое строительство, которое получило всеобщее одобрение в партийных кругах на VIII съезде КПК.

Что касается крутого поворота в политике в 1957 г., то профессор Шэнь Чжихуа в своем новом произведении «Китай 1956–1957 гг. Выбор на перепутье» отмечал, что необходимо применять системный подход, т.е. помимо внутренних причин следует анализировать ситуацию в соцлагере, особенно в китайско-российских отношениях.

После секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и после венгерских событий стали возникать сомнения в правильности курса Китая на экономическое строительство как главного пути, что привело к его смене. От «исправления стиля в работе» до борьбы с правым уклоном, от роли руководителя в мировом коммунистическом движении к «большому скачку», от союза Китая и СССР до раскола, от критики Н. Хрущева до поисков «китайского Н. Хрущева», таковы последствия этого переворота в истории.

Вы в своей книге сравниваете 1956 г. с «землей, полной весеннего света», а 1957 г. с «небом, охваченным мглой». Что озарило весенний свет в 1956 г.? Вы подразумеваете, что VIII съезд партии 1956 г. утвердил курс на широкое развитие демократии, усиление законности, сосредоточение сил на строительстве?

Шэнь Чжихуа. В 1956 г. КПК в основном завершила несколько важных задач по укреплению власти. Реакционные силы были уничтожены. Изменилась система собственности и идеология общества. Можно сказать, что в 1956 г. революционные задачи перехода к социализму были выполнены. В китайском обществе произошли необратимые изменения. Что касается «земли, полной весеннего света», то надежды людей на новую власть оправдывались. Не только рабочие и крестьяне искренне поддерживали партию, но и интеллигенция переживала с партией «медовый месяц». Коммунистов в основном считали героическим поколением, перед ними искренне преклонялись, полностью поддерживали их курс. В 1956 г. на совместном совещании по вопросам интеллигенции КПК провозгласила курс «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», а также курс на долгосрочное сотрудничество и взаимный контроль. Считали, что задачи укрепления власти решены, и существуют все факторы для быстрого расцвета страны. В 1956 г. VIII съезд КПК показал, что вопрос «кто кого? (социализм или капитализм?)» уже решен. Главным социалистическим противоречием стало не классовое, а противоречие между передовыми и отсталыми производительными силами. Необходимо было переходить от революции к строительству. Это серьезное изменение в политике являлось первым шагом от партии революции к

правлящей политической партии. Можно сказать, в 1956 г. история дала нам шанс. Если бы в 1957 г. воплотились идеи развития демократических реформ при поддержке СССР и стран Восточной Европы, то возможно уже в 1950-е гг. Китай бы совершил исторический перелом 1980-х, а в соцлагере возобладала бы модель плюрализма мнений и сотрудничества.

По отношению к перевороту 1956–1957 гг. Вы выдвинули интересный аспект, рассматривая ситуацию в Китае под углом зрения международной ситуации. Мы знаем, что в 1956 г. произошли два важных события: XX съезд КПСС, подвергший критике И.Сталина и события в Венгрии и Польше. Сначала объясните вопрос с критикой И.Сталина: со стороны ЦК КПСС и «мягкое» отношение к ней со стороны ЦК КПК. Вы в книге пишете, что Мао Цзэдун двумя руками одобрил критику И.Сталина, и это привело к созданию условий для отхода от Сталинской модели.

Шэнь Чжихуа. Как можно видеть сейчас в открытых документах ЦК КПК, отношение Мао можно представить следующим образом. Мао мог согласиться с содержанием документов. В душе он был очень рад, так как его отношения с И.Сталиным были не очень хорошими. Он испытывал давление со стороны И.Сталина, поэтому чувствовал, что избавился от этого груза. Кто заставил нас освободить сознание, как отблагодарить товарища Н. Хрущева, как выразить благодарность КПСС?

Но, с другой стороны, у Мао Цзэдуна были два опасения. Первое, что принципиально неверно было полностью отрицать культ личности. Этого не следовало бы делать в целях сохранения престижа пар-

тии. Признание культа личности подрывает престиж всей компартии, что недопустимо. Сначала он не высказывал своего мнения, лишь позднее он писал, что культ личности может быть двух видов. Не надо полностью отрицать культ личности, надо отрицать ошибки одного человека, но есть правильный культ. Один корабль имеет капитана, одной смене нужен начальник. В Китае можно провести параллели с «идеями Мао Цзэдуна». В эпоху И.Сталина не отваживались бороться с культом личности, боялись стать пособниками югославского руководителя Иосифа Броз Тито. Не стало И.Сталина, началась борьба с культом, она началась раньше, чем в 1956 г, уже в 1954 г.

Еще одно опасение заключалось в том, что борьба с культом могла привести к неразберихе в идеологии. Вы проводите идеологическую воспитательную работу, но вдруг появляется внезапно доклад. Вчера еще светило солнце, а сегодня появилась туча. В массовом сознании это трудно переварить. По поводу двух опасений Мао Цзэдун говорил: «Где радость, там и печаль. Необходимо осторожно снимать крышку с кипящего чайника». С точки зрения Мао Цзэдуна И.Сталин был революционный вождь пролетариата, создатель великой державы. Конечно, он был недоволен отношением И.Сталина к КПК, лично к нему. Это не сразу проявилось, в начале Мао Цзэдун не осмеливался прямо высказываться. Он считал, как в СССР говорят, так и мы должны говорить. Вообще Мао Цзэдун считал, что И.Сталин марксист. Это невозможно отрицать. Если это отрицать, то что же на самом деле строилось в СССР в течение десятилетий? Строился не социализм? Даже мог возникнуть вопрос о законности китайской революции, следовании КПК по революционному пути. Но сердцем Мао осознавал,

если советский народ скинул с пьедестала И.Сталина, то это самый лучший итог. Поэтому, хотя он много раз говорил, что КПК не будет обсуждать этот вопрос, но этот груз давил на него и он сам не мог его сдвинуть, а СССР сам убрал его. Это очень хорошо!

Сталинская модель – эта концепция, которую мы и сейчас используем, в то время другой модели не было, учись или не учись у СССР. В то время учились у СССР, у И.Сталина, ведь так называемая Сталинская модель – это модель, созданная именно И.Сталиным. В 1957–1958 гг. Мао Цзэдун писал об этом. В 1956 г. он размышлял о собственном пути, но в то же время, не выдвигал новых лозунгов. С его точки зрения, после смерти И.Сталина СССР допустил много ошибок, как в таком случае мы можем у них учиться? С объективной точки зрения это явилось одним из условий того, чтобы Китай пошел своим собственным путем.

В таком случае измена Н. Хрущева явилась тяжелым ударом, который повлиял на политический курс Китая. Также возник вопрос, кто может стать «китайским Н. Хрущевым»?

Шэнь Чжихуа. На основе имеющихся материалов ясно, что тогда этот вопрос не возникал. В 1956 г. у Мао Цзэдуна были сильные позиции, он чувствовал себя уверенно. Но он был недоволен тем, что «еще кости не остыли», а началась критика. В любом случае он считал, что Н. Хрущев не должен был так поступать. Возникали ли у Мао Цзэдуна ассоциации применительно к себе, это трудно сказать, на этот счет материалы отсутствуют. Когда он поставил этот вопрос? После поражения политики «большого скачка». Ведь он сам его инициировал. Поэтому в 1959 г. он сказал, что надо отступить. Экономи-

ка трещала по швам. Тогда Мао сказал Чжоу Эньлаю, Лю Шаоци, Чэнь Юню, что уходит заниматься теорией, но на самом деле наблюдал, как они идут по его пути. В это время он обнаружил, что их пути не совсем совпадают с его путем, поэтому он снова вернулся. Он хотел удостовериться, что в его отсутствие они идут правильной дорогой. Есть еще одна проблема. В это время Н. Хрущев и Мао Цзэдун полностью разругались, Мао после 1962 г. сделал упор на классовую борьбу, здесь также прослеживается связь. С 1959 г. в связи с проблемой Пэн Дэхуая, до 1962 г. он постоянно чувствовал, что не все гладко с руководством. Поэтому он особо обращал внимание на полемику с СССР.

Вы говорили о полемике Китая и СССР 1960-х гг. Китайская сторона считала, что расхождения имелись еще до XX съезда. Но Вы пишете, что съезд не привел к особым разногласиям, что отношения оставались тесными.

Шэнь Чжихуа. Мнение о том, что в 1956 г. на XX съезде появление современного ревизионизма повлияло на китайско-советские отношения, возникло во время острой полемики. Сейчас на основе имеющихся материалов мы знаем, что это не так. Эта версия была выдвинута потом для объяснения причин раскола. Мао Цзэдун прямо говорил, что Советскому Союзу необходимо подвергнуть критике линию XX съезда. В 1963–1964 гг., особенно в 1964 г. после смещения Н.Хрущева мы принуждали СССР открыто признать ошибки и подвергнуть критике линию XX съезда. Основной причиной этого являлось, по мнению Мао Цзэдуна, то, что СССР уже не мог руководить соцлагерем. Ваши программа и курс ошибочные, как вы можете

быть руководителем? Поэтому и возник раскол, но это мнение не отвечает историческим фактам. Исторические факты говорят, что курс XX съезда КПСС и курс VIII съезда КПК полностью совпадали, между ними не было никаких различий. Кроме вопроса о критике И.Сталина, у Мао Цзэдуна были лишь небольшие несогласия, это относилось к курсу на «мирный переход», это особый вопрос. Вы посмотрите газеты того периода (1956 г.), нигде в партийной печати или в политических выступлениях не затрагивался вопрос о мирном переходе (такой вопрос возник позже). Этот вопрос начали поднимать только в 1957 г. Это объясняется влиянием СССР, возможно, в то время уже были несогласные в душе, но не заостряли проблему, возможно, планировали поднять этот вопрос на Московском совещании 1957 г. Но с точки зрения общего духа, курса, направления оба съезда были едины. Вообще в период 1956–1957 гг. двусторонние отношения были очень хорошими. С 1954 г. началась помощь СССР, она особенно усилилась в 1954 – первой половине 1958 гг. Поэтому мнение о расколе, начавшемся в 1956 г., является мифом, который продолжается уже несколько поколений и нуждается в разоблачении. Китайско-русские проблемы начались в 1958 г., а не в 1956 г.

Снова поговорим о событиях в Венгрии и Польше. В своей книге Вы пишете, что эти события 1956–1957 гг. в большой степени повлияли на изменение путей развития социализма в Китае.

Шэнь Чжихуа. Влияние венгерско-польских событий на Китай намного сильнее, чем критика И.Сталина. Эти события повлияли даже на изменение курса, намеченного VIII съездом. Критика И.Сталина – это, в конце концов, внутреннее дело СССР, она не оказала слишком

большого влияния на Китай. После опубликования в Китае статьи Мао Цзэдуна «Относительно исторического опыта борьбы рабочего класса» вопрос о критике И.Сталина постепенно сошел на нет. Данная статья была переведена и перепечатана многими газетами. Это в целом способствовало укреплению соцлагеря и оказало идеологическую помощь КПСС.

30 июня 1956 г. ЦК КПСС опубликовал постановление относительно критики И.Сталина, смысл которого сводился к тому, что нельзя из-за критики И.Сталина отрицать социалистический строй и роль КПСС. Поэтому вопрос о И.Сталине для обеих партий потерял актуальность. Однако влияние критики И.Сталина на компартии Восточной Европы не только не ослабело, а стало важной идеологической проблемой. Критика И.Сталина вызвала большие изменения в руководстве стран Восточной Европы. Там имелось много групп и партий, возникших «на местной почве», которые пострадали при И.Сталине в прошлом, а сейчас воспрянули. В расстановке политических сил в Восточной Европе произошли изменения.

После окончания Второй мировой войны и вплоть до 1956 г. в отношениях между СССР и странами Восточной Европы наблюдались сложные процессы. После войны в странах Восточной Европы возникли многопартийные коалиционные правительства. Хотя считалось, что «все дороги ведут в Рим», но к социализму пошли разными путями. В Восточной Европе возникли доморощенные самостоятельные партийные группировки. Но в 1947 г. после начала периода «холодной войны», особенно после введения Плана Маршалла, многие партии были запрещены, перешли к однопартийной системе, все ком-

партии шли к социализму по единой советской модели. В компартиях Восточной Европы господствовали промосковские группировки.

После XX съезда КПСС и компании критики И.Сталина различные партийные группировки снова возникли, ухудшилась репутация промосковских группировок. В верхах начался разброд. Критика И.Сталина привела к расколу. Это явилось главной внутренней причиной венгерских и польских событий.

В конце октября возникли венгерские события. 4 ноября СССР ввел войска на период до конца ноября. Это, по словам Мао Цзэдуна, была «осень, полная событий», она оказала большое влияние на Китай. В период 1956 г., когда «земля была полна весеннего света» и когда китайские лидеры считали, что классовая борьба уже завершена, буржуазии нет, помещиков нет, образованы совместные предприятия государственного и частного капитала, гоминьдановские шпионы уничтожены, классовой борьбы нет, Китай начал возвышаться. К такой оценке пришел VIII съезд КПК. Но, когда произошли венгерские события, на пленуме ЦК КПК в ноябре 1956 г. обнаружилось, что существуют еще серьезные проблемы партийной власти, которые могли нанести ей серьезный урон. Еще имелись силы, способные сделать власть неустойчивой, это народные массы. Подлинные творцы, как это было продемонстрировано в Венгрии и Польше.

Таким образом, КПК должна была повысить бдительность. Они поняли, что инциденты в Польше и Венгрии были спровоцированы совместно внешними и внутренними реакционными силами, такой обстановке способствовали и ошибки КПК. Коммунисты полагали,

что контрреволюционных сил в Китае уже не существует, они уничтожены. Семьсот тысяч были уничтожены в ходе движения «чжэньфань», еще несколько сот тысяч в ходе движения «суфань». Классовых врагов больше не было. Однако события в Венгрии показали, что существуют противоречия между правящей партией и народными массами, недостатки в работе могут привести к свержению компартии. Поэтому Мао Цзэдун предложил идею «Надлежащего разрешения противоречий внутри народа». Суть ее в том, что если противоречия не разрешены, они могут повлиять на стабильность власти. Этот вопрос выдвигался еще на 2-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва, в результате в 1957 г. началось движение по исправлению стиля в работе «чжэньфэн».

Прежде в руководстве полагали, что это проблема правящей партии, поскольку она является главной стороной противоречий. Однако есть и другая сторона. Мао Цзэдун считал, что движение необходимо начать в январе 1957 г. Если стиль неверный, противоречия не будут разрешены. Можно оторваться от масс, скатиться к бюрократизму и сектантству, не давать жить другим людям. Если Компартия всем сердцем и душой будет служить народу, противоречий не будет. Вначале Мао Цзэдун был полон оптимизма, он неоднократно повторял, что в Китае не может случиться того, что было в Венгрии. Достаточно лишь упорядочить стиль и уделить должное внимание партийному строительству.

Однако Лю Шаоци и Чжоу Эньлай считали, что партийные проблемы это политические проблемы. Нет ли перегиба в сотрудничестве, не слишком ли суровы ограничения? Они предложили комплекс

мер по постепенному изменению партийной политики. Они затронули такие проблемы как цены, выращивание свиней и уток, повышение зарплаты, частное владение недвижимостью, организация частных школ и пр. В результате появилось два курса. За Мао Цзэдуном было меньшинство. Его лозунг «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» в основном был направлен на помощь в исправлении стиля со стороны беспартийных. Высказываться должны не только члены партии, другие люди также должны иметь возможность высказать свое мнение о партии. Мао Цзэдун считал, что в основе партии нет проблем, народ поддерживает партию, но в самой партии есть проблемы. Мао Цзэдуна всегда волновали проблемы разложения, он любил говорить о буржуазной «пуле в сахарной оболочке». На 2-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва он выдвинул ряд предложений, особо опасался, что партия пойдет по пути Ли Цзычэна. Если тебя не победит враг, ты можешь погибнуть от себя самого. В этом заключалась основная идея движения «чжэнфэн».

Исправление стиля работы волновало других руководителей и рядовых членов партии, поскольку в 1942 г. уже был «Яньаньский чжэнфэн», от которого пострадали многие партийный кадры. Большинство коммунистов сознательно или бессознательно выступали против этого движения. Работники провинциального уровня выступали за смягчение движения. Так в Юньнаньском комитете рассматривали движение как «учебу». Подобные мысли высказывал и Лю Шаоци. В целом вся партия была очень обеспокоена. Многие кадровые работники не могли принять критику со стороны беспартийных в лозунге «пусть расцветают сто цветов». Многие считали, что Поднебес-

ной должны управлять старшие, а не люди с низким культурным уровнем. Немало людей сознательно или бессознательно противились движению «чжэнфэн». Мао Цзэдун был очень недоволен. Отправившись из Тяньцзиня в Цзянсу и Чжэцзян, он понял, что ни в центре, ни на местах не предпринимают никаких мер, не слышат его призыв. Это напоминало обстановку перед «культурной революцией». Он направился в Шанхай, но там было то же самое.

Как видно из Вашей книги, реакция Мао Цзэдуна на события в Польше и Венгрии была: «в Китае это не может повториться», поэтому он инициировал движение за исправление стиля, которое переросло в «борьбу с правыми».

Шэнь Чжихуа. Вплоть до марта 1957 г. Мао Цзэдун был уверен. Его основной целью было наведение порядка внутри партии, и это соответствовало логике. Во-первых, власть оставалась в руках партии. Во-вторых, противоречия между партией и народом заключались в самой правящей партии. Согласно этой логике, в управлении партией не было проблем. Однако в партии имело место слабое, пассивное сопротивление. Как быть? Нужно использовать силы вне партии, рабочие и крестьяне для этого не подходят. Остается интеллигенция, причем высокого уровня, есть еще и демократические силы. Поэтому в апреле Мао Цзэдун провозгласил «чжэнфэн с открытыми дверями». В партии были несогласные, но никто не осмелился что-либо заявить. 8 мая Отдел единого фронта ЦК созвал конференцию демократических сил, на которой были официально предъявлены претензии КПК. Конференция взбудоражила все общество. Сверху была конференция демократических сил, снизу движение «19 мая» Пекинского универ-

ситета.

Конференция началась 8 мая, 12 мая Мао Цзэдун заметил наличие проблем, некоторые высказывания были направлены против положения правящей партии, против социалистического пути. 14–16 мая проблемы становились все серьезнее. Однако Мао Цзэдун не принял никаких решений. Он считал, что это идеологические проблемы, которые легко контролировать, он называл их «вопросами мировоззрения». Он считал, что большинство интеллигенции поддерживают его и КПК.

19 мая выступили студенты Пекинского университета, их выступления были более острыми, чем у интеллигенции. На следующий день ЦК КПК выпустил «Указания относительно руководства нынешними движениями», что означало решение Мао Цзэдуна начать «борьбу с правыми». Беспокойство Мао Цзэдуна вызывали рабочие и крестьяне. Если они примут участие в борьбе, обстановка может выйти из-под контроля и повторится польско-венгерский вариант. В апреле после начала весенних полевых работ крестьяне стали покидать коммуны, а в начале мая на заводах произошел ряд забастовок. Переход от «исправления стиля» к «борьбе с правыми» ознаменовал переход Мао Цзэдуна от оптимизма в отношении польско-венгерских событий к бдительности.

У Вас есть очень интересная трактовка «польско-венгерских событий», высказывается мнение, что влияние Китая в социалистическом лагере «выходит за пределы Азии». События бросили вызов руководящему положению Москвы в международном коммунистическом движении. Следует заметить, что курс КПК вызвал широкий

интерес в Польше и Венгрии. Интересно отметить, что курс КПК, включая идею Мао Цзэдуна о «соперничестве ста школ», нашел широкое понимание в Польше и Венгрии. Как вырос авторитет Китая в результате его отношения к указанным событиям?

Шэнь Чжихуа. Когда в 1949 г. Лю Шаоци посетил Москву, у И.Сталина были подобные высказывания. То же говорил И.Сталин впоследствии и Мао Цзэдуну. Смысл был в том, что КПК – большая партия с солидной историей и политическим опытом, партия одержала полную победу в такой большой стране, как Китай. Поэтому в будущем азиатскими революциями занимайтесь Вы, а мы займемся европейскими. При изучении архивов я заметил, что доклады азиатских компартий направлялись в КПК, некоторые затем переправлялись в Москву, в СССР также направляли сводные доклады. После образования КНР Мао Цзэдун добился успеха в двух крупных делах: оказал помощь и спас Корею; помог Вьетнаму изгнать французов. Можно сказать, что Китай показал себя успешным лидером коммунистического движения в Азии. В то время Мао Цзэдун не интересовался европейскими делами, там главенствовал И.Сталин.

Однако после смерти И.Сталина и прихода Н. Хрущева некоторые проблемы были решены неправильно. Это критика И.Сталина на XX съезде КПСС. Мао Цзэдун посчитал Н. Хрущева недостаточно дальновидным, не имеющим политического опыта и выбравшим неправильный подход к событиям в Венгрии. Сам Н. Хрущев не обладал достаточной силой и обратился к Китаю за советом и помощью. Мао Цзэдун послал в Москву Лю Шаоци и Дэн Сяопина. После введения войск в Венгрию СССР попал в изоляцию. Страны Восточной

Европы боялись, что в любое время может наступить их очередь. Оживились и западные страны, любая из них могла стать жертвой военного вторжения. Чжоу Эньлай прибег к политике челночной дипломатии, посещал Польшу, Венгрию, Москву, оказывал помощь деньгами и советами, помог СССР уладить конфликт.

Результатом польско-венгерских событий стало участие Китая в европейских делах, в делах европейских компартий. События стали для Мао Цзэдуна большим «раздражителем». Он прежде никогда не думал руководить всем социалистическим лагерем, включая Европу. Факты подтвердили, что СССР утратил способность к руководству, а авторитет КПК в то время был очень высоким. Опыт и привлекательность Мао Цзэдуна как руководителя были значительно выше, чем у Н. Хрущева. У Н. Хрущева не было опыта работы в ЦК. В 1950 г. он был переведен в Москву на должность секретаря горкома. Только после смерти И. Сталина он занялся общепартийной работой. Действовал он грубо и непрофессионально. Авторитет КПК и лично Мао Цзэдуна в Европе был очень высоким. Когда дискуссии в европейских странах заходили в тупик, вспоминали, как в этом случае поступили бы в КПК, как бы поступил Мао Цзэдун. В период большого скачка 1958 г. в Европе также были люди, которые учились у Китая, в одном из уездов Болгарии были созданы народные коммуны. В то время авторитет и влияние КПК были существенными.

Однако одна проблема была рассмотрена ошибочно, отношения СССР со странами Восточной Европы были не столь простыми ввиду культурного фона и геополитических проблем. Мао Цзэдун не учитывал эти факторы. После разрыва Китая и СССР большинство стран

Европы пошли за СССР.

Приоритетное положение Китая в социалистическом лагере становилось все более заметным. В своей книге Вы пишете, что основной причиной смены лидера социалистического лагеря с КПСС на КПК стала экономическая мощь, председатель Мао это хорошо понимал, поэтому он выдвинул идею «большого скачка».

Шэнь Чжихуа. Мао Цзэдун отличался неуравновешенным характером, он хотел сразу поднять китайскую экономику, повысить показатели в несколько раз. Такое мышление он демонстрировал с 1955 г., вынудив Чжоу Эньлая повторить это в 1956 г. Еще он привык осуществлять экономическое строительство путем массовых кампаний. Он считал, что массовая кампания подходит для всего, будь то земельная реформа или классовая борьба. Экономическое строительство не было исключением. Он все делал срочно и быстро и еще масштабно, если участвует весь народ, можно делать быстро. Идеологическая основа – быстро, способ – всенародно. Почему же в 1956 г. он поручил это Чжоу Эньлаю? В 1956 г. всему учились у СССР, в том числе и плановой экономике. Чжоу Эньлай считал, что при нарушении баланса разрушается план. Мао Цзэдун был недоволен. В СССР был направлен Ли Фучунь. Советский Госплан проанализировал китайские планы и пришел к выводу, что они неосуществимы. Также думали и советские специалисты, работавшие в Китае. У Мао Цзэдуна не было ничего кроме энтузиазма, поэтому в 1956 г. началась «борьба с авантюрой».

В 1957 г. был выполнен 1-й пятилетний план, размещение промышленности было в основном завершено. Это вдохновило Мао Цзэ-

дуна на дальнейшее немедленное развитие. В это время в Москве проходило совещание. Н. Хрущев выдвинул идею за 15 лет обогнать США, и это очень вдохновило Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун считал, что в политике Китай уже обогнал СССР. СССР уже не способен заниматься политикой, идеологией и возглавлять международное коммунистическое движение. Однако, что касается «холодной войны», Китай не способен противостоять в ней без СССР, это было связано с ядерным оружием и экономической мощью. На московском совещании один из участников заявил, что не следует более упоминать СССР как главу социалистического лагеря, его должны возглавлять СССР и Китай или Китай и СССР. С советской стороны тоже было такое предложение. Мао Цзэдун признавал руководящую роль СССР. Встает вопрос, почему? Потому, что СССР обладал реальной силой и ядерным оружием, США боялись его, а не Китая. У Китая был политический опыт, он мог давать советы. Мао Цзэдун предлагал политическую конструкцию, при которой на переднем плане был бы СССР, а Китай оставался регентом за ширмой.

Когда же Китай сможет выйти на авансцену и полностью контролировать социалистический лагерь? Для этого нужно обладать реальной экономической мощью и ядерным оружием, кроме того, нужно быть «старшим братом» и быть в состоянии оказывать помощь. Но Китай еще не готов. Поэтому Мао Цзэдун решил поднимать экономику и выдвинул теорию «большого скачка».

«Его можно заменить» – подобный импульс оказал влияние не только на внутреннюю политику. В Вашей книге говорится, что семена окончательного раскола китайско-советского союза появились

уже тогда.

Шэнь Чжихуа. В структуре отношений социалистических стран есть одна проблема. В чем суть отличий отношений между социалистическими странами и так называемыми современными капиталистическими странами? На западе нет ведущих и ведомых, независимо от размера все страны равноправны и имеют в ООН один голос. Социалистические страны в то время делились на ведущих и ведомых. Эта практика перешла от партийных отношений «вся партия подчиняется ЦК, меньшинство подчиняется большинству». Высшим руководителем был СССР, на втором месте Иосифа Броз Тито, в самом низу были Болгария и Албания. Китай тоже был на втором месте и руководил Вьетнамом и Кореей. Благодаря тому, что СССР первым одержал победу в революции, обладал опытом и силой, его лидерство не вызывало сомнений. Иосифа Броз Тито тоже не пытался избавиться от советского руководства. И.Сталин сохранял бдительность и постоянно ожидал провокаций. Когда настало время Мао Цзэдуна, проблема возникла снова. После смерти И.Сталина Мао Цзэдун стал естественным лидером. По сравнению с другими руководителями социалистических стран он обладал всеми качествами и привлекательностью. Однако Китай был слаб экономически и существенно отставал по опыту международной борьбы. СССР обладал экономической мощностью, но политический опыт был недостаточным. Структура руководства социалистического лагеря изменилась.

После московского совещания в социалистическом лагере практически проявилось двоевластие. КПСС и КПК уравнились в силах. Появилась скрытая угроза китайско-советского раскола и раскола со-

циалистического лагеря. На одной горе появилось два тигра, на небе два солнца. В конечном итоге встал вопрос, кому быть старшим братом. Достаточно было только одной этой проблемы, чтобы союз раскололся. Однако был еще один фактор. Единство взглядов руководителей и курса партии. Если бы курс был единым, партии могли бы сотрудничать очень долго. Двойное руководство сформировалось в 1957 г. и разногласия начали проявляться уже к концу года. В 1958 г. произошел ряд событий: «большой скачок», народные коммуны, обстрел Цзиньмэньдао, конфликт на китайско-индийской границе, визит Н. Хрущева в США. Между Китаем и СССР возникли разногласия по внутренним и международным проблемам. Китайско-советский союз раскололся, и этот раскол был неизбежным.

ИСТОРИЯ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В 1917–1991 гг.

ЧАСТЬ II. ТОВАРИЩИ И БРАТЬЯ (1949–1960)
(С. 111–278)

**ГЛАВА 1. ПОДПИСАНИЕ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА И КИТАЙСКО-
СОВЕТСКИЙ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ (С. 111–126)**

Первым дипломатическим актом после образования нового Китая стало подписание союзного договора с СССР. Мао Цзэдун провел в Москве больше двух месяцев, в результате постоянных переговоров было достигнуто согласие. «Советско-китайский договор о дружбе союзе и взаимопомощи» и ряд соглашений закрепили в юридической форме стратегические союзные отношения между Китаем и СССР. Это, как подчеркивает Шэнь Чжихуа, один из документов в истории китайско-советских отношений, заслуживающий внимательного изучения. Далее со ссылками на архивные материалы, а также на советскую и китайскую историографию излагается толкование этих исторических событий.

Победа китайской революции в корне изменила обстановку на Дальнем Востоке и вынудила СССР изменить свою политику в отношении Китая. Чтобы укрепить свои силы в противостоянии США И.Сталину был необходим союз с Китаем. КПК стала правящей партией. По идеологическим соображениям, в интересах безопасности и с учетом будущего экономического строительства Китаю также были

нужны тесные союзнические отношения с СССР. Если цели И.Сталина и Мао Цзэдуна были едиными, то относительно юридического закрепления этих намерений у Китая и СССР были различные точки зрения. В этом и проявился конфликт интересов. И.Сталин хотел, чтобы союз с Китаем не нанес ущерба советским интересам, достигнутым в результате Ялтинских соглашений; Мао Цзэдун думал о том, как создать дипломатический образ нового независимого и суверенного Китая, как сохранить в договоре суверенитет и экономические интересы.

1. Мао Цзэдун настаивал на подписании нового договора

Еще в январе-феврале 1949 г. во время визита А.И. Микояна в Китай и июне-августе во время визита Чжоу Эньлая в СССР, стороны начали контакты по указанному вопросу, однако ни одна из них не высказала конкретных целей. И.Сталин выразил желание встретиться с Мао Цзэдуном лично. Еще до отъезда в СССР Мао Цзэдун неоднократно заявлял, что он хочет подписать новый договор взамен договора 1945 г.

И.Сталин не давал четкого ответа, хотя у него уже были свои соображения. На первой встрече с Мао Цзэдуном, когда тот поднял вопрос о договоре, И.Сталин перебил его и сказал: «эту проблему можно обсудить и решить», однако «этот договор необходимо подписать на основе Ялтинского соглашения». Советские руководители решили временно не менять ни одного пункта этого соглашения, поскольку пересмотр хотя бы одного пункта мог дать повод американцам и англичанам пересмотреть пункты относительно Южного Сахалина и Курильских островов. Идея И.Сталина заключалась в том, чтобы по

форме сохранить, а по сути дела пересмотреть действующий договор.

В телеграмме 18 декабря Мао Цзэдун заявил Лю Шаоци, что СССР не намерен изменять легитимность действующего договора. Аренда Льюйшунькоу на 30 лет по форме не должна быть изменена, однако можно опубликовать заявление о согласии СССР на вывод войск. Мао Цзэдун просил ЦК высказать мнение по этому вопросу. В совместном ответе ЦК 21 декабря было сказано, что если проблема только в политическом заявлении, Чжоу Эньлаю нет необходимости ехать в Москву. Мао Цзэдун, прежде всего, выразил недовольство относительно результатов совещания. По воспоминаниям представителя ЦК КПСС К. Ковалева в те дни у Мао Цзэдуна «было плохое настроение». Для разъяснения своей позиции Мао Цзэдун предложил провести еще одну встречу.

На встрече 24 декабря в основном обсуждались проблемы братских партий азиатских стран: Вьетнама, Японии, Индии. И.Сталин не вспоминал о Советско-китайском договоре, что очень расстроило Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун считал, что договор определяет перспективы развития Китая, И.Сталин не уделял этому серьезного внимания. И.Сталин ждал, что Мао Цзэдун изменит позицию, Мао Цзэдун не знал, как вынудить И.Сталина на уступки. Противостояние продолжалось недели, и, в конце концов, И.Сталин уступил. Мао Цзэдун демонстрировал открытость и не скрывал намерения провести переговоры с Великобританией и другими союзниками об установлении дипломатических отношений. И.Сталин не признавал опасности разрыва отношений с Китаем. Он согласился на интервью Мао Цзэдуна агентству ТАСС, чтобы он открыто изложить цель своего визита в

Москву. Он направил в резиденцию Мао Цзэдуна В. Молотова и А. Микояна, чтобы они сообщили о согласии подписать новый договор. Мао Цзэдун готовил визит Чжоу Эньлая для проведения конкретных переговоров. Шэнь Чжихуа подчеркивает, что 3 января у Мао Цзэдуна было «прекрасное настроение».

2. Намерения СССР относительно нового договора

По мнению Шэнь Чжихуа, уступки И.Сталина были подготовлены. Пока Мао Цзэдун ожидал прибытия Чжоу Эньлая, СССР тщательно готовился к подписанию договора и сопутствующих документов. И.Сталин настаивал на сохранении формы договора, но допускал коррективы в его практическом содержании. Цель СССР – соблюдение своих интересов на Дальнем Востоке.

5 января МИД СССР предложил первый вариант проекта «Советско-китайского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи». Кроме политических заявлений о союзных дружеских отношениях там говорилось, что стороны признают пункты Договора от 14 августа 1945 г. о Китайско-Чанчуньской железной дороге и аренде Даляня и Люйшунью. Советская сторона, соглашаясь на подписание нового договора, была намерена сохранить три соглашения 1945 г. 9 января был предложен второй вариант проекта договора. В 7-м параграфе указывалось, что договаривающиеся стороны полностью признают приложения к договору 1945 г. относительно Даляня и Люйшунью и считают их неотъемлемой частью договора. МИД СССР еще раз подчеркнул действие соглашений 1945 г. относительно Даляня и Люйшунью. Вопрос о Китайско-Чанчуньской железной дороге передавался на рассмотрение Министерства путей сообщения.

Основываясь на обещании И.Сталина вывести войска из Люйшуньюкоу после подписания мирного договора с Японией, А. Я. Вышинский предложил поправки ко второму варианту проекта. В результате в 7-м параграфе третьего варианта, предложенного 10 января, говорилось: «стороны согласились, что в течение 2-3 лет после вступления в силу данного договора советские войска будут выведены из Даляня и Люйшуньюкоу». В этом варианте также нашел выражение основной принцип И.Сталина: форма договора не меняется, содержание может быть скорректировано. В пятом варианте предложения «вывод» войск был заменен на «сокращение или вывод».

16 января Вышинский предложил В.Молотову окончательный (шестой) вариант, в 7-м параграфе которого было указано: «после вступления в силу Договора советские войска, находящиеся в Даляне и Люйшуньюкоу, через 2–3 года будут полностью выведены на территорию СССР, вывод начнется в 1950 г.» В этом варианте было изменено название с «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи» на «Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи».

Что касается КЧЖД, то на основе принципов МИД СССР и заключения юристов, А. Вышинский предложил В. Молотову соответствующие «протокол» и «заявление». В этих документах подтверждалось признание договора от 14 августа 1945 г. Министерство путей сообщения 19 января предложило свои конкретные поправки. Предлагалось включить в собственность железной дороги, не включенные в 1945 г. предприятия на южной ветке (Харбин–Далянь). Грузы для дороги и ее предприятий не должны облагаться таможенной пошлиной. Хотя порт Далянь не входит в состав дороги, его руководитель

назначается из СССР. Для управления портом и предприятиями г. Далянь предполагалось создать совместную Советско-китайскую пароходную компанию, а руководство компании передать штабу военно-морских сил СССР. Министр путей сообщения также подчеркнул необходимость включения в состав дороги участка, который до 1945 г. входил в состав южно-маньчжурской дороги.

21 января зам. министра иностранных дел А.Громько представил на рассмотрение Совета министров проект соглашения по железной дороге. Согласно проекту, основу переговоров должен был составлять проект соглашения, предложенный в 1945 г. Должно быть достигнуто соглашение с китайским правительством о восстановлении с февраля 1950 г. совместной эксплуатации дороги. Необходимо также достичь соглашения о внесении изменений, предложенных Министерством путей сообщения СССР. Во время переговоров предложить передать в совместное пользование все имущество железной дороги. Для переговоров по созданию совместного комитета была сформирована советская делегация. Стало очевидным, что при отсутствии желания оставлять Люйшунькоу, СССР сосредоточил усилия по отстаиванию порта Далянь.

22 января все 12 проектов, разработанных комиссиями, были представлены И.Сталину. Среди них был и проект договора, проект соглашения о портах Люйшунькоу и Даляня, проект соглашения о Китайско-Чанчуньской железной дороге, проект соглашения о советском кредите, проект соглашения о создании совместной акционерной судоходной компании, проект соглашения о создании в Синьцзяне Советско-китайского акционерного общества по добыче цветных и

редких металлов и по добыче нефти, соглашение о советской торговле с Синьцзяном, о создании Советско-китайского акционерного общества по управлению недвижимостью в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, проект соглашения о направлении в Китай советских специалистов и преподавателей. ЦК ВКП(б) сразу же признало эти проекты. Проекты включали всевозможные вопросы переговоров.

Советская сторона подготовила проекты всех документов для второго раунда переговоров. Их основное содержание было направлено на «Китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи». Однако кроме установления союзных отношений в принципе, ничего не говорилось о конкретной практической выгоде сторон. Что касается Китайско-Чанчуньской дороги, то по сравнению с соглашением 1945 г., предполагавшим срок действия 30 лет, оно еще более гарантировало интересы СССР: право собственности, таможенные льготы, управление. Руководство порта Далянь должно было назначаться СССР, подчиненные предприятия – перейти под совместное управление. Вывод войск из Люйшунькоу предполагалось начать в 1950 г. и закончить в течение 2–3 лет после вступления в силу Договора. К вопросам о Люйшунькоу, порте Далянь и железной дороге предполагалось вернуться еще раз после подписания мирного договора с Японией.

3. И.Сталин снова вынужден был пойти на уступки

20 января 1950 г. в Москву прибыла представительная китайская делегация, возглавляемая Чжоу Эньлаем. 22 января делегация присутствовала на 3-й официальной встрече И.Сталина и Мао Цзэдуна. Согласно Шэнь Чжихуа, на этой встрече И.Сталин и Мао Цзэдун при-

шли к единому мнению по некоторым принципиальным вопросам. (1) Необходимость коррекции и подписания нового договора. (2) Соглашение о Люйшуньюкоу остается в силе до подписания мирного договора с Японией, после чего СССР выведет свои войска. (3) За основу принимается соглашение о Китайско-Чанчуньской железной дороге, однако практически его необходимо изменить. (4) СССР утрачивает права на порт Далянь, однако возможно совместное управление. (5) Китай первоначально настаивал на управлении Китайско-Чанчуньской железной дорогой, однако согласился делать это по очереди. (6) Чжоу Эньлай предложил скорректировать доли капиталовложений в дорогу, повысить китайскую долю до 51%, однако согласился рассмотреть этот вопрос заново с учетом интересов сторон. Кроме того, стороны рассмотрели соглашение о кредитах, вопрос о торговле с Синьцзяном и пр. и поручили провести конкретные переговоры по этим вопросам А. Микояну, А. Вышинскому, Чжоу Эньлаю и Ли Фучуню. Учитывая желание китайской стороны сохранить на некоторое время советские войска в Люйшуньюкоу, И.Сталин предложил отложить этот вопрос до подписания мирного договора с Японией. Китайская сторона согласилась на совместное управление портом Далянь, СССР не выдвигал предложения о назначении своего руководства.

23 января переговоры были продолжены. Стороны обсудили советское предложение по договору. 24 января китайская сторона предложила свои поправки к проекту. После этого обе стороны, проведя тщательное сравнение, обнаружили, что китайский вариант, кроме нескольких красивых фраз, ничем не отличался от советского. Дого-

вор предотвращал агрессию со стороны Японии и ее союзников, укрепляя сотрудничество и согласованность действий сторон, выражал общие желания и требования Китая и СССР.

Москва никак не могла предположить, что Китай выдвинет целый комплект подготовленных проектов. 26 января советской стороне был предложен проект «Соглашения о Люйшунькоу, Даляне и Китайско-Чанчуньской железной дороге», инициированный Чжоу Эньлаем. Этот проект практически отвергал предложение СССР рассмотреть указанные проблемы после подписания мирного договора с Японией. Разногласия сторон по этому вопросу еще более усиливались. В китайском проекте говорилось, что если какие-либо обстоятельства помешают подписанию мирного договора с Японией, советские войска будут выведены из Люйшунькоу через три года после вступления в силу данного соглашения. Кроме того, китайская сторона выдвинула три совершенно неожиданных предложения: (1) СССР отказывается от прав использования Люйшунькоу в качестве военно-морской базы, а также от прав на порт Далянь и Китайско-Чанчуньскую железную дорогу и передает эти права КНР. (2) СССР передает китайскому правительству все имущество, которым владеет или арендует в Люйшунькоу и Даляне. (3) Через три года после подписания мирного договора с Японией или вступления в силу данного соглашения СССР безвозмездно передает Китаю все имущество Китайско-Чанчуньской железной дороги.

Китайский проект не только перечеркнул первоначальные замыслы советской стороны, но и внес важные коррективы в принципы, согласованные 22 января. Шэнь Чжихуа не отвечает на вопрос, поче-

му Китай так резко изменил свою позицию, указав, что на этот счет до сих пор нет достоверных объяснений, однако реакция Москвы известна. Советская сторона была удивлена, получив проект Чжоу Эньлая, и немедленно выступила с контрпредложениями. И.Сталин почти полностью перечеркнул китайский проект и поставил много восклицательных и вопросительных знаков, между строками можно было почувствовать его гнев. Однако после спокойных раздумий И.Сталин решил пойти на уступки. Проект, переданный 28 января, был близок к китайскому, однако там не говорилось об отказе от прав на Люйшунью, Далянь и железную дорогу и был добавлен пункт о компенсации Китаем «расходов советской стороны на восстановление и оборудование Люйшунью после 1945 г.». СССР согласился передать Китаю все права на Люйшунью и Далянь. Интересно заметить, что советская сторона согласилась после подписания мирного договора с Японией или не позднее 1952 г. безвозмездно передать Китаю все права и имущество Китайско-Чанчуньской железной дороги. Вместе с тем советская сторона добавила в протокол три пункта: беспшлинный ввоз товаров и материалов в Люйшунью; указанные товары также не должны подвергаться таможенному досмотру; советский военный персонал и военные материалы должны свободно перемещаться по Китайско-Чанчуньской железной дороге, а оплата осуществляться по расценкам, принятым для китайской армии.

31 января китайская сторона предложила встречный проект. В самом тексте почти не было изменений, однако в протоколе в части перемещения советских войск по КЧЖД было предложено осуществлять транспортировку китайских войск по советской территории на

аналогичных условиях. Эту поправку советская сторона не признала. В результате на переговорах началась ожесточенная дискуссия.

В течение 3 дней с 31 января по 2 февраля А. Микоян и А. Вышинский обсуждали с Чжоу Эньлаем предложения сторон. Вышинский докладывал И. Сталину, что по вопросу договора была лишь внесена текстовая коррекция; по вопросам Люйшуньюкоу, Даляня, КЧЖД, кредитов, воздушного сообщения, торговли и специалистов не было принципиальных разногласий; дискуссия развернулась вокруг протокола по Люйшуньюкоу, Даляню и КЧЖД. Советская сторона выразила решительный протест против увеличения транспортировки китайских военнослужащих по территории СССР. В качестве уступки советская сторона согласилась на перевозки китайских военнослужащих только по Дальнему Востоку и только в случае возникновения угрозы для СССР. Советская сторона заметила, что транспортировка китайских войск из Маньчжурии в Синьцзян через советскую территорию не рациональна и не имеет практического смысла, и посчитала китайское предложение «контраргументом». Чжоу Эньлай объяснил это тем, что первой с подобным предложением выступила советская сторона, а китайская лишь предложила симметричное решение. Микоян отказался от предложения о транспортировке войск, однако предложил продлить пользование КЧЖД на 10 лет. На следующий день по указанию Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай принял предложение о транспортировке советских войск, однако потребовал устного обещания разрешить в случае необходимости транспортировку китайских войск по Сибирской железной дороге. А. Микоян согласился принять этот пункт, однако выразил удивление позицией китайской стороны. Он в

гневе заявил: «как союзник, СССР готов безвозмездно передать огромное имущество, включая Люйшунькоу, Далянь и КЧЖД, а Китай не желает согласиться на проезд советских войск по железной дороге. Если Китай не идет даже на такие уступки, какие мы союзники?».

Согласно российским архивным материалам, которые приводит Шэнь Чжихуа, новый раунд переговоров проходил 11–13 февраля. 10 февраля китайская сторона получила новый проект от В.Молотова. Среди прочего предлагалось не разрешать представителям третьих стран экономическую, финансовую и торговую деятельность в районах советского Дальнего Востока и республик Центральной Азии, а также в Маньчжурии и Синьцзяне. Это было т.н. «дополнительное соглашение». Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай в принципе одобрили данное соглашение. Чжоу Эньлай также предложил, чтобы Китай, используя экономические меры, постепенно ограничил деятельность иностранных фирм в Синьцзяне и северо-восточном Китае. Чжоу Эньлай потребовал, чтобы церемония подписания документов состоялась 14 февраля в 18:00. Он также заметил, что соглашения по торговле, воздушному сообщению, нефти и цветным металлам еще не готовы. По совету Мао Цзэдуна эти соглашения необходимо предварительно опубликовать.

14 февраля Лю Шаоци направил Мао Цзэдуну телеграмму, в которой сообщил, что правительство и Консультативный совет на совместном совещании одобрили подписание договора. Вечером И.Сталин и Мао Цзэдун присутствовали на церемонии подписания. Вскоре газеты двух стран опубликовали текст договора и соглашений. По просьбе советской стороны соглашения по Люйшунькоу, Даляню,

КЧЖД и т.н. «дополнительное соглашение» не были опубликованы.

Таким образом, конфликт экономических отношений был разрешен, уступки практически были только с советской стороны.

4. Глубинные мысли И.Сталина относительно китайско-советских отношений

Подписанный 14 февраля Договор и соответствующие документы в основном соответствовали пожеланиям Китая, они защитили его суверенитет и экономические интересы, открыли дорогу для ликвидации неравноправных отношений. И.Сталин путем договора смог осуществить одну из стратегических целей на Дальнем Востоке – получил незамерзающий порт на Тихом океане и продлил контроль над Люйшунью, Далянем и КЧЖД до 1952 г. И.Сталин согласился на уступки, поскольку понимал, что в ближайшие годы Китай не сможет создать мощный военно-морской флот. На уступки по Люйшунью, Даляню он согласился под угрозой возможного международного давления. Шэнь Чжихуа полагает, что были и более глубокие причины.

Первая. На китайско-советских переговорах успешно решена проблема Монголии, которая является важным фактором советской стратегии на Дальнем Востоке. И.Сталин понимал, что уступки Китая по Монголии являются условием для возвращения КЧЖД и в других вопросах.

26 января, когда китайская сторона подняла болезненные для СССР проблемы, Чжоу Эньлай неожиданно вспомнил о Монголии. И.Сталин испугался, что в вопросе о независимости Монголии может выйти заминка. Он посчитал это ненормальным т.к. новое китайское правительство признало провозглашенную в 1945 г. независимость

Монголии. Вскоре Чжоу Эньлай передал Вышинскому ноту, в которой признание независимости Монголии рассматривалось в одном пакете с проблемами Люйшуньюкоу, Даляня и КЧЖД. Только тогда И.Сталин понял истинные намерения китайской стороны. Успешное решение монгольской проблемы предполагало согласие с остальными китайскими предложениями, без этого было невозможно подписание договора о дружбе. СССР был поставлен перед необходимостью выбора между проблемами Монголии и Северо-восточного Китая. Через два дня СССР в принципе принял китайский проект.

Вторая. В условиях холодной войны включение Китая в социалистический лагерь, возглавляемый СССР, позволило бы И.Сталину контролировать обстановку в Азии и противостоять США. Это было исходным пунктом союзных отношений СССР и КНР. Если учитывать политические дипломатические цели, экономические интересы СССР в северо-восточном Китае можно поставить на 2-е место.

И.Сталин не доверял Мао Цзэдуну, он опасался, что КПК может пойти по пути Иосифа Броз Тито. Особенно его беспокоили перспективы развития китайско-американских отношений. Согласно достоверной информации, США всеми способами старались испортить китайско-советские отношения и вывести Китай из-под советского контроля. 17 ноября 1949 г. в СССР была получена информация, что в США разработан план «превратить КПК во 2-ю “клику Иосифа Броз Тито”», и главной задачей американских спецслужб является «разрушение китайско-советской дружбы». Такая информация для И.Сталина была серьезным раздражителем. Г.Трумэн как президент заявил о признании суверенитета КНР над Тайванем. Госсекретарь

Д.Ачесон выступил с докладом, в котором вспомнил об истории российской агрессии в Китае. Белый дом распространял слухи, что «СССР требует контроля над стратегическими точками Китая», «И.Сталин держит Мао Цзэдуна под домашним арестом», «У Чжу Дэ достаточно власти, чтобы сдерживать прокремлевскую группировку», «СССР предал Китай» и пр. И.Сталин был очень рассержен, сразу передал Мао Цзэдуну полный текст доклада Д.Ачесона и потребовал, чтобы китайское правительство выступило с официальным заявлением. И.Сталин обвинил Мао Цзэдуна в том, что он не уделяет проблеме должного внимания. И.Сталин понимал, что возможная угроза безопасности со стороны Китая серьезнее экономических интересов в Северо-восточном Китае. В любом случае он не мог допустить, чтобы американцы осуществили свои замыслы по разрушению союзных отношений между СССР и Китаем.

Третья. Возможно, у И.Сталина были и другие, далеко идущие намерения. Отказавшись от интересов в северо-восточном Китае, он придерживался других стратегических целей на Дальнем Востоке. На Корейском полуострове перейти к стратегии наступления, не затрагивая интересы США, чтобы взять под контроль морские порты.

Если И.Сталин принимает условия Мао Цзэдуна, не хочет терять незамерзающие порты на Тихом океане и хочет сохранить традиционную стратегическую обстановку, он может осуществить это, лишь контролируя порты на Корейском полуострове. Китайские предложения по северо-востоку поставили Москву перед лицом выбора. Доклад госсекретаря США и телеграмма советского посла из Пхеньяна дали ему шанс разрешить это противоречие. 12 января Д.Ачесон зая-

вил, что США исключают Южную Корею из своей оборонной линии на Дальнем Востоке. 19 января посол СССР в Корее сообщил И.Сталину, что с ним хочет встретиться Ким Ир Сен, чтобы обсудить вопрос объединения Кореи. После наступления «холодной войны» в Европе И.Сталин не хотел прямого военного конфликта с США на Дальнем Востоке, поэтому в очередной раз отверг предложение Ким Ир Сена об использовании военной силы для объединения страны. Однако 30 января, через два дня после получения китайского проекта, он изменил свои намерения и подтвердил желание провести с Ким Ир Сеном переговоры.

Возможно, он думал, что при любом результате военного конфликта осуществится стратегическая цель СССР, он получит выход к морю и незамерзающие порты. В случае успешного завершения войны СССР получит контроль над всем Корейским полуостровом. Тогда Инчхон и Пусан смогут заменить Люйшуньюку и Далянь. Из заявления Ачесона И.Сталин понял, что американские интересы не будут затронуты. В случае неудачи можно будет, учитывая напряженную обстановку, потребовать от Китая сохранить Люйшуньюку и Далянь, а советские войска получат право пользования КЧЖД. Таким образом, в любом случае СССР будет иметь порты на Тихом океане.

И.Сталин всегда осознавал стратегическое значение Корейского полуострова и важность его портов для безопасности советского Дальнего Востока. Еще в сентябре 1945 г. МИД указывало, что необходимо взять под контроль три стратегических района: Пусан, Инчхон и Чэчжу. При подписании соглашения четырех держав об опеке, согласно 82-й статье Устава ООН, Пусан, Чхонджин, о. Чэчжудо и

Инчхон должны быть выделены как стратегические районы и находиться под особым военным контролем советского правительства. При подписании советско-китайского союзного договора в основном осуществились стратегические цели СССР на Дальнем Востоке, однако вскоре началась «холодная война» между СССР и США. Внимание И.Сталина первоначально было сосредоточено на Европе, он хотел избежать прямого вооруженного конфликта с США на Корейском полуострове. И.Сталин не выдвигал стратегических требований к Южной Корее. Однако он почувствовал, что при утрате стратегических интересов вопрос о Корейском полуострове должен быть включен в повестку переговоров.

Четвертая. И.Сталин дал «зеленый свет» Ким Ир Сёну потому, что испытывал сомнения относительно Мао Цзэдуна. Под давлением Мао Цзэдуна Москва два раза шла на уступки. Такого не было за всю историю правления И.Сталина. Он уже не только не хотел допускать Мао Цзэдуна в социалистический лагерь, у него возникло чувство мести. 30 января И.Сталин согласился с предложением Ким Ир Сёна о решении проблемы объединения Кореи военным путем, они оба отказались от обещаний, данных Мао Цзэдуну. Мао Цзэдун неоднократно заявлял, что он поддерживает объединение Кореи, но только после восстановления территориального единства Китая. 21 октября 1949 г. он направил И.Сталину телеграмму с просьбой уговорить Ким Ир Сёна воздержаться от поспешных действий. В ответной телеграмме от 5 ноября И.Сталин обещал уговорить Ким Ир Сёна. И.Сталин также обещал Лю Шаоци предоставить самолеты и корабли для освобождения Тайваня, это обещание он повторил Мао Цзэдуну при встрече.

Мао Цзэдун хотел для строительства нового Китая стабильной международной обстановки, благоприятной для восстановления экономики и укрепления власти. На встрече с И.Сталиным 16 декабря он заявил, что Китаю необходима передышка на 3–5 лет. И.Сталин ответил, что «все зависит от нас, если мы поладим, мир можно гарантировать на 5–10, а то и на 20–25 лет». Однако еще до отъезда Мао Цзэдуна И.Сталин решил изменить своему обещанию. Телеграмма в Пхеньян 30 января означала, что Мао Цзэдуну не удастся осуществить освобождение Тайваня раньше Кореи, а также обеспечить мирную обстановку для восстановления экономики. Это была цена, которую Мао Цзэдун должен был заплатить за успехи при подписании китайско-советского договора.

И.Сталин тщательно продумал государственную стратегию при столкновении интересов союзных стран. В результате Китай стал союзником СССР на Дальнем Востоке и стал защищать его стратегические интересы.

Анализируя результаты подписания договора, Шэнь Чжихуа делает следующие выводы: договор обеспечил странам союзные дружественные отношения, удовлетворил основные требования Китая, однако привел к столкновению интересов. Взаимные подозрения и недовольство у И.Сталина и Мао Цзэдуна усилились. На китайско-советский договор с самого начала легла тень. Только благодаря началу Корейской войны и особенно решению Китая о направлении войск, союзные отношения воплотились в жизнь, укрепились политические и экономические основы союза.

ГЛАВА 2. КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА И ПРАКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА (С. 127–138)

Корейская война – важнейшее событие после Второй мировой войны. В это время проявились политические, дипломатические, военные и экономические функции китайско-российского союза. Китай, по мнению Шэнь Чжихуа, в труднейших условиях направил в Корею войска, спас Пхеньян, помог Москве исправить ошибки, защитил восточные ворота социалистического лагеря. Это изменило отношение И.Сталина к Мао Цзэдуну и КПК, оказав Китаю всестороннюю помощь. Союз гарантировал защиту от поражения в войне, война укрепила политическую и экономическую базу союза.

1. Мао Цзэдун твердо решил направить войска в Корею

Несмотря на нежелание предпринимать военные действия, с началом войны, особенно когда обстановка изменилась в неблагоприятную сторону, Мао Цзэдун решил направить войска для участия в Корейской войне. Еще 2 июля, незадолго до официального объявления войны Чжоу Эньлай сказал советскому послу Родину, что США наращивают контингент, высаживаются в портах на юге и продвигаются на север по железной дороге, если они перейдут 38-ю параллель. Китай направит в Корею добровольцев. 11 августа состоялось совещание руководителей соединений, сосредоточенных в северо-восточном Китае. Им было предложено в ограниченные сроки закончить подготовительные работы. Несмотря на неоднократные намеки, И.Сталин сохранял спокойствие, он не хотел, чтобы в случае успеха Корея попала под китайский контроль. Только после успешного десанта Мак-Артура в Инчхоне и утраты инициативы Народной армии Кореи

СССР направил военную помощь, а миссию спасения Кореи И.Сталин возложил на Мао Цзэдуна.

1 октября, после получения телеграммы И.Сталина, Мао Цзэдун потребовал от армии завершить подготовительные работы и быть готовыми к выступлению на борьбу с новым врагом. Однако на совещании в Чжуннаньхае возникли разногласия, и Мао Цзэдун решил созвать расширенное заседание Политбюро, а Роцина просил передать И.Сталину, что с направлением войск есть некоторые сложности. На расширенном заседании также были разногласия, однако Мао Цзэдун смог настоять на направлении войск и поручил операцию Пэн Дэхуаю. Мао Цзэдун решил направить Чжоу Эньлая и Линь Бяо к И.Сталину с просьбой предоставить оружие, снаряжение и авиационную поддержку.

11 октября на Черноморском курорте состоялась встреча И.Сталина с китайскими руководителями. И.Сталин согласился помочь оружием и снаряжением, но объяснил, что для направления авиации потребуется 2-3 месяца. В результате решили войска не направлять, а Ким Ир Сену рекомендовали перейти Ялунцзян, чтобы сохранить живую силу. После получения известий о результате переговоров Мао Цзэдун созвал экстренное совещание Политбюро. Было принято решение, несмотря на все трудности, войска в Корею направить. Мао Цзэдун, Пэн Дэхуай и Гао Ган подробно изучили планы действия добровольцев. Войска было решено ввести 19 октября. Не имея поддержки авиации, Мао Цзэдун решил на первом этапе вести боевые действия только с войсками Южной Кореи.

В Пхеньяне нервничали. 15 октябре Ким Ир Сен направил своего

представителя в Шэньян с требованием ускорить переброску войск. Мао Цзэдун потребовал начать действия раньше намеченного срока. И.Сталин согласился перебросить авиацию в Северо-восточный Китай, однако не гарантировал ее участие в боевых действиях и через два месяца.

Пхеньян был окружен, и войска противника через 2-3 дня были готовы выйти на корейско-китайскую границу. 19 октября китайские добровольцы вступили на территорию Кореи. Китай, как пишет Шэнь Чжихуа, проявил себя надежным другом социалистического лагеря, что вызвало необыкновенную радость И.Сталина.

2. Координация и единство действий военной стратегии Китая и СССР

От перехода китайских добровольцев через Ялуцзян и до подписания соглашения о перемирии Мао Цзэдун и И.Сталин в принципе придерживались единой точки зрения. Они быстро приходили к единому мнению, хотя их взгляды не всегда были правильными.

Добровольцы провели две успешных операции, освободили Пхеньян и передвинули линию фронта к 38-й параллели. Относительно дальнейшего продвижения на юг возникли разногласия. Добровольцы испытывали недостаток вооружений и продовольствия. Пэн Дэхуай предложил отложить начало следующей операции на 2-3 месяца.

Однако Мао Цзэдун настаивал на продолжении операции, с И.Сталиным по этому вопросу у них было молчаливое согласие. 5 декабря Советская сторона предложила «ковать железо пока горячо». Индия в числе 13 стран Азии и Африки призвала Китай не переходить

38-ю параллель. Китай выдвинул 5 условий: вывести все иностранные войска из Кореи, вывести американские войска с Тайваня, предоставить решение корейского вопроса самому корейскому народу, место Китая в ООН отдать представителю КНР, созвать совещание 4 держав для подготовки подписания мирного договора с Японией. Чжоу Эньлай информировал о китайских условиях Рощина. Советское правительство незамедлительно сообщило о своем согласии с китайскими условиями и о том, что прекращение военных действий невозможно без выполнения этих условий. Однако советская сторона порекомендовала не торопиться с выдвиганием условий и подождать условий США и ООН. Для согласования действий с Китаем Политбюро ЦК ВКП(б) направило извещение советской делегации в ООН, в котором предложило в качестве условия прекращения войны первый и третий пункт китайских условий.

В этой обстановке Мао Цзэдун не мог согласиться с планами Пэн Дэхуая. В телеграмме он потребовал учитывать не только мнение СССР, США и Великобритании, но и социалистических стран. Китайские добровольцы одержали ряд побед, но у них больше не было сил сражаться. Войска ООН провели плановое отступление. Корейско-китайские войска, хотя и заняли некоторые позиции, не нанесли противнику серьезного урона. 8 января действия китайских добровольцев были остановлены. Это вызвало недовольство корейской и советской стороны. Советский военпред Захаров заявил, что в мире не было случаев, чтобы побеждающая армия не преследовала противника. Передышка для противника является грубой военной ошибкой. Ким Ир Сен встретился с Пэн Дэхуаем, а затем пожаловался на него

И.Сталину и Мао Цзэду. Однако и И.Сталин и Мао Цзэдун полностью поддержали Пэн Дэхуая. Временная передышка не предполагала отказа от полного изгнания войск США с Корейского полуострова. Поэтому Чжоу Эньлай отказался от выгодных для Китая предложений ООН от 13 января.

Трудности летнего сражения на 38-й параллели вынудили СССР обратиться в ООН с предложением о прекращении войны. В конце мая 1951 г. Мао Цзэдун созвал совещание ЦК, где предложил «одновременно воевать и вести переговоры», пригласил Ким Ир Сена в Пекин. Затем попросил И.Сталина принять Ким Ир Сена, Гао Гана и находящегося на лечении в Москве Линь Бяо. 10 июня Ким Ир Сен и Гао Ган прибыли в Москву на специальном советском самолете. После переговоров, 13 июня И.Сталин направил Мао Цзэду телеграмму: «Мы считаем, что сейчас стоит остановить боевые действия». 23 июня в ООН советский представитель Малик выступил с предложением прекратить боевые действия. 30 июня командующий войсками ООН официально по радио выступил с предложением о прекращении огня. Мао Цзэдун предложил И.Сталину возглавить мирные переговоры. И.Сталин непосредственно в переговорах не участвовал, однако ни одно конкретное решение не было принято без его одобрения.

Во второй половине 1952 г. переговоры в Панмунчжоме зашли в тупик, однако корейская сторона была готова принять американские предложения. И.Сталин поддержал Мао Цзэдуна, исходя из глобальной стратегии советско-американского противостояния. Корейские руководители спешили подписать соглашение о перемирии и сосредоточить силы на политической и экономической деятельности, не

думая о последствиях. Мао Цзэдун заявил Ким Ир Сену, что подписание соглашения в условиях жестоких бомбардировок неблагоприятно для Кореи и Китая в политическом и военном отношении. Американские неудачи на восточном участке фронта и успехи СССР в экономическом строительстве отсрочивали возможность возникновения новой мировой войны. И.Сталин сообщил Ким Ир Сену о своей поддержке бескомпромиссной политики Китая.

От направления китайских добровольцев и до смерти И.Сталина действия СССР и Китая в корейском вопросе были едиными.

3. Помощь И.Сталина китайским добровольцам

И.Сталин понимал, что Китай воюет не только ради Кореи, он воюет в интересах СССР и всего социалистического лагеря. Поэтому в течение всей войны И.Сталин оказывал масштабную помощь доблестному союзнику.

Помощь, прежде всего, выражалась в воздушном прикрытии тылов. Уже на 4-й день после вступления китайских добровольцев военный советник СССР сообщил Чжоу Эньлаю о готовности советских летчиков пересекать китайско-корейскую границу. 1 ноября МИГ-15 вступили в воздушный бой в районе Аньдун – Синьйичжу и сбили 2 американских самолета. Основными задачами советской авиации была защита мостов, электростанций, дамб, коммуникаций и аэродромов. В начале марта 1951 г. И.Сталин по просьбе Мао Цзэдуна согласился перебазировать две эскадрильи истребителей на корейскую территорию. В 1951 г. советские истребители вели в небе Кореи успешные боевые действия. Из-за ограниченного радиуса они не могли бороться с американскими бомбардировщиками в южных и восточных

районах.

Советская авиация сыграла важную роль в Корейской войне. За весь период в войне участвовало 12 эскадрилий, 72 тысячи человек. Советские истребители сбили 1097 самолетов, зенитная артиллерия – 335.

Без советского оружия Китай не смог бы вести современную войну. Только в первом квартале 1951 г. потребовалось 14,1 тыс. т боеприпасов, сам Китай мог произвести только 1,5 тыс. 28 октября 1950 г. Мао Цзэдун запросил у СССР торпедные катера, броненосцы, береговую артиллерию, И.Сталин ответил согласием. 17 ноября Чжоу Эньлай просил предоставить 500 автомобилей из парка советских войск на Ляодунском полуострове. До конца года Китай получил 1000 автомобилей.

Шэнь Чжихуа делает вывод, что, за период Корейской войны китайская армия была полностью реорганизована. Хотя не все советское оружие было новым, для Китая это было современное оружие, и СССР был единственной страной, которая могла оказать Китаю военную помощь.

4. Экономическая помощь Китаю

Наибольшую трудность для Китая представляла экономика, разрушенная за многие годы войны. Экономическая помощь СССР не смогла полностью решить проблему, но она была оказана вовремя. Основу экономического строительства составляли советские проекты. В феврале 1950 г. стороны договорились об оказании помощи в восстановлении 50 объектов угольной, энергетической, металлургической и химической промышленности.

СССР оказал большую научно-техническую помощь в восстановлении и развитии китайской экономики. Одной из серьезных трудностей был недостаток кадров. В период 1951–1953 гг. в Китае работали 1093 советских специалиста. В СССР прошли обучение и стажировку многие китайские студенты и специалисты.

Хотя объем помощи был ограниченным, он сыграл важную роль в Корейской войне и для развития экономики нового Китая.

После смерти И.Сталина внешняя политика СССР изменилась, Корейская война закончилась в июле 1953 г., китайско-советские отношения вступили в новый этап развития.

ГЛАВА 3. XX СЪЕЗД КПСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КИТАЙСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (С. 139–156)

В 1954–1955 гг. китайско-советские отношения стабильно развивались и вступили в стадию «медового месяца». В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС возникла проблема культа личности И. Сталина, что стало сильным потрясением в международном коммунистическом движении и отразилось на китайско-советских отношениях. Курс КПСС после XX съезда является наиболее спорной проблемой в изучении китайско-советских отношений. Руководство КПК считало, что после этого съезда КПСС по ряду принципиальных вопросов отошла от марксизма-ленинизма. Шэнь Чжихуа указывает, что по этому вопросу опубликовано достаточное количество исторических документов.

1. Курс и суть XX съезда КПСС

В международной, внутренней и внутрипартийной политике был выдвинут курс, отличный от сталинского курса XIX съезда.

Во внешней политике было предложено «мирное сосуществование, мирный переход, мирная конкуренция». Социализм стал «мировой системой», поэтому сосуществование двух систем стало неопровержимой истиной. В ядерный век возможно или мирное сосуществование или разрушительная война, «третьего пути» нет. В переходе к социализму возникли новые перспективы, следовательно, возможен мирный переход, победа социализма зависит от мирной конкуренции.

Во внутренней политике съезд предложил ряд новых мер экономического развития и управления страной. При сохранении приоритета тяжелой промышленности, необходимо уделить внимание уско-

ренному развитию производства потребительских товаров, усилить рациональное распределение производительных сил, повысить уровень жизни народа, развивать социалистическую демократию. Об этих проблемах раньше не говорили.

В сфере внутривнутрипартийной жизни, кроме обычных призывов об усилении организационной и идеологической работы, были подняты проблемы усиления коллективного руководства и борьбы с культом личности. Проблема впервые прозвучала в рабочем докладе Н.С. Хрущева, однако привлекла особое внимание после секретного доклада Н. Хрущев 25 октября «Относительно культа личности и его последствий». В докладе Н. Хрущев назвал 1930-е гг. «большой чисткой», а военные и послевоенные годы – годами ошибок в партийной и политической жизни. Чтобы понять реакцию КПК следует отметить два момента. (1) В докладе не было «полного отрицания» И.Сталина. Н. Хрущев неоднократно заявлял, что И.Сталин один из величайших марксистов, и он обладает большими заслугами перед рабочим классом и международным коммунистическим движением. Критика И.Сталина сосредоточена на «чистке» и ошибках военных лет. (2) Говоря о причинах сталинских ошибок, Н. Хрущев ограничился характером и моральными качествами И.Сталина, не дал анализа социальных и исторических причин. Н. Хрущев даже считал, что ошибки И.Сталина совершены в интересах рабочего класса и трудового народа, в этом и заключалась «истинная трагедия».

В различной степени съезд выдвинул антисталинский курс во внешней, внутренней и партийной политике, вызвал явление «десталинизации» в международном коммунистическом движении. Все это

не было внезапным открытием Н. Хрущева, такие настроения сформировались в новом советском руководстве после смерти И.Сталина.

«Холодная война» нарушила сотрудничество великих держав и вынудила И.Сталина пересмотреть внешнюю политику и стратегию безопасности, его взгляды быстро распространились в странах Восточной Европы. Обстановка в Европе обострилась после берлинского кризиса, война в Корее распространила противостояние и на Азию. Смерть И.Сталина предоставила шансы для смены традиционной советской политики. Предложение к Китаю согласиться на американские условия и прекратить войну в Корее, было первой попыткой СССР смягчить международную напряженность. Через год новый председатель Совета министров Г. М. Маленков предложил «мирное экономическое соревнование» со всеми капиталистическими странами, включая США. Это выражение по форме и содержанию отличалось от сталинского учения классовой борьбы. Эта теория и логика была повсеместно принята новым советским руководством. За два года до открытия съезда Москва предприняла ряд шагов по смягчению отношений с Западом: предложила вступление СССР в НАТО, взяла на себя инициативу по улучшению отношений с Югославией, одобрила нейтралитет Австрии и согласилась на вывод войск. Без энтузиазма приняла восстание в Алжире, предприняла активные действия в переговорах с Японией. 30 января 1956 г. при обсуждении проекта заключительного доклада дискуссия была сосредоточена на проблемах парламентского пути, мирного сосуществования, диктатуре пролетариата. Все выступавшие согласились, что основным содержанием доклада является мир.

Война открыла людям глаза. Одетые в военную форму рабочие и крестьяне могли сравнить «социалистический рай» с «капиталистическим адом» и заметить, что уровень жизни в побежденной Германии был выше, чем в стране победителе. Появились сомнения в социализме. Однако под влиянием холодной войны, и особенно в последние годы жизни И.Сталина, восстановились чистки и репрессии, все вернулось к довоенным временам. В 1953 г. советская страна находилась на грани социального взрыва. Люди жили в страхе и бедности. Трудно было поверить, что в 1952 г. страна по уровню потребления только приблизилась к 1913 г. После смерти И.Сталина новое руководство ускорило развитие легкой промышленности и сельского хозяйства, скорректировало экономическую политику. Г. Маленков и Н. Хрущев выдвинули программу реформ в сельском хозяйстве, это был первый опыт ревизии традиционного экономического курса. Хотя в руководстве КПСС были разногласия, все понимали, что для решения социальных проблем необходимо менять экономическую политику. Увеличилось производство товаров народного потребления, развернулось жилищное строительство, расширилась торговля, были снижены налоги в сельском хозяйстве. Все эти меры были политической подготовкой к XX съезду.

И.Сталина больше всего боялись его приближенные, в Кремле царил напряженная атмосфера. К открытию XIX съезда И.Сталин и его «старая гвардия» полностью изгнали из руководства «новое ядро». Все проблемы партии страны решались на ночных банкетах на Сталинской даче. В них участвовали Г. Маленков, Л. Берия, Н. Хрущев и несколько руководителей второго поколения. Между ними была су-

ровая конкуренция, и все боялись быть исключенными из списка приглашенных. В это время И.Сталин внезапно умер. Причины его смерти до сих пор неизвестны, однако, вряд ли кто из руководителей высшего звена желал бы его воскрешения. На 1-м пленуме, созванном после смерти И.Сталина, было принято решение «о коллективном руководстве», сложилось мнение, что ни один человек не может брать на себя решение задач, возложенных на ЦК. Следует заметить, что «десталинизация» в высших эшелонах власти практически началась незадолго до смерти И.Сталина и была полна противоречий.

Можно заметить, что проблемы, поднятые на XX съезде, были требованием эпохи и развития общества. После смерти И.Сталина внутривластная деятельность и общественные тенденции заложили основы реформ. Действия Берии и Маленкова продемонстрировали необходимость перемен. Хотя новое поколение советских руководителей, представленное Н. Хрущевым, было политически незрелым, оно начало переосмысление социалистического пути развития. XX съезд предложил возможности преобразований и предоставил исторический шанс избавления от оков сталинизма. Все это имело большое значение для СССР, Китая и всего социалистического лагеря.

2. Истоки секретного доклада Н. Хрущева

Далее Шэнь Чжихуа дает свою версию событий.

Потрясение в социалистическом лагере вызвал секретный доклад Н. Хрущева, однако первыми против И.Сталина выступили Г.Маленков и Л.Берия.

Через неделю после смерти И.Сталина по приказу Берии были созданы комиссии по расследованию некоторых резонансных дел,

включая «дело врачей». В течение месяца Президиум Верховного Совета одобрил деятельность Л. Берии по разоблачению сфабрикованных дел. 5 мая Президиум по предложению Берии принял решение о запрете на использование портретов руководителей на праздничных демонстрациях. Маленков и Берия начали говорить о губительном действии культа личности. Хотя эти действия не были направлены непосредственно против И.Сталина, их логика была очевидной. 22 июня Берия был арестован, его арест дал новым руководителям Кремля шанс продолжить критику И.Сталина.

Июльский пленум ЦК признал, что, несмотря на соблюдение ленинских норм, в сферах экономического строительства и коммунистического воспитания были допущены ошибки. Особенно в политической жизни партии «накопилось много ненормальных явлений», созыв XIX съезда неоднократно откладывался, много лет не собирався пленум ЦК, не обсуждались важные вопросы экономического строительства. В течение многих лет органы пропаганды занимались восхвалением личности. Все это была критика И.Сталина без упоминания его имени. Многие преступления И.Сталина были причислены Берии. В этом нет ничего удивительного, т.к. авторитет И.Сталина в народе был достаточно высоким.

7 апреля 1955 г. Н. Хрущев предложил созвать XX съезд с обычной повесткой дня. На следующий день ЦК принял это предложение, причем вопрос о И.Сталине в нем не упоминался. Однако в ходе подготовки к съезду вопрос всплыл. Это была проблема сталинских репрессий. Работа по реабилитации началась вскоре после смерти И.Сталина, специальную комиссию возглавил Молотов, были пере-

смотрены дела 1936–1939 гг. В конце 1954 – начале 1955 гг. было рассмотрено 13084 дела о контрреволюции, в 7727 делах было отмечено «грубое нарушение социалистической законности». Было рассмотрено более 10 тыс. заявлений от потерпевших и их родственников, более 30 тыс. заявлений не были рассмотрены.

Вскоре началось возвращение реабилитированных из тюрем и лагерей в Москву и другие города. 5 ноября 1955 г. было принято решение не отмечать день рождения И.Сталина. 31 декабря под давлением общественности была создана новая комиссия по реабилитации во главе с П.Н. Пospelовым. Было также рассмотрено дело о покушении на С.М. Кирова.

1 февраля 1956 г. на Президиуме Верховного совета отвечал на вопросы недавно освобожденный из тюрьмы бывший прокурор по особо важным делам. После этой встречи уже никто не сомневался, что все репрессии были спланированы лично И.Сталиным для подавления политических противников. Микоян и Пospelов привели конкретные примеры, отражающие практическое руководство И.Сталиным массовым террором, вплоть до составления списков подлежащих аресту. В заключение Н. Хрущев предложил не обсуждать методы террора, а определить место И.Сталина. Через два дня имя И.Сталина исчезло из политического словаря.

9 февраля Президиум обсудил доклад Пospelова в 70 страниц, было доказано фактами, что все антипартийные и антисоветские дела были сфабрикованы. За период 1935–1940 гг. были арестованы 1920635 человек. «Чистка» охватила все регионы и ведомства. Репрессиям были подвержены руководители всех республик, краев и

областей. Из 139 руководителей, избранных на XVII съезде, 98 подверглись репрессиям вплоть до смертной казни. Из 1966 делегатов, имеющих право голоса, были арестованы 1108, и 848 из них расстреляны. Однако на заседании возникли разногласия между Н. Хрущевым и Молотовым. Молотов считал, что И.Сталин является непосредственным преемником Ленина и руководителем индустриализации.

Уже после открытия съезда 18 февраля П.Н. Поспелов и А.Б. Аристов представили проект доклада «Относительно культа личности и его последствий», в нем в основном были представлены факты о репрессиях 30-х годов. Н. Хрущев был неудовлетворен и предложил свои дополнения.

Этот процесс показывает, что преодоление культа личности является важным рубежом в изменении сознания советских людей. Оценка деятельности И.Сталина предоставила возможность для проведения реабилитации. Разногласия между отдельными руководителями не сыграли решающей роли. В любом случае доклад Н. Хрущева оказал неоднозначное влияние на международное коммунистическое движение, включая Китай.

3. Влияние XX съезда КПСС на китайско-советские отношения

Шэнь Чжихуа, чтобы ответить на вопрос о влиянии XX съезда, пытается разобраться, чем отличается курс Н. Хрущева от внутренней и внешней политики Китая того времени. В чем отличия курса XX съезда КПСС и VIII съезда КПК?

Как на одну из точек преткновения, он указывает на вопрос мирного перехода. Мао Цзэдун сначала был недоволен его новой трак-

товкой, поскольку захват власти вооруженным путем считал влиянием Октябрьской революции и ценнейшим опытом для мирового пролетариата. Затем его точка зрения претерпела изменения. Чжоу Эньлай и Н. Хрущев вместе предложили «Пять принципов мирного сосуществования» и отказ от экспорта революции. Курс XX съезда на «три мирных пути» встретил понимание в высшем руководстве КПК. 21 февраля представитель МИД Чжан Вэньтянь заявил, что форм перехода к социализму может быть множество. Чжоу Эньлай неоднократно говорил о мирном сосуществовании, что новая война не является неизбежной. 3 мая на заседании Госсовета Чжоу Эньлай еще раз заявил о мирном сосуществовании. Вскоре после этого «Жэньминь жибао» опубликовала статьи «Важный метод, способствующий мирному сосуществованию» и «Развитие тенденций мирного нейтралитета». В такой обстановке Мао Цзэдун более не выступал против мирного перехода.

Во внутренней экономической политике Мао Цзэдун придерживался курса «учиться у СССР». Если сравнить доклад Н.А. Булганина о 6-й пятилетке и мнение Мао Цзэдуна, можно найти много общего в их отношении к доле капиталовложений в тяжелую, легкую промышленность и сельское хозяйство и к вопросам повышения уровня жизни народа. В аналитическом докладе Советского посольства отмечалось, что основные пункты программы Мао Цзэдуна совпадают с решениями XX съезда КПСС, особенно в вопросе о повышении уровня жизни. И в китайском, и в советском подходе не нарушалась сталинская модель, не предлагались реформы социалистического пути развития. Китай в экономическом строительстве использовал советский опыт,

особенно опыт послевоенного восстановления народного хозяйства. Мао Цзэдун предлагал учитывать и недостатки сталинской модели. Следует заметить, что когда в 1956 г. Мао Цзэдун начал поиск собственного китайского пути, он не отказался от советского пути, предложенного И.Сталиным. Он лишь отметил необходимость учитывать некоторые особенности китайской и мировой обстановки. Как и большинство советских руководителей, Мао Цзэдун считал, что в сталинской модели нет принципиальных ошибок, есть лишь проблемы метода. По образному выражению Шэнь Чжихуа, идеологические искры, зародившиеся в ходе поиска китайского пути на VIII съезде, погасли в результате событий в Польше и Венгрии.

В истории сложилось мнение, что Мао Цзэдун был недоволен критикой И.Сталина Н. Хрущевым, что критика И.Сталина на XX съезде вызвала волну конфликтов в международном коммунистическом движении. Китай имел свое мнение, однако влияние съезда на китайско-советские отношения далеко не такое простое, как многие думают.

Почти никто не сомневается, что проблему И.Сталина с внутрипартийного уровня распространил на народные массы и даже за рубеж первый секретарь ЦК КПСС. Какова была цель Н. Хрущева? Укрепить собственные позиции или устранить консервативные помехи, это предстоит рассмотреть ученым. Одно несомненно, что историческая роль вопроса – в том, следует ли идти к социализму сталинскими методами. Проблема вызвала большую смуту в советском обществе и социалистическом лагере и создала много трудностей в определении политики реформ.

Наибольшим потрясениям подверглось советское общество. В ходе дискуссий люди выдвигали различные мнения и предложения, иногда дискуссии были очень острыми. Многие считали, что на руках И.Сталина «кровь коммунистов», что он «государственный преступник» и «ему не место в мавзолее», «советская диктатура 30-х годов не уступает испанской инквизиции средневековья». Были даже мнения распустить КПСС и сжечь марксистскую литературу. С другой стороны, некоторые считали секретный доклад «клеветой на И.Сталина». Основным результатом доклада стали сомнения и раскол в обществе.

Реакция социалистического лагеря была острой. Только в недавно вошедшей в семью социалистических стран Югославии слышались одобрительные возгласы, в компартиях западных стран произошел раскол. Обстановка в странах Восточной Европы была сложной. Руководитель ГДР В.Ульбрихт вынужден был опубликовать статью с одобрением. Албания официально одобрила действия Москвы, однако преобладали скрытые тенденции недовольства и отрицания. В Польше и Венгрии реформаторы воспрянули духом, а консерваторы были разочарованы. В партиях Кореи, Вьетнама, Индонезии ограничили распространение информации и обсуждение проблем культуры личности. Проблема была даже не в самом И.Сталине, а в методах подачи проблемы. Корреспондент агентства Синьхуа в Москве убедительно заявил, что вопрос был выдвинут без соответствующей идеологической и организационной подготовки и получил слишком широкое и быстрое распространение.

В период XX съезда И.Сталин еще был воплощением истины и идеала, поэтому, чтобы преодолеть сопротивление обновлению, необ-

ходимо было разоблачить культ личности и разрушить сталинскую модель. Вирус культа личности проник во все клетки советского общества, поэтому хирургическое вмешательство необходимо было провести на высоком уровне. Следовало также учитывать давление общественного мнения и разногласия в партии. Поэтому продвижение после съезда было медленным и осторожным. В Постановлении ЦК от 30 июня «Относительно культа личности и его последствий», хотя и сохранились идеи секретного доклада Н. Хрущева, основное внимание было сосредоточено на необходимости перемен. Затем немало людей выступили с сообщениями, выходящими за рамки дискуссии XX съезда, их обвинили в антисоветизме и подвергли репрессиям. Автор изучил статистику «дел об антисоветской пропаганде» в 50-е годы. Пик – 1229 дел отмечался в 1953 г., в 1954 г. их было уже 151, а в 1956 г. – 93. Создалось впечатление, что в 1956 г. все вернулось на старые рельсы.

В Китае обстановка и проблемы были иными, и подход к ним отличался. Вначале отношение Мао Цзэдуна и ЦК КПК к XX съезду было не таким, как в последующие годы идеологического противостояния.

После открытия XX съезда «Жэньминь жибао» опубликовала основные материалы съезда. Агентство «Синьхуа» под грифом «для внутреннего пользования» опубликовало подробное изложение материалов западной печати, включая оценку Микояном курса на мирное сосуществование и сведения о реабилитации жертв политических репрессий 30-х годов. Ознакомившись с этими материалами, кадровые работники, интеллигенция и представители торгово-промышленных

кругов испытали глубокий шок, некоторые даже заподозрили, что при переводе были совершены ошибки. Дискуссия развернулась в основном вокруг оценки личности И.Сталина и социалистического пути. Повсеместно выдвигались требования к руководству о разъяснении и указаниях.

После получения текста секретного доклада в ЦК КПК старались различными путями понять его содержание. В отличие от Кореи и Вьетнама КПК не ограничило рамки распространения. Перевод доклада был разделен на 36 брошюр, при публикации ставился гриф «для внутреннего пользования». Газета «Цанькао сяоси» опубликовала зарубежные отклики на материалы XX съезда и критику И.Сталина. Материалы были предназначены для кадровых работников, но не были секретными, поэтому получили быстрое распространение. В магазинах иностранной литературы открыто продавался английский текст доклада, переведенный компартией США. Мао Цзэдун не был против утечки информации по различным каналам. Его не беспокоило, что «десталинизация» может иметь серьезные последствия для Китая.

В высшем руководстве Китая в основном обсуждали проблему И.Сталина. 11–12 марта состоялось расширенное заседание Политбюро, на котором признали, что при разоблачении культа личности были вскрыты ошибки И.Сталина, однако полное отрицание И.Сталина в секретном докладе Н. Хрущева признано неверным. На заседании Секретариата 17 марта Мао Цзэдун отметил, что секретный доклад развеял мифы об СССР и И.Сталине. Это очень важно для всех стран применительно к их условиям. Он также заметил, что критика И.Сталина была проведена без консультаций с другими партиями, и

они не смогли подготовиться. На заседаниях 19 и 24 марта в основном говорилось о преступных ошибках И.Сталина. Мао Цзэдун, оценивая деятельность И.Сталина, отметил, что как успехи, так и ошибки были неизбежными. Совещание постановило в сложной международной обстановке поддержать решения XX съезда, проанализировать ошибки И.Сталина и выразить уверенность в перспективах коммунизма.

В результате коллективного обсуждения и личного участия Мао Цзэдуна была подготовлена и опубликована в «Жэньминь жибао» статья «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». Статья была направлена против идеологического разброда и пессимистических настроений в социалистическом лагере и для устранения сомнений в рядах китайских коммунистов. В статье были подняты исторические вопросы, которые должны были бы быть решены в международном коммунистическом движении, но не были решены КПСС. В ней были признаны заслуги XX съезда и отмечена смелость в разоблачении «культа личности». По результатам дискуссии в Политбюро и Секретариате были выделены следующие моменты. (1) Советский Союз первая в мире страна, осуществившая диктатуру пролетариата, поэтому она не смогла избежать ошибок. (2) И.Сталин в последний период жизни совершил ряд серьезных ошибок, однако его ошибки нельзя полностью объяснить культом личности. (3) Культ личности – тяжелое историческое наследие, и с ним необходимо вести борьбу. (4) На основе опыта борьбы с «культом личности» необходимо вести борьбу с догматизмом, поддерживать дух самостоятельного мышления. В решении ЦК КПК был сделан шаг вперед по сравнению с докладом Н. Хрущева, был дан более углубленный анализ. Однако многие преуве-

личили значение статьи «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». Например, указывает Шэнь Чжихуа, в решении ЦК КПСС от 30 июня было отмечено, что КПК поддерживает меры КПСС по борьбе с «культом личности» и его последствиями.

В беседах с советскими представителями Мао Цзэдун неоднократно подчеркивал единство курса двух партий. В беседе с Юдиным 31 марта Мао Цзэдун привел ряд примеров ошибочных действий И.Сталина в отношении Китая. Курс «в принципе был верным», однако он не привел ни одного конкретного примера правильных действий. Мао Цзэдун подробно рассказал о недоверии И.Сталина к китайским коммунистам и, в частности, к нему. Во внутренней политике Мао Цзэдун признал И.Сталина «великим марксистом и истинным революционером» и отметил, что в докладе Н. Хрущева не было ничего противоречащего этому положению. При знакомстве с протоколом беседы можно заметить, что в оценке И.Сталина у Мао Цзэдуна и Н. Хрущева не было больших расхождений. Мао Цзэдун сказал, что XX съезд произвел на него глубокое впечатление, китайские коммунисты и он лично смогли свободнее рассматривать многие проблемы.

В беседе с прибывшим в Китай Микояном, 6 апреля Мао Цзэдун сказал, что китайские коммунисты находят у И.Сталина больше заслуг, тем не менее взаимопонимания между КПК и КПСС больше, чем разногласий. 2 мая при встрече с Юдиным продолжал критиковать ошибки И.Сталина. Однако к деятельности И.Сталина необходим диалектический подход, следует отбросить отрицательные факторы и сосредоточиться на положительных. Мао Цзэдун заметил, что об ошибках И.Сталина можно написать целую книгу, однако это не бу-

дет благоприятствовать общему делу. Мао Цзэдун еще раз отметил своевременность критики И.Сталина, и что взгляды КПСС и КПК по этому вопросу полностью совпадают.

Вплоть до открытия VIII съезда КПК китайские коммунисты давали результатам XX съезда КПСС высокую оценку. Даже на открытии Мао Цзэдун заявил, что XX съезд задал много правильных направлений, дал критику внутрипартийных недостатков. Лю Шаоци назвал XX съезд «важным историческим событием мирового значения». В докладе об изменениях в Уставе Дэн Сяопин отметил важную заслугу XX съезда в разоблачении тяжелых последствий культа личности.

По мнению Шэнь Чжихуа, XX съезд не оказал прямого негативного влияния на китайско-советские отношения. Не произошло серьезных разногласий, и отношения стали более близкими. Однако идеологические разногласия были в вопросах «мирного перехода» и «культа личности». На XX съезде была открыто развернута «самокритика», которая подорвала авторитет Москвы, поколебала руководящее положение КПСС в социалистическом лагере. Одновременно началось возвышение КПК. КПК не имела столь долгой истории и богатого опыта, однако по личной привлекательности Н. Хрущев не мог сравниться с Мао Цзэдуном. Немало коммунистов в мире почувствовали, что Мао Цзэдун способен взять на себя руководство современным коммунистическим движением. В историческом аспекте семена китайско-советских разногласий появились в это время.

ГЛАВА 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СССР И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КПК (С. 157–170)

Во времена Н. Хрущева китайско-советские отношения вступили на новую ступень. СССР занял более инициативную позицию, и роль Китая была достаточно активной. Культурный уровень Н. Хрущева был невысок, и он не имел опыта всеобъемлющего планирования, как во внутренних делах, так и в руководстве социалистическим лагерем ему была необходима поддержка Китая. Китай поздно вступил на путь модернизации, пережил длительный период смут, что привело к технологической и экономической отсталости. Экономическое возрождение во многом зависело от советской помощи. В 50-е гг. эта взаимозависимость была особо заметной. Шэнь Чжихуа подчеркивает, что во времена И.Сталина китайско-советские отношения в основном проявлялись в политическом и военном сотрудничестве, а во времена Н. Хрущева – в экономической помощи СССР Китаю и политической поддержке Китаем Советского Союза. Это стало основой быстрого подъема двух стран.

1. Н.Хрущев увеличивает экономическую помощь Китаю

Корейская война в значительной степени повысила авторитет и влияние Мао Цзэдуна в социалистическом лагере, для Москвы это было совершенно ясно. Потому при «восхождении на трон» Н. Хрущев стал уделять большое внимание политике в отношении Китая, усилив в то же время экономическую помощь.

В первую очередь Н. Хрущев хотел определить объекты строительства по Первому пятилетнему плану Китая. Еще в августе – сентябре 1952 г. И.Сталин в беседе с Чжоу Эньлаем в основном принял

требования китайского правительства, согласился на экономическую помощь. Конкретное решение должно было быть принято через два месяца после консультаций со специалистами. Китай предложил большое количество объектов и сжатые сроки. Из-за недостатка конкретных данных и дипломатического опыта переговоры между Ли Фучунем и Микояном проходили очень сложно. Только 15 мая 1953 г. было подписано «Соглашение о помощи советского правительства в развитии китайской экономики», согласно которому в период с 1953 по 1959 гг. предполагалось построить и реконструировать 91 предприятие, завершить строительство 50 объектов, начатое до апреля 1953 г. Впоследствии Ли Фучунь заявил, что без советской помощи такие масштабы и темпы были бы невозможны.

Однако подписание еще не означает выполнение. После подписания соглашения китайская сторона неоднократно выдвигала дополнения и исправления. В начале 1954 г. Мао Цзэдун потребовал к 25 февраля представить проект пятилетнего плана. По просьбе Комитета планирования Мао Цзэдун разрешил отсрочку только на 5 дней. Проект плана Чэнь Юнь передал Мао Цзэдуну 15 апреля.

В китайско-советских отношениях оставалось еще много нерешенных проблем, и китайская сторона предоставила Н. Хрущеву возможность проявить себя. По пути в Женеву в начале апреля Чжоу Эньлай остановился в Москве, встретился с Н.Хрущевым и просил его способствовать ускорению переговоров о советской помощи. На следующий день Н.Хрущев встретился с А.Микояном, ответственным за переговоры, лично ознакомился почти со всеми важными проектами. Выяснилось, что выполнение столкнулось с трудностями. Тем не

менее Н.Хрущев потребовал ускорить переговоры и рассмотрение китайских предложений. После этого разговора в процессе переговоров произошли заметные перемены, были одобрены многие проекты. В переговорах от имени МИДа принял участие хорошо знакомый с обстановкой в Китае Н.Фирюбин.

Н.Хрущев довольно активно откликнулся на китайские предложения и дополнения и дал быстрый ответ: «Удовлетворить все просьбы китайского правительства». Хотя сумма проектных и подготовительных работ уже достигла 350–400 млн руб., он предложил предоставить Китаю новые военные технологии и кредит на военные цели 520 млн руб. Советская часть акций Синьцзянской нефтяной компании и компании редких металлов были полностью переданы Китаю. Была оказана помощь в строительстве китайского участка железной дороги Ланьчжоу–Урумчи–Алма-Ата. Были также приняты решения о безвозмездной передаче военных баз и выводе войск. В январе 1955 г. Маленков официально ушел с должности Председателя Совета министров и передал все полномочия Н. Хрущеву. Чтобы помочь Китаю в выполнении планов экономического развития, СССР в 1954 г. активизировал направление в Китай советников и специалистов. Первая группа специалистов прибыла в Китай вместе с Лю Шаоци в августе 1949 г. В августе 1960 г. все специалисты были отозваны. За 12 лет в Китае побывало 18000 различных специалистов. Ситуацию со специалистами можно рассматривать как барометр китайско-советских отношений.

Только благодаря советской помощи Китай смог завершить первую пятилетку, в этот период годовой прирост экономики составлял

11,3%. К концу 1957 г. было завершено строительство 68 объектов, построенных при помощи СССР, и 27 объектов – при помощи социалистических стран Восточной Европы. В Китае появились крупные современные предприятия, был заложен фундамент индустриализации. Мощность базовых отраслей (за исключением угольной и химической) увеличилась на 70–80%, некоторые отрасли были полностью созданы СССР. Почти все предприятия, построенные или реконструированные при помощи СССР, были оснащены современным комплексным оборудованием.

Такая помощь представляла серьезную нагрузку для советской экономики. Согласно российским архивным материалам общая стоимость советской помощи составляла 9,4 млрд руб., в том числе стоимость оборудования – 8,4 млрд. Помощь Китаю составила 7% национального дохода, за эти деньги можно было построить 2,68 млн квартир и в принципе решить жилищные проблемы.

Хотя после XX съезда Мао Цзэдун выдвинул лозунг «опоры на СССР», это касалось только экономики и не затрагивало китайско-советские отношения. В руководстве и среди населения Китая были люди, сомневавшиеся в советской теории и опыте, были даже случаи проявления неуважения к советским специалистам. 20 июня 1956 г. Отдел пропаганды ЦК КПК созвал совещание, на котором было указано на необходимость учиться у СССР, это определено историческими условиями. 25 февраля 1957 г. Госсовет распространил извещение, в котором говорилось, что учиться у СССР – важная задача на ближайшее время. После XX съезда китайско-советское сотрудничество успешно развивалось в политической и дипломатической сфере.

2. Помощь КПК СССР в решении польской и венгерской проблем

При жизни И.Сталина в международном коммунистическом движении существовало четкое разделение труда между КПК и КПСС, КПСС занималась Европой, КПК – Азией. После XX съезда КПК стала больше обращать внимание на Восточную Европу. Тогда в Польше появились мнения, что авторитетным теоретиком, которому можно доверять, стал Мао Цзэдун. К мнению Пекина стали прислушиваться не только в Азии, но и в Москве. Китайская статья «Исторический опыт диктатуры пролетариата», опубликованная в «Правде», получила широкую поддержку советских читателей. По решению ЦК КПСС, статья была заново переведена на русский язык, опубликована тиражом 200 тыс. экземпляров и рекомендована для изучения в партии. Советское посольство в Китае рекомендовало КПСС направить в Китай партийных работников для изучения «Богатого опыта, накопленного в партийном строительстве и работе с массами». Н. Хрущев вспоминал, что в условиях польского и венгерского кризиса, он, прежде всего, хотел посоветоваться с братской Коммунистической партией Китая.

Кризис в Польше и Венгрии в октябре 1956 г., несомненно, был непосредственным результатом «десталинизации». Руководители стран Восточной Европы хорошо относились к СССР, однако большинство из них были выращены И.Сталиным, они не могли понять новый курс критики И.Сталина. Руководители, свергнутые в 1948–1952 гг. – были в основном националистами, поддерживали критику И.Сталина и новый курс. На этом фоне и произошли волнения в Вос-

точной Европе. События произошли внезапно, и первое время на них отреагировал только Советский Союз, но когда наступили серьезные трудности, инициатива перешла к Китаю. Это была реакция на вывод войск из Будапешта и повторная оккупация Венгрии.

Когда делегация во главе с Лю Шаоци 23 октября прибыла в Москву, польский кризис почти миновал, однако советско-польские отношения не восстановились. Миссия Лю Шаоци заключалась в том, чтобы склонить СССР и Польшу к переговорам, раскритиковать советский великодержавный шовинизм. Переговоры проводили отдельно с каждой стороной, это не были трехсторонние переговоры. Перед отлетом в Москву Лю Шаоци встретился с представителем Польши, присутствовавшим на VIII съезде КПК, и выразил сочувствие польским реформам и поддержку усилий польских коммунистов в исправлении ошибок. При встрече с китайской делегацией Н. Хрущев высказал просьбу уговорить поляков смягчить свою позицию в отношении СССР. Он раскритиковал свои ошибки, когда пытался решить польскую проблему вооруженным путем. 24 октября на совещании президиума ЦК КПСС Лю Шаоци, прежде всего, одобрил курс на смягчение отношений с Польшей, затем проанализировал ошибки и подверг критике советское руководство за шовинизм и национализм. Он согласился лично поехать в Варшаву, однако Гомулка не понял его намерений. 27 октября Мао Цзэдун встретился с послом Польши. Мао Цзэдун подверг критике рецидивы великорусского шовинизма и выразил поддержку курса польского руководства. Он также подчеркнул необходимость единства социалистического лагеря, и призвал Польшу к примирению. После получения вестей из Пекина, партий-

ное руководство Польши направило китайским товарищам благодарственное письмо и пригласило посетить Польшу после окончания польско-советских переговоров.

Вечером, в день прибытия Лю Шаоци в Москву советские войска вступили в Венгрию и за один день подавили волнения в Будапеште, после этого советско-венгерские отношения еще более обострились. В Китае обстановку не поняли и не проявили никакой реакции. Через несколько дней Польша и Венгрия потребовали вывести советские войска. Это сильно обеспокоило Н. Хрущева, т.к. могло вызвать цепную реакцию в странах Варшавского договора. 29 октября Мао Цзэдун дал по телефону указания Лю Шаоци. Он выразил желание, чтобы СССР соблюдал равноправие и открытость в политических и экономических отношениях с другими социалистическими странами, вывел войска и предоставил этим странам независимость и суверенитет. Лю Шаоци сообщил мнение Мао Цзэдуна советскому руководству и предложил опубликовать заявление о невмешательстве во внутренние дела и взаимном равноправии, чтобы все политические экономические и организационные вопросы страны решали самостоятельно. После неоднократных увещеваний Н. Хрущев согласился с китайскими предложениями. 30 октября было подготовлено «Китайско-советское заявление об основах развития и укрепления дружбы и сотрудничества СССР с социалистическими странами».

Однако в это время обострилась обстановка в Будапеште. В Москве было получено сообщение: «Партийные организации распущены, в городе хозяйничают мародеры, бунтовщики громят партийные комитеты и убивают коммунистов. Не работают предприятия и

транспорт. Студенты и прочие элементы ведут себя крайне агрессивно». Президиум Совета министров Венгрии заявил о ликвидации однопартийной системы, признал созданные на местах демократические органы управления. Эти вести поставили в затруднительное положение советское и китайское руководство. Мао Цзэдун предложил советскому руководству на выбор вывод войск или подавление восстания, сам он был склонен к подавлению. Лю Шаоци и Дэн Сяопин призывали советское руководство вернуть войска в Будапешт и решительно защитить народную власть. Советское руководство сомневалось, поскольку недавно было подписано заявление о невмешательстве во внутренние дела. Н. Хрущев пригласил Лю Шаоци разъяснить позицию китайских коммунистов на экстренном ночном совещании Президиума ЦК КПСС. Президиум заседал еще один день и принял решение о вооруженном подавлении бунта. Лю Шаоци одобрил это решение, но предложил заручиться просьбой со стороны венгерского правительства. 4 ноября в 6 утра началась военная операция «Вихрь».

После завершения инцидентов Н. Хрущев пригласил Чжоу Эньлай участвовать в разрешении противоречий с новыми руководителями Польши и Венгрии. Чжоу Эньлай в течение месяца осуществлял челночную дипломатию между Москвой, Варшавой и Будапештом. Во всех выступлениях он подчеркивал важность руководства СССР для единства социалистического лагеря. Во всех совместных заявлениях подчеркивался принцип равноправия социалистических стран и необходимость защиты единства. КПК неуклонно придерживалась двух принципов: критики сталинского стиля и искоренения шовинизма и партийного диктата; подчеркивания единства и стабильности

социалистического лагеря. Шэнь Чжихуа считает, что в конечном итоге Н. Хрущев выразил полное удовлетворение помощью КПК в разрешении венгерского и польского кризиса.

3. Политическая поддержка Н. Хрущева Мао Цзэдуном

Не успел закончиться кризис в Восточной Европе, как в СССР вспыхнул еще более серьезный внутренний кризис. Мао Цзэдун снова протянул Н. Хрущеву руку помощи.

После XX съезда в руководстве КПСС сформировалось две группировки. Молотов, Каганович, Ворошилов и Маленков перешли в оппозицию, которая составила большинство в Президиуме. Вокруг Н.Хрущева объединились молодые кандидаты в члены ЦК и секретари. Летом 1957 г. противоречия обострились в вопросе продолжения курса XX съезда. 18 июня большинство потребовало, чтобы заседание Президиума вел Булганин. Н.Хрущеву было предъявлено большое количество претензий и 7 голосами против 4 было принято решение об освобождении Н.Хрущева от должности 1-го секретаря. Перед лицом внезапных ударов Н.Хрущев и его союзники М.Суслов и А.Микоян заняли выжидательную позицию. На следующий день Н.Хрущев выступил на Президиуме и одновременно дал указание министру обороны Г.Жукову доставить в Москву на военно-транспортных самолетах 200 специально отобранных членов ЦК. Г.Жуков, возможно, даже был готов ввести войска. В.Молотов и его единомышленники вынуждены были пойти на уступки, 22 июня открылся чрезвычайный пленум. За 8 дней работы пленума Н.Хрущев полностью восстановил инициативу. На 12 заседаниях выступили 60 человек, остальные сделали письменные заявления с осуждением «антипартийных дейст-

вий». Пленум принял постановление «Относительно антипартийной группировки Маленкова, Кагановича и Молотова» и исключил их из партии.

Хотя Н.Хрущев одержал победу, он подвергся сильному внутреннему и внешнему давлению. В низовых партийных организациях появилась тревога и сомнения, рядовые коммунисты не смогли понять суть событий. Обстановка в стране накалилась. Некоторые требовали от Молотова открытого объяснения в печати, другие не соглашались с решениями пленума, даже под угрозой исключения из партии. В некоторых организациях дискуссия вышла за рамки партийных норм, выражалось несогласие с политикой, выдвигались требования отменить курс марксизма-ленинизма, отмечались случаи суицида. Некоторые региональные руководители требовали вмешательства органов безопасности.

Н.Хрущев понимал, что для укрепления позиций нового руководства в стране и социалистическом лагере необходима поддержка братских партий, особенно КПК и лично Мао Цзэдуна. Сразу по окончании пленума 3 июля ЦК КПК направил всем партиям извещение о пленуме, Посольству КНР было передано специальное послание. Посол СССР в Китае попросил о срочной встрече с Мао Цзэдуном. Лю Шаоци ответил, что Мао Цзэдуна нет в Пекине, и спросил, нет ли других способов исправления ошибок. 4 июля в «Правде» появились новые сведения о пленуме и сообщения о поддержке его решений некоторыми партиями. Однако многие партии, включая КПК, не высказали своего мнения. На одном из банкетов главный редактор «Правды» озабоченно спросил китайского корреспондента, нет ли в

китайской печати каких-либо материалов о пленуме. Один советский студент сказал в то время: «Мао Цзэдун не высказал своего мнения, и мы не выскажем, поскольку только Мао Цзэдун может быть прав».

Н.Хрущева очень беспокоила позиция КПК, и он направил в Китай Микояна непосредственно услышать мнение Мао Цзэдуна. 5 июля Мао Цзэдун принял Микояна в Ханчжоу, беседа длилась 8 часов. Мао Цзэдун сказал, что ошибки Молотова в его консерватизме, КПСС поступила правильно, укрепила руководство. В КПК некоторые считали, что Молотова и др. лучше было бы оставить в ЦК, сейчас обстановка изменилась. Не следует возлагать ответственность на отдельных лиц, а уделять основное внимание единству. Новость потрясла КПК, там провели заседание Политбюро и решили поддержать решение ЦК КПСС. По возвращении из Китая Микоян сообщил, что сначала в КПК были против исключения Молотова из партии, однако потом китайские товарищи решили, что мы поступили правильно. Визит Микояна в Китай был признан «полезным и необходимым».

Не прошло и полмесяца, как руководство КПСС снова испытало большое потрясение, и Н.Хрущев снова стал искать помощь у Мао Цзэдуна. 28 октября в «Жэньминь жибао» появилось короткое сообщение об освобождении от должности министра обороны Жукова, только что завершившего визит в Албанию. Рассекреченные архивные материалы дают основание считать, что это была хорошо спланированная акция Н.Хрущева. В инциденте с «антипартийной группировкой» влияние Жукова в войсках помогло Н.Хрущеву преодолеть кризис. Однако одна фраза Жукова «без моего приказа ни один танк не покинет место дислокации» очень насторожила Н.Хрущева. Через

два месяца после свержения Молотова Н. Хрущев начал осуществление секретного плана. Пока Жуков находился в Югославии и Албании, в секретариате ЦК подготовили материалы против Жукова. На совещании Президиума 17–19 октября было принято решение о реорганизации армии. «Преступление» Жукова заключалось в ослаблении политической работы в армии. 22–23 октября состоялось собрание партийных активистов Московского военного округа. Жуков не был информирован об этих событиях и 26 октября прямо из аэропорта поехал в Кремль. Заслушав отчет Жукова о визите на Балканы, Президиум сразу перешел к его критике за ослабление политической работы в армии и назначил новым министром обороны маршала Малиновского.

Жуков был выдающимся полководцем и обладал непререкаемым авторитетом в армии, он «спас» Н. Хрущева в «июньском инциденте», незадолго до отставки получил четвертую звезду Героя Советского Союза. Многие считали, что Жуков станет председателем Совета Министров вместо Булганина. В этих условиях Н. Хрущеву была нужна поддержка не только в стране и партии, но и в социалистическом лагере, прежде всего, в Китае. После окончания совещания Микоян сразу информировал китайское посольство. Реакция Мао Цзэдуна была незамедлительной. Он пригласил Юдина и сказал, что доволен отставкой Жукова, потому, что это предотвращает опасность неповиновения армии партийному руководству. Он также отметил большое значение для укрепления партийной организационной работы в армии.

Посол Китая в СССР Лю Сяо отмечал, что после XX съезда обе

противоборствующие группировки в руководстве КПК обращались в посольство за пониманием и поддержкой. Последующие события дают основание полагать, что позиция Мао Цзэдуна была ближе к позиции Молотова, Кагановича и др. традиционалистов, почему же тогда Мао Цзэдун поддержал Н. Хрущева? Нельзя отрицать, что на позицию повлияли свершившиеся факты и то, что по принципиальным проблемам у КПК и КПСС не было разногласий. Мао Цзэдун оказал помощь в нужное время, в 1957 г. между Китаем и СССР были отношения взаимной помощи и сотрудничества. В качестве ответа Н. Хрущев принял решение оказать Китаю помощь в ядерной сфере, отношения поднялись еще на одну ступень.

ГЛАВА 5. ПОМОЩЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ СО СТОРОНЫ СССР В РАЗРАБОТКЕ И ПРОИЗВОДСТВЕ КИТАЕМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (С. 171–189)

Принятый в 1950 г. курс на помощь Китаю в разработке и производстве ядерного оружия является специфической и деликатной проблемой, в которую вносят ясность недавно открытые российские архивы. Большинство работ после 1980 г. посвящены созданию Китаем ядерного оружия собственными силами, и мало говорится о помощи СССР до этого.

1. Н.Хрущев открыл Китаю окно в деле мирного использования атомной энергии

И.Сталин даже не мог подумать, что еще до первого испытания советской атомной бомбы в Китае знали, что СССР обладает ядерными технологиями. Во время секретного визита Лю Шаоци в августе 1949 г. он хотел познакомиться с советскими ядерными объектами, И.Сталин отказал. Однако китайской делегации был показан документальный фильм об испытании атомной бомбы. Испытание состоялось 29 августа, когда Лю Шаоци уже покинул Москву, поэтому многие исследователи сомневаются в реальности этого фильма.

Наличие ядерного оружия у СССР вдохновляло КПК. Во время визита Мао Цзэдуна в Москву в 1950 г. И.Сталин показал ему документальный фильм об испытании атомной бомбы. Сделал он это, чтобы продемонстрировать мощь ядерного оружия и способность СССР защитить Китай и социалистический лагерь. Во втором варианте проекта союзного договора намеренно был скрытый намек – в случае если одна из сторон подвергнется вооруженной агрессии «другая сторо-

на в полной мере окажет вооруженную и другую помощь». Однако Мао Цзэдун не хотел зависеть от советской ядерной защиты. Вернувшись в Китай, он сказал охранникам: «Я увидел, как страшна атомная бомба, у американцев она есть, у СССР есть, мы тоже сможем».

Москва могла предоставить соцстранам ядерную защиту, однако не желала делиться ядерными секретами, тем более не хотела «давать ключи» Китаю. В конце 1952 г. накануне визита в СССР делегации АН КНР, возглавляемой физиком Цянь Саньцяном, президент АН СССР Несмеянов доложил ЦК, что он намерен ознакомить делегацию только с обычной исследовательской работой и не раскрывать деятельность Первого управления (в ведении Управления находилась переработка урана и производство оборудования для ядерных силовых установок). В марте 1953 г. СССР, хотя и согласился на ознакомление китайских ученых с работой советских ядерных учреждений и подготовку китайских специалистов в этой области, делегация встречалась с учеными, практически ничего не понимающими в ядерных технологиях. Когда Цянь Саньцян попросил предоставить приборы и практический реактор, ему ответили, что вопрос будет решен по дипломатическим каналам. С учетом различных трудностей китайское правительство решило не включать ядерную программу в планы 1-й пятилетки.

После смерти И. Сталина китайская сторона снова подняла вопрос о ядерном оружии. В беседе с китайскими учеными Чжоу Эньлай заявил, что для развития ядерной энергетики Китаю необходима советская помощь. 22 апреля 1954 г. начальник 2-го управления машиностроения направил Ли Фучуню доклад о ядерном оружии. В докладе

предлагалось активизировать разработки и обратиться за международной помощью, чтобы в годы 2-й пятилетки построить ядерный реактор. Во время визита Н. Хрущева в октябре 1954 г. Мао Цзэдун заявил, что Китай интересуется атомной энергией и ядерным оружием и надеется на советскую помощь. Н. Хрущев не был готов к такому разговору, но ответил, что для защиты Китая будет достаточно советского ядерного зонтика. Однако в конечном итоге согласился оказать помощь в строительстве небольшого экспериментального реактора и подготовке кадров для его эксплуатации.

СССР был готов предоставить Китаю ядерную защиту, но не соглашался на передачу технологий. Предложение Н.Хрущева было единственно возможным и практически выполнимым. Кроме того, СССР и США вели переговоры о нераспространении ядерного оружия.

Еще до советских испытаний США пытались запретить испытания ядерного оружия и обеспечить свою монополию. Между СССР и США велись переговоры и споры об ограничении распространения ядерного оружия. Развитие и распространение оружия массового поражения приобрело угрозу для всего человечества. В это время произошел 1-й кризис в Тайваньском проливе. Китай выдвинул проблему производства собственной атомной бомбы и снова обратился за помощью к СССР, Москва не соглашалась.

Однако Н.Хрущев согласился оказать помощь в мирном использовании атомной энергии, а это был шаг к созданию ядерного оружия. Вскоре после отъезда Н. Хрущева Мао Цзэдун говорил с Д.Неру об атомной бомбе и намекнул, что Китай уже приступил к изучению

этой проблемы.

На совещании секретариата ЦК КПК был принят план «02» разработки и производства ядерного оружия. 18 февраля министр обороны Пэн Дэхуай впервые официально поставил вопрос о разработке ядерного оружия. На 4-м пленуме Госсовета 31 марта Чжоу Эньлай заявил, что Китай очень отстает в разработке ядерного оружия, но с помощью СССР сможет решить эту проблему. В тот же день Мао Цзэдун заявил, что Китай вступил в новую историческую эпоху исследования атомной энергии.

После возвращения Н.Хрущева на родину правительства обеих стран начали конкретную подготовку к переговорам о ядерном сотрудничестве. 17 января 1955 г. советское правительство опубликовало заявление о предоставлении технической помощи другим странам в деле мирного использования ядерной энергии. СССР предоставил помощь Китаю и странам Восточной Европы в проектировании реакторов и ускорителей, выделил оборудование и соответствующее количество расщепляемых материалов. 31 января Госсовет КНР принял постановление, одобряющее помощь СССР в мирном использовании атомной энергии. 20 января было подписано соглашение о разведке в Китае радиоактивных материалов. Залежи, имеющие промышленное значение, разрабатывает Китай, а СССР предоставляет технологии и оборудование. Излишки урана закупает советская сторона. После этого в Китай прибыло большое количество советских геологов.

27 апреля китайская делегация подписала в Москве «Соглашение об использовании атомной энергии для развития народного хозяйства», в соответствии с которым СССР оказывает помощь в исследова-

ниях и проведении опытов в области ядерной физики. В 1955–1956 гг. СССР направил в Китай специалистов для проектирования и строительства ядерных реакторов и ускорителей, предоставил необходимое количество материалов и изотопов, организовал подготовку китайских специалистов. 22 августа Верховный Совет ратифицировал Проект Министерства высшего образования о помощи Китаю в использовании атомной энергии в мирных целях. В Пекине и Ланьчжоу началась подготовка специалистов. В октябре в пригороде Пекина была создана база для ядерных исследований, где были установлены реактор и ускорители. В декабре в Пекин прибыла делегация Московского физического института, которая передала китайской стороне учебные материалы и фильмы. 7 ученых выступили с докладами, на которых присутствовал Чжоу Эньлай и 1400 руководителей. 26 декабря Чжоу Эньлай обсудил с советским послом «Программу сотрудничества по ядерной энергии на 1956–1967 гг.».

Чтобы активизировать использование атомной энергии в мирных целях социалистическими странами в Москве 20 марта 1956 г. было созвано специальное совещание, Китай направил представительную делегацию. 26 марта 11 социалистических стран подписали документ «О создании объединенного института ядерных исследований». Вклад СССР составил 50%, Китая – 20%. Институт был создан в Московской области, в течение полугода после образования института СССР инвестировал более 500 млн руб. Согласно Уставу института результатами исследований могли пользоваться все страны учредители. Создание института было важным шагом советской помощи Китаю, были заложены теоретические основы разработки китайского

ядерного оружия. Через несколько лет торговый представитель КНР в Москве докладывал, что Институт обладает самым совершенным оборудованием и информацией. Для работы в институте привлекались лучшие силы страны, там проходили обучение и стажировку многие специалисты, в том числе и китайские.

В 1956 г. советская помощь увеличилась. 17 августа было подписано соглашение о помощи СССР в создании в Китае ядерной индустрии, был построен ряд лабораторий. В ноябре Н. Хрущев пригласил китайскую делегацию в Кремль на просмотр «секретного фильма» об испытаниях атомной и водородной бомбы.

В мае 1957 г. в Китай была направлена группа советских ученых ядерщиков, возглавляемая одним из ближайших помощников И. Курчатова. Они подготовили китайских специалистов по обогащению урана. С помощью этой группы были построены реактор и ускорители. К ноябрю 1959 г. количество китайских ученых ядерщиков увеличилось до 6 тыс. человек. Направление специалистов такого уровня свидетельствует об искренних намерениях Советского Союза.

Чтобы улучшить руководство ядерными исследованиями, 1 июля 1955 г. при Госсовете было создано Управление, которое возглавил Лю Вэй. 4 июля при ЦК КПК была создана группа из трех человек, в которую вошли Чэнь Юнь, Не Жунжэнь и Бо Ибо. Группа осуществляла руководство и координацию ядерными исследованиями. Была поставлена задача, в короткое время приблизиться к уровню передовых стран. В 1956 г. в отрасль были направлены 2462 выпускника высших и 760 выпускников средних технических учебных заведений. 16 ноября на сессии ВСНП было принято постановление «о создании

3-го министерства машиностроения», которое должно было заниматься созданием ядерной индустрии.

Однако высокие цены на советское оборудование и снижение расходов на 2-ю пятилетку вынудили Китай сократить планы создания ядерной индустрии. Многие планы были перенесены на период 3-й пятилетки.

В 1955 г. СССР открыл Китаю окно в мирном использовании атомной энергии и дал старт разработке ядерного оружия.

2. Внезапное изменение курса СССР на помощь Китаю в ядерных исследованиях

Хотя мирное использование атомной энергии является основой для разработки ядерного оружия, переход на эту ступень связан с большими трудностями, необходимы приборы и оборудование и самое главное технологии перехода от расщепления атома к ядерному взрыву. В условиях международной блокады Китай мог создать атомную бомбу только с помощью СССР. Советское руководство весьма прохладно относилось к просьбам Китая о помощи в создании атомной бомбы и баллистических ракет.

Еще на начальной стадии разработки теории атомного оружия китайское руководство задумалось о средствах ее доставки. В ноябре 1955 г. в Харбине произошла встреча вернувшегося из США специалиста по баллистическим ракетам Цянь Сюэшэня с руководством Генерального штаба, было выдвинуто предложение о разработке баллистических ракет. В начале 1956 г. руководство Министерства обороны направило доклад Чжоу Эньлаю. 12 января Пэн Дэхуай встретился с советским военным советником и сообщил, что Китай готов к модер-

низации армии на базе экономических достижений и просил оказать техническую помощь в разработке ракетного оружия. 20 января вопрос о ракетном оружии обсуждался на военном совете. Пэн Дэхуай заявил, что ракетное оружие необходимо создавать даже при отсутствии советской помощи. 27 февраля Цянь Сюэшэнь представил Госсовету «Предложение о создании отрасли противовоздушной обороны». 14 марта на совещании, которым руководил Чжоу Эньлай, была рассмотрена техническая гипотеза Цянь Сюэшэня. Совещание постановило образовать промышленную комиссию противовоздушной обороны. 12 апреля была поставлена первая задача: создать ракеты земля – воздух радиусом 100 км, земля – земля (500–600 км), воздух – воздух (15 км). 15 мая Не Жунжэнь выдвинул «Предложения по разработке баллистических ракет». На совещании 26 мая Чжоу Эньлай предложил форсировать разработку ракетного оружия, не дожидаясь подходящих условий. В июле было создано Управление по баллистическим ракетам (Пятое управление). 8 октября был создан Институт баллистических ракет (Пятый институт).

Осуществление таких грандиозных целей было невозможно без помощи СССР. В отличие от ядерной энергии, разработка ракет включала чисто военные аспекты, была непосредственно связана с проблемами доставки ядерного оружия. Однако тогда СССР обсуждал с США и Британией проблему запрета ядерных испытаний. 16 июля 1956 г. министр иностранных дел СССР заявил о необходимости немедленного прекращения ядерных испытательных взрывов и предложил заключить трехстороннее соглашение, к которому впоследствии должны будут присоединиться и другие страны.

14 января 1957 г. СССР с трибуны ООН официально выдвинул проект запрета ядерных испытаний. 22 марта Посольство СССР передало китайскому правительству «Памятную записку об ограничении ядерного оружия», в которой предлагалось к 1959 г. под международным контролем полностью запретить производство ядерного оружия и уничтожить имеющиеся запасы. В записке также говорилось, что эти действия повлияют на оказание советской помощи.

В день подписания соглашения о помощи в мирном использовании атомной энергии 17 августа 1956 г. Ли Фучунь направил Н. Булганину письмо с просьбой оказать помощь Китаю в разработке баллистических ракет. В ответе советского правительства указывалось, что Китаю следует начать с подготовки специалистов и СССР готов оказать помощь в этом деле, направить в Китай специалистов и принять 50 китайских студентов. Ответ вызвал в Китае сильное разочарование.

12 октября 1956 г. на совещании Комиссии по противоздушной обороне были рассмотрены трудности в производстве баллистических ракет и пути их преодоления. Не Жунчжэнь заявил о готовности продолжать переговоры и одновременно активизировать самостоятельные работы. Советскому правительству была направлена телеграмма о срочном перепрофилировании на ракетные специальности части студентов уже проходящих обучение в СССР. Было также принято решение о расширении ракетных специальностей в китайских ВУЗах с просьбой к СССР о дополнительном направлении специалистов, предоставлении учебных материалов и оборудования. Советское правительство не спешило с ответом.

Китайское правительство неоднократно упоминало о советской

помощи в создании атомной бомбы, ракет и самолетов в годы 2-й пятилетки и получило ответ через полгода. Советское правительство пошло навстречу в результате китайской помощи в разрешении польской и венгерской проблем. 30 марта 1957 г. в Москве было подписано соглашение «Об оказании КНР специальной технической помощи». СССР направил в Китай 5 специалистов для организации помощи в реактивной (ракетной) технике, были предоставлены материалы и разработана программа обучения. В СССР на 1957–1958 гг. были приняты 50 китайских студентов, китайской стороне были переданы образцы и техническая документация на ракету «Р-1». Китайская сторона компенсировала расходы и обещала хранить тайну.

Советская сторона выдвинула еще одно требование. 11 мая 1957 г. советский представитель в Пекине генерал Калинин сообщил, что для получения помощи в ракетных технологиях Китай должен: (1) определить конкретный курс; (2) сообщить о количестве уже подготовленных и необходимых специалистов; (3) сообщить о характере и масштабах советской помощи, необходимом оборудовании; (4) раскрыть производственный потенциал, запросить необходимые материалы и детали; (5) соблюдать режим секретности. Советская сторона также заинтересовалась с какими специалистами хотят встретиться китайские коллеги. 18 июня заместитель министра внешней торговли Ли Цян выдвинул советскому представителю официальные требования. 29 июня Посольство КНР в Москве информировало китайское правительство, что советская сторона еще не готова дать ответ. Видимо прогрессу в советской помощи мешали советско-американские переговоры о запрете ядерных испытаний.

Руководитель китайской ядерной программы доложил Чжоу Эньлаю, что план развития ядерной индустрии еще не разработан окончательно, и предложил оказать давление на советскую сторону. Реакция СССР была неожиданно скорой и положительной. Советское правительство согласилось принять китайскую делегацию в ближайшее время. Делегацию поручили возглавить Не Жунчженю. 6 августа Чжоу Эньлай направил послание Булганину, где говорилось, что для укрепления обороноспособности и составления перспективных планов Китаю необходимо продолжить разработку ядерного оружия и средств доставки, для чего не обойтись без советской помощи. 14 августа Булганин получил послание по дипломатическим каналам и выразил принципиальное согласие. Через 10 дней через Советское посольство было передано официальное согласие на прием делегации для переговоров по ядерному оружию, средствам доставки и космической технике. Одновременно было передано приглашение партийно-правительственной делегации КНР принять участие в праздновании 40-летия Октябрьской революции.

Неожиданная перемена советской позиции была связана с официальной поддержкой Мао Цзэдуном Н. Хрущева. В состав китайской делегации вошли специалисты по ракетам, ядерной энергии, самолетостроению, электронике и пр., всего 40 человек. Переговоры велись по 5 секциям: военное дело, ядерные проблемы, ракеты, самолеты, электроника. С советской стороны участвовали министры соответствующих отраслей или их заместители. На переговорах царил дружественная атмосфера, часть запрошенных китайской стороной образцов была признана отсталой, и были предложены новые варианты. 14

сентября советская сторона предложила проект соглашения, и было подчеркнуто, что это делается впервые в советской дипломатической практике, поскольку Китай самый надежный друг. Не Жунжэнь заявил, что при советской помощи и собственных усилиях материальная база обороны будет выведена на новый уровень. Утром 29 сентября Чжоу Эньлай передал проект соглашения для изучения авторитетной комиссии во главе с Пэн Дэхуаем. Эксперты выразили активное одобрение и рекомендовали подписать соглашение.

15 октября было официально подписано «Соглашение о новых видах вооружения и создании в Китае комплексной ядерной промышленности», сокращенно «Соглашение о новой оборонительной технике». В соответствии с соглашением из 22 статей, СССР окажет Китаю помощь в создании комплексной ядерной промышленности и разработке атомной бомбы, предоставит необходимые материалы и оборудование для обогащения урана. До апреля 1959 г. СССР должен был предоставить Китаю 2 батареи ракет класса «берег – корабль», к концу 1961 г. направить специалистов по ракетному оружию и подготовке полигона по испытанию ядерного оружия. 29 сентября 1958 г. было подписано дополнительное соглашение, где давалось конкретное разъяснение каждого пункта.

Соглашения стали важными вехами в советско-китайском сотрудничестве в ядерной сфере, китайская ядерная промышленность вступила в новый этап.

3. Советская помощь Китаю в разработке ядерного оружия и ее ограниченность

В течение года после подписания соглашения СССР оказывал ре-

гулярную помощь Китаю в создании атомной бомбы и баллистических ракет. В июне 1958 г. был построен экспериментальный реактор на тяжелой воде и циклический ускоритель, что существенно улучшило технологическое оборудование. Были подготовлены кадры и созданы предпосылки не только для мирного использования атомной энергии. На расширенном заседании Военного совета ЦК Мао Цзэдун заявил, что в течение 10 лет Китай сможет создать атомную и водородную бомбу и баллистические ракеты. СССР также предоставил Китаю образцы ракет, самолетов, большое количество секретной информации и направил специалистов. Советская помощь сыграла важную роль в начале разработки Китаем атомного оружия. В августе 1958 г. партбюро Второго министерства машиностроения предложило ЦК КПК считать первоочередной задачей военное использование атомной энергии, а мирное – второстепенной.

Для разработки атомной бомбы СССР предоставил не только большое количество документации и материалов, но направил много специалистов. Эти специалисты оказали помощь в выборе места производства, проектировании, наладке оборудования. В те годы было подписано шесть соглашений о сотрудничестве, в том числе два о разведке урановых месторождений, одно по исследованию в области ядерной физики, два по созданию ядерной промышленности, одно по созданию ядерного оружия. На основе соглашений была создана совершенная научно-производственная система, обеспечившая успешное развитие отрасли.

Было построено шесть предприятий по производству атомных бомб, они начали постепенно вводиться в строй с конца 1957 г. В сен-

тябре советская сторона передали Китаю реактор на тяжелой воде мощностью 7 тыс. кВт и ускоритель диаметром 1,2 м. Это означало вступление КНР в ядерную эпоху. Через год одновременно началось производство ядерного топлива и сырья для ядерного оружия.

В сфере баллистических ракет СССР предоставлял технологии и образцы, готовил кадры. В декабре на станцию Маньчжоули прибыли два эшелона ракет «Р-2», для обучения китайского персонала на 3 месяца прибыли 103 специалиста. 24 декабря Пэн Дэхуай лично открыл первую ракетную базу «Р-2». Он сказал: «Это дети нашего старшего брата и вы относитесь к ним, как к своим родным детям». Через несколько дней в Китай прибыла группа специалистов по обустройству испытательного полигона.

Вскоре «Р-2» были сняты с вооружения в СССР, однако для Китая они стали важным учебным пособием. К концу июля 1959 г. в Китае были подготовлены 1357 специалистов по обслуживанию ракет. В сентябре 1958 г. было официально открыто ракетное училище, где готовили специалистов по классам «земля – земля», «земля – воздух», «берег – корабль». В училище преподавали 12 советских специалистов.

6 октября 1959 г. в Пекине было сформировано первое ракетное подразделение, названное «часть № 543», из СССР получены 4 комплекса ракет «земля – воздух», с ними прибыли 95 специалистов. 7 октября 1959 г. был сбит тайваньский разведывательный самолет RB-57D, действия китайских ракетчиков получили высокую оценку советских специалистов.

Советская помощь была ограничена достижениями до 1951 г.,

однако специалисты считали, что китайская сторона получила все, что хотела. Часто советские специалисты испытывали опасения, что могут рассказать лишнее, некоторые не знали, где рамки дозволенного.

Проблема была не в специалистах, а в советской политике. СССР обладал экономичными сепараторами, а Китаю поставлял энергоемкую технику. Часто китайской стороне передавали отсталые технологии, которые в других странах уже не использовались. Советские специалисты рассказывали только о плутониевой бомбе и не говорили об урановой. Впоследствии Не Жунчжэнь заявил, что помощь СССР ограничилась периодом подписания соглашения и со временем отстала, советская сторона поставляла в основном оборудование снятое с производства и не предлагала оборудование 1-й или 2-й линии.

Шэнь Чжихуа резюмирует, что советскую политику можно понять, в Китае также четко различают «для себя» и «для других». Н. Хрущев говорил, что СССР полностью удовлетворил потребности Китая в ядерной энергии и ядерном оружии. Ядерная помощь была пиком советско-китайского сотрудничества, о чем также свидетельствует Московское совещание в ноябре 1957 г.

ГЛАВА 6. РОЛЬ МАО ЦЗЭДУНА НА МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (С. 190–205)

В ноябре 1957 г. в Москве собрались представители коммунистических и рабочих партий всего мира, после чего опубликовали «Московскую декларацию», подписанную двенадцатью представителями компартий социалистических стран, и «Манифест мира», подписанный 64 представителями коммунистических и рабочих партий. Это был невиданный по масштабам и количеству представителей международный форум. Большинство людей считали, что совещание было создано по инициативе КПСС при поддержке компартий, включая КПК. Это впечатление оказалось ложным. Шэнь Чжихуа подчеркивает, что недавно открытые архивные материалы свидетельствуют об обратном. Он считает, что инициатива совещания и манифеста принадлежала КПК. В процессе подготовки и работы совещания Мао Цзэдун сыграл важную роль, он был режиссером за кулисами.

1. Мао Цзэдун предложил провести совещание для решения ряда проблем

В Москве и Пекине напряженно искали пути объединения социалистической семьи после XX съезда и польско-венгерских событий. Еще на XX съезде обсуждались судьбы международного коммунистического движения. Н. Хрущев предложил создать «Комиссию по связям с коммунистическими и рабочими партиями». Н. Хрущеву было предложено ознакомиться с мнением китайских коллег. 29 марта Н. Хрущев познакомил посла Югославии с идеей создания 4-х региональных зон и подчеркнул необходимость укрепления единства и совместных действий. Для консультаций с азиатскими странами был

направлен Микоян. Н.Хрущев подчеркивал особую важность мнения КПК.

В марте 1956 г. после визита в Индию и Бирму Микоян прибыл в Пекин. В ходе консультаций он сообщил об идее КПСС организовать совместное издание и создать комиссию по связям. Шэнь Чжихуа говорит о том, что Мао Цзэдун не принял эти идеи, предложив созвать совещание. По официальной версии это произошло по инициативе КПСС. Организация издания и комиссии без поддержки КПК были бы невыполнимы.

13 апреля КПСС известила все партии о прекращении деятельности информационного агентства. Все проблемы предложили решить на совещании. 18 апреля в «Правде» была опубликована статья, где сообщалось, что созданное в 1947 г. информационное агентство выполнило свою роль и прекращает деятельность. Одновременно прекращалось издание газеты «За прочный мир и народную демократию». Было также указано на необходимость «поиска новых форм для связи между коммунистическими партиями».

В решении Президиума КПСС «О новых эффективных формах» указывалось на необходимость обмена мнениями на рабочем совещании. Место и время проведения совещания предлагалось решить путем совместных консультаций. На совещании не предполагалось единого решения, достаточен был обмен мнениями. Руководство КПСС также заявило, что необходимо периодическое издание для разъяснения теории и практики социалистического строительства, пропаганды опыта сотрудничества, распространения и развития теории марксизма. Идея Мао Цзэдуна о совещании нашла поддержку и понимание в

руководстве КПСС.

22–26 июня в Москве состоялось совещание стран Варшавского договора. 30 июня руководство КПСС приняло «Проект постановления о культе личности и его последствиях». В проекте также подчеркивалась важность отношений между коммунистическими партиями в новых условиях. Как раз в это время возникли польский и венгерский кризис.

После бурь в Восточной Европе необходимость единства социалистических стран стала еще более очевидной. Усилилось влияние КПК, принявшей активное участие в разрешении кризиса. 18 января на первом совещании в Кремле Чжоу Эньлай обратился к послу Югославии с объяснением позиции КПК относительно совещания представителей коммунистических партий. Он объяснил, что это необходимо для улучшения сотрудничества и устранения факторов, мешающих единству. Совещание предполагалось созвать в конце февраля – начале марта. Чжоу Эньлай хотел знать мнение И.Б. Тито об уместности совещания. Он сообщил послу, что идея провести совещание принадлежит КПК и лично Мао Цзэду. Чжоу Эньлай заявил, что цель совещания не в создании новой организации и не в навязывании участникам определенного решения. Он также заметил, что без участия Югославии совещание невозможно. Посол расценил заявление Чжоу Эньлая, как критическую позицию в отношении КПСС. Чжоу Эньлай позвонил находящемуся в Югославии с официальным визитом Пэн Чжэню, потребовал его встречи с И.Б. Тито, причем, рекомендовав в качестве переводчика посла Китая У Сюцюаня. 29 января Пэн Чжэнь разъяснил Иосифу Броз Тито позицию КПК, в результа-

те появилась совместная инициатива о созыве совещания. Однако Тито высказался за двусторонние и многосторонние переговоры и не одобрил международного характера совещания. Возвращаясь через Москву, Пэн Чжэнь невнятно объяснил Н. Хрущеву, что Тито в принципе согласен участвовать в совещании. По мнению Шэнь Чжихуа, даже из архивных материалов до сих пор неясно, зачем китайская сторона обратилась к Югославии. Однако позиция Тито создала у руководства КПК впечатление о неуместности совещания в то время.

В Москве считали, что на первом месте в семье соцстран КНР, на втором – Югославия, и если мнения этих стран совпадают, время для совещания назрело. 2 февраля 1957 г. снова состоялось совещание Президиума ЦК КПСС. Было решено провести отдельные переговоры с КПК и СФРЮ. 7 февраля было утверждено послание Н. Хрущева относительно международного совещания. На совещании представители партий смогли бы организовать обсуждение интересующих их проблем. Для руководства КПСС удобное время для совещания конец марта – начало апреля 1957 г.

Москва предлагала созвать совещание от имени КПК, как будто в руководстве КПСС не знали, что КПК ведет подготовку к совещанию совместно с Югославией. Мао Цзэдуну пришлось ответить, что КПК не намерена брать на себя подготовку и руководство совещанием. Это задача КПСС, и для совещания должны созреть условия. Москве не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать.

В июне Москва снова напомнила о совещании, и предложила предварительно провести секретное совещание в июле, характер и повестку совещания должны были определить сами участники. Руко-

водство КПК согласилось, но предложило предварительно обменяться проектами документов. В июне произошел внутренний инцидент в КПСС, и подготовительную работу пришлось прервать.

Мао Цзэдун оказал открытую поддержку Н. Хрущеву, поэтому в Москве стали еще больше ценить мнение КПК. 9 июля советский представитель передал Лю Шаоци послание с предложением как можно скорее провести совещание. От имени ЦК КПК Лю Шаоци ответил, что необходимо проконсультироваться с братскими партиями и заручиться их согласием. После этого КПСС начала активную подготовительную работу. При поддержке КПК мнения других партий были уже не столь важными. 19 августа Мао Цзэдуну было направлено официальное приглашение на празднование 40-летия Октябрьской революции. В это время также предполагалось провести совещание правящих партий социалистических стран и некоторых коммунистических и рабочих партий. В начале сентября руководство братских партий было информировано, что китайскую делегацию на праздновании возглавит Мао Цзэдун. Это был намек на то, чтобы и другие делегации возглавили первые лица. 6 и 10 октября было проведено расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, где обсуждался визит делегации в Москву.

25 октября посол Юдин передал Мао Цзэдуну личное приглашение Н. Хрущева и проект декларации московского совещания. Юдин сообщил, что проект декларации ранее был передан руководству Югославии, и оно его не одобрило. После перевода проект был передан Ху Цяому для изучения. Предполагалось при максимальном сохранении первоначального текста внести в него китайские идеи, на-

пример проблемы перехода капиталистических стран к социализму, Мао Цзэдун признавал мирный и немирный путь перехода. Он также считал, что не следует уделять особого внимания сотрудничеству с правыми социалистическими партиями. Мао Цзэдун предлагал провести предварительное обсуждение проекта и принять его, даже если одна – две партии будут не согласны.

2 ноября Президиум ЦК КПСС обсудил доклад Юдина о беседе с Мао Цзэдуном. Было решено принять декларацию, даже без подписи Югославии. Было также предложено опубликовать советско-китайскую декларацию. М.Суслову рекомендовали изучить китайские идеи. На следующий день представительная китайская делегация во главе с Мао Цзэдуном прибыла в Москву.

2. Китай и СССР вместе руководят социалистическим лагерем

На международном совещании КПК и КПСС преследовали одну цель – укреплять единство коммунистических партий и позиции социалистического лагеря. 30 октября Политбюро ЦК КПК одобрило идею Мао Цзэдуна о том, что московское совещание должно стать съездом единства. Необходимо стремиться к единству при наличии разногласий. Руководство КПСС придавало совещанию большое значение и высоко ценило мнение китайских товарищей. Н. Хрущев проявил личную заботу относительно Мао Цзэдуна и дал указание об удовлетворении всех требований китайской стороны.

Весь процесс московского совещания состоял в создании «Московской декларации». КПСС и КПК начали обмен мнениями с 3 ноября, пришли к согласию 10 числа, и передали текст для рассмотрения

другим партиям. Была создана комиссия для внесения дополнений и исправлений, которая работала вплоть до 19 ноября, когда документ был подписан и опубликован. В процессе работы представители КПК и КПСС проводили консультации и стремились к единству.

3 ноября представители двух партий приступили к созданию документа. Н. Хрущев заявил, что советская сторона готова принять замечания китайских товарищей. Мао Цзэдун предложил взять за основу идеи советской стороны, но отсрочить совещание, чтобы было достаточно времени для внесения изменений. В ходе переговоров Н. Хрущев неоднократно предлагал создать печатный орган коммунистических и рабочих партий, который бы направлял их деятельность. Мао Цзэдун отверг эту идею и заметил, что обмениваться мнениями лучше в ходе регулярных совещаний, инициатива проведения которых должна принадлежать КПСС. 6 ноября начались консультации, в которых участвовали Дэн Сяопин и М.Сулов. В результате за основу был принят китайский проект с замечаниями и дополнениями. 8 ноября стороны снова обменялись мнениями. Не было единства только в проблеме мирного перехода.

Чтобы убедить советскую сторону Мао Цзэдун предложил сосредоточить усилия на работе с компартиями капиталистических стран. 7–9 ноября Мао Цзэдун провел переговоры с Тольятти и Торезом, два раза встречался с Г. Поллитом. Мао Цзэдун настаивал на соблюдении общих принципов Октябрьской революции. Мирный и немирный пути перехода отличают коммунистический и социалистический подход. Не следует переоценивать значение мирного пути. Руководители западноевропейских партий согласились включить в Декларацию оба

пути. Однако компартия Франции склонялась к вооруженной борьбе, а Италии – к парламентской. На московском совещании Тольятти и Торез поругались. В Англии мирный переход считался возможным в случае прихода к власти лейбористов. Мао Цзэдун не стал настаивать на вооруженной борьбе и согласился на возможность двух путей перехода, чтобы декларация была приемлемой для всех.

10 ноября делегации КПСС и КПК снова провели совещание. Для защиты единства и собственных принципов китайская сторона представила свои мнения по проблеме мирного перехода в письменном виде. В результате обмена мнениями стороны согласовали проект декларации и решили внести его на обсуждение от имени двух партий. Представители КПК и КПСС также решили не приглашать на заседание 14 ноября представителей компартий капиталистических стран, чтобы избежать трудностей в работе. Было решено после совещания 12 партий социалистических стран провести совещание 64 коммунистических и рабочих партий всех стран. Инициаторами Московской декларации выступили КПСС и Польская рабочая партия.

В окончательном варианте декларации были две поправки, предложенные китайской стороной относительно переходного периода. В первой указывалось на возможность двух путей, причем путь определяет каждая страна в зависимости от конкретной обстановки. Во второй указывалось, что при получении в парламенте стабильного большинства необходимо продолжать работу в массах, чтобы создать благоприятные условия для социалистической революции. Китайские предложения были переданы в письменном виде советской стороне, не передавались другим и не были озвучены в ходе совещания. Текст

был опубликован только в 1963 г. на пике китайско-советских разногласий. Предложения КПК по переходному периоду в принципе совпадали с декларацией, однако в них указывалось на необходимость избегать преувеличения мирных методов и недопустимость игнорирования китайских методов вооруженной борьбы. Поскольку представители многих партий настаивали на мирном пути, Мао Цзэдун вынужден был пойти на компромисс, однако отдельно заявил о своем несогласии. Китайско-советские разногласия по этому вопросу положили начало китайско-советским конфликтам.

В период совещания Мао Цзэдун в официальных выступлениях и частных беседах неоднократно обращал внимание на фразу «возглавляемый СССР». В КПК понимали, что СССР является родиной ленинизма, страной первой социалистической революции, вождем международного коммунистического движения. Поэтому для укрепления социалистического лагеря необходимо поддерживать авторитет КПСС. Хотя Мао Цзэдун считал, что у Н. Хрущева недостаточный политический опыт, руководство КПСС может решать многие проблемы международного коммунистического движения.

После событий в Польше и Венгрии фраза «возглавляемый СССР социалистический лагерь» стала выходить из употребления во многих социалистических странах. В КПСС также решили, что для смягчения отношений между социалистическими странами следует избегать упоминания о советском руководстве. Поэтому в декларации по предложению президиума ЦК КПСС были исключены все слова о руководящей роли СССР в социалистическом лагере. Н. Хрущев предлагал фразу «возглавляемый КПСС и КПК», однако Мао Цзэдун заметил,

что все братские партии равны.

В ходе дискуссий против руководящей роли КПСС активно выступали представители Польши, Югославии и Италии, многие были с ними согласны, но сохраняли молчание. В день открытия совещания 14 ноября Мао Цзэдун специально поднял проблему о руководящей роли СССР. Он сказал, что такому большому количеству партий нужна голова. У противостоящего империалистического лагеря голова есть. Утратив руководство, социалистический лагерь может утратить силы. 15 ноября проект декларации горячо обсуждался в комиссиях, особенно активным противником руководящей роли КПСС была польская делегация. Мао Цзэдун встретился с В. Гомулкой и обменялся мнениями. Гомулка настаивал на том, чтобы в общем документе нашли отражение темы, по которым достигнуто общее согласие, однако Польша согласна далеко не со всеми положениями. Мао Цзэдун настаивал на том, чтобы братские партии помогли Н. Хрущеву. После беседы с Гомулкой Мао Цзэдун встретился с Н. Хрущевым, и они обсудили вопросы следующего дня совещания.

16 ноября была закончена работа над проектом декларации, и состоялось пленарное заседание. Первым выступил Мао Цзэдун. Он заявил: «Я считаю, что получилась хорошая декларация, в ней соединились живость и принципиальность, это результат наших консультаций. В ней нет ревизионизма и оппортунизма». После убедительного выступления Мао Цзэдуна все делегации согласились с текстом декларации. В декларации сохранилась фраза «возглавляемый СССР социалистический лагерь».

Однако выступление Мао Цзэдуна 18 ноября оставило совершен-

но иное впечатление. Чтобы показать, что любому лагерю нужен вождь, он использовал китайскую поговорку «змея не может быть без головы». Поскольку сила СССР в социалистическом лагере велика, эта голова и есть СССР. Относительно Н. Хрущева он также применил китайскую поговорку, что цветок не может существовать без листьев. Согласно этой логике, руководящая роль СССР обусловлена его возможностями. Как только Китай окрепнет экономически, руководство в социалистическом лагере сменится. Уже тогда КПК фактически была идейным руководителем, и Мао Цзэдун считал, что для полного руководства Китаю недостает экономической мощи. По мнению Мао Цзэдуна, кто является главой семьи, не имеет значения, важно, к кому прислушиваются.

На московском Совещании проявились и другие разногласия и противоречия, но они нашли разрешение в декларации. Итальянская делегация считала, что главной опасностью является ревизионизм. В декларации было указано: «каждая партия решает сама, что для нее наиболее опасно в определенное время». КПСС настаивала на создании общего печатного органа, многие партии были не согласны. Было достигнуто устное соглашение, что будут публиковаться только идеи, получившие общее одобрение, никаких дискуссий и критики. Благодаря усилиям КПК и КПСС на основе принципа единства при наличии разногласий был разработан документ, получивший общее одобрение. Однако его практическая эффективность сомнительна. Хотя декларацию подписали все, она не имеет связующей силы, многие положения можно трактовать по-разному. Не удивительно, что после совещания каждая партия поступала по своему усмотрению. В ходе

возникших потом китайско-советских разногласий каждая сторона ссылалась на декларацию.

3. Выступления Мао Цзэдуна

Как отмечает Шэнь Чжихуа, на московском совещании Мао Цзэдун привлек всеобщее внимание. Не только потому, что советская сторона оказала ему особый прием. Наибольший интерес у исследователей вызывает выступление Мао Цзэдуна 18 ноября. Он произнес много неожиданных и удивительных фраз.

В начале совещания он произнес загадочную фразу: «ветер с Востока побеждает ветер с Запада». Для подтверждения Мао Цзэдун привел 10 примеров: победу над фашизмом, китайскую революцию, корейскую войну, Суэцкий кризис, решение сирийского конфликта, запуск советского спутника, уход Великобритании, Голландии и Франции из колоний. В заключении он сказал: «Наше небо чистое, а на западе тучи». В беседе с делегацией британской компартии он снова привел эти 10 примеров, и заметил, что социалистические страны идут впереди, а капиталистические сзади. На встрече с китайскими студентами Мао Цзэдун заметил, что в небе летают два советских спутника, а в Москве собрались представители 64 партий. Он выразил уверенность, что ветер с востока непременно одолеет ветер с запада.

Запуск советского спутника был величайшим событием, это свидетельствовало об уровне советской науки и, в частности, в ракетных технологиях. Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве также указывало на рассвет международного коммунистического движения. Однако то, что мир вступил в необратимый процесс соревнования социализма и капитализма, было оптимистическим преуве-

личением. Разногласия в этом вопросе постоянно проявлялись в личных беседах Мао Цзэдуна и Н. Хрущева. Мао Цзэдун признавал советские достижения в науке и военном деле, однако считал, что США обладают огромным потенциалом. Гомулка в беседах с Мао Цзэдуном признал, что капиталистический мир отстал после запуска советских спутников. Гомулка уделял больше внимания современным политическим действиям, считал, что нельзя допускать дальнейшего обострения обстановки. Он не мог знать, что смысл изречения Мао Цзэдуна «ветер с востока подавляет ветер с запада» заключался в том, что социализму не стоит беспокоиться и не стоит выступать против напряженной международной обстановки.

Удивление собравшихся также вызвало высказывание Мао Цзэдуна о внутривнутрипартийной борьбе в КПСС. Говоря о единстве, Мао Цзэдун затронул проблему группировки Молотова. Он заявил, что одобряет действия Н. Хрущева, который своевременно перегруппировал силы и одержал победу. Это была борьба двух линий, одна из которых была ошибочной. Нерешение или неправильное решение этой проблемы было бы опасным.

В июньском инциденте в КПСС Мао Цзэдун полностью был на стороне Н. Хрущева, однако считал, что проблему не стоит выносить на международное обсуждение. Мао Цзэдун вспоминает, как несколько сот человек в Георгиевском зале затихли, а Микоян демонстративно встал со своего места, выражая недружественную позицию. Когда Мао Цзэдун выступил с критикой разногласий и противоречий в руководстве КПСС, Янош Кадар передал югославской делегации записку: «Идеологическая борьба советских и китайских руководителей в

международном рабочем движении началась».

Наибольшие споры вызвали высказывания Мао Цзэдуна о ядерной войне и ее последствиях. Реакция делегатов была необычайно острой. Новотный заявил: «Китай готов принести в жертву 300 млн из 600, а как быть нам?». Гомулка выразил крайнее удивление. Секретарь компартии Израиля заявил, что Китай говорит о Третьей мировой войне.

Текст речи Мао Цзэдуна не был опубликован. Когда СССР выступил с нападками на ядерную политику Китая, были опубликованы отдельные выдержки, полностью текст был опубликован в 1992 г. Заявления Мао Цзэдуна испугали руководителей небольших европейских стран. Шэнь Чжихуа подчеркивает, что КПСС извращала его высказывания, чтобы продемонстрировать склонность китайского руководства к провокациям. В год московского совещания позиция советского руководства мало отличалась от китайской. Отвечая на вопрос американского корреспондента о возможных последствиях ядерной войны, Н. Хрущев заявил, что человечество понесет громадные потери, но не исчезнет с лица Земли.

Мао Цзэдун выступал перед европейской аудиторией, в переводе не удалось избежать неточностей. На следующий день после возвращения из Москвы Мао Цзэдун созвал Политбюро, где доложил об итогах московского совещания. Однако он умолчал о двух проблемах: мирном сосуществовании и социалистических партиях. Он подтвердил верность «Пяти принципам мирного сосуществования», но внешнюю политику СССР, основанную на мирном сосуществовании, назвал неверной. Нельзя забывать о поддержке мировой революции и

пролетарском интернационализме. Мао Цзэдун ничего не рассказал о своих разногласиях с Н.Хрущевым.

В общем, и китайская, и советская стороны посчитали московское совещание успешным. Однако такое мнение таило в себе опасность. Эта опасность крылась не в китайско-советских разногласиях и противоречиях. Поиск общего в разногласиях – обычная форма сотрудничества. Московское совещание показало, что КПК и КПСС по-разному понимают основные особенности эпохи. В КПСС полагали, что преимущества социалистической системы, а не война позволят одержать победу социализма над империализмом. В КПК полагали, что современный мир находится в состоянии революций и войн, поэтому окончательно уничтожить империализм смогут только революции и войны. Через полгода после успешного завершения московского совещания китайско-советские разногласия и противоречия вышли на поверхность.

ГЛАВА 7. «БОЛЬШОЙ СКАЧОК», НАРОДНЫЕ КОММУНЫ И РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И СССР ПО ВОПРОСАМ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ (С. 206–218)

Шэнь Чжихуа подчеркивает, что относительно «большого скачка» и народных коммун и их роли в изменении китайско-российских отношений высказывались многие специалисты-международники, на точки зрения которых он ссылается. Так В. Зубок (Гарвардский университет) и К. Плешаков утверждают, что «большой скачок» сразу вызвал неприятие у Н. Хрущева. «Большой скачок», видимо, предполагал увеличение помощи со стороны СССР, что не встретило поддержки в верхах СССР и повлияло на союз двух стран. Шу Гуанчжан (Стэнфордский университет) пишет, что для ускорения индустриализации китайское руководство надеялось на возрастание объемов помощи от СССР, но Советский Союз с осторожностью смотрел на перспективы усиления Китая и не хотел удовлетворять его требования. Шу Гуанчжан считает, что «большой скачок» и народные коммуны были выражением идей Мао по ускоренному строительству социализма, а отрицательное отношение Н. Хрущева вызывало недовольство Мао.

Но, по мнению Шэнь Чжихуа, эти аспекты до сих пор недостаточно ясны. Китайские ученые много внимания уделяли изучению «большого скачка» и народных коммун, на этот счет имеются глубокие исследования, но они не рассматривали проблему под углом зрения отношений двух стран. В основном они касались истории возникновения этих явлений, считая, что Мао Цзэдун, отвергая советский опыт, пытался идти по собственному пути.

Как «большой скачок» и народные коммуны могли повлиять на раскол между СССР и Китаем? Отвергал ли СССР этот подход? Что предпринимал СССР? Существует ли прямая связь? На основании имеющихся материалов Шэнь Чжихуа делает попытку разобраться в данном вопросе.

1. Цель – практические попытки превзойти СССР

Мао Цзэдун в 1956 г. говорил, что СССР и Китай являются социалистическими странами, но сможем ли мы двигаться быстрее? Видимо, начиная «большой скачок», он ставил задачу конкурировать с СССР. На Московском совещании он, употребляя выражение «под руководством СССР», имел в виду, что Китай в экономическом отношении еще слабое государство, которое не могло стать во главе социаллагеря. Когда Н. Хрущев выдвинул лозунг «за 15 лет догнать Америку», Мао тоже не заставил себя долго ждать с лозунгом «за 15 лет или за более короткий срок догнать Англию». Вернувшись из Москвы, он спрашивал, неужели после победы над Чан Кайши с его 8-миллионной армией в мирное время в экономическом строительстве это труднее? Я не уверен. Следовательно, все начиналось с лозунга догнать Англию, обойти СССР путем большого скачка.

12 декабря 1957 г. «Жэньминь жибао» обнародовала новый лозунг Мао Цзэдуна «больше, быстрее, лучше, экономнее строить социализм», главной целью которого была борьба против правых. В марте 1958 г. на рабочем совещании ЦК он выступил против критики И.Сталиным китайской революции и выразил надежду, что Китай пойдет по собственному пути. Он говорил, что людей у нас много, политические условия различны. Мы можем по сравнению с ними

двигаться быстрее, для этого имеются объективные условия. Относительно сомневающихся в «большом скачке», он говорил, что марксизм, как главное течение, в Азии должен развиваться. По правде говоря, разбудив массы, Китай должен был двигаться вперед с большей скоростью. На совещании в Наньнине министр металлургической промышленности в марте 1958 г. в своем докладе сказал, что нужно освободиться от взглядов собственных догматиков. Китай в металлургическом производстве через 3 года превзойдет 10–12 млн т. Через 10 лет мы догоним Англию, а через 20 лет – США, это вполне возможно. Мао Цзэдун одобрил этот доклад. На совещании в Чэнду он много раз его цитировал. Он утверждал, что промышленность и сельское хозяйство Китая развиваются быстрее, чем в капиталистических странах, возможно надо пересмотреть эти сроки. За 10 лет обогнать Англию, еще за 10 лет Америку. Эти сроки могут быть укорочены на 5-7 лет. Однако эти лозунги скоро были скорректированы.

В мае на сессии ВСНП Ли Фучунь в докладе о плане на 2-ю пятилетку заявил, что вполне возможно через 7 лет обойти Англию, через 15 лет США. В 1959 г. планировалось произвести 12 млн т стали, то есть уже через 5 лет превзойти Англию. Мао Цзэдун говорил, что в Москве выдвинутые лозунги «кадры решают все, техника решает все», «электрификация равняется коммунизму», мы не поддерживаем. Наш лозунг, приводит Шэнь Чжихуа слова Мао Цзэдуна, «больше, быстрее, лучше, экономнее», не правда ли, мудрее. Так как ученик должен превзойти учителя, то я думаю, наш коммунизм мы построим быстрее, чем СССР. Кроме примеров СССР у нас есть свои способы, более быстрые и хорошие. При этом Мао уже говорил о возможности

за 7 лет обогнать Англию, а за 8 или 10 лет – США. Еще через месяц прогнозы стали все более оптимистичными. В июне Мао Цзэдун говорил, что в 1962 г. мы получим 60 млн т стали и приблизимся к СССР. Мы через три года обгоним Англию, через 10 лет – США, это возможно и вполне достижимо.

На второй день на Всекитайском экономическом совещании он говорил, что необходимо обогнать Англию не за 15 и не за 7 лет, а за 2 или 3 года, за 2 года возможно вполне. Мао в резолюции совещания исправил 3 года на 2. В июне на совещании в Военном совете прямо указал цель – обогнать СССР. К 1962 г. можно добиться производства 75–80 млн т стали. Не следует ждать 5 лет, чтобы обогнать Англию, достаточно двух или трех лет. За 5 лет можно обогнать СССР, а за 7, в крайнем случае, за 10 лет обойти США.

Перегнуть СССР по выплавке стали означало ускорить переход к коммунизму. В начале 1958 г. Мао Цзэдун начал обдумывать будущие перспективы строительства коммунизма. В конце марта он на встрече с Лю Шаоци и Чэнь Бода поднял вопрос об объединении мелких хозяйств в деревне в коммуны. 1 июля Чэнь Бода в Пекинском университете в университетской газете в статье «Под знаменем Мао Цзэдуна» коснулся дальнейшего курса развития китайского общества. «Наш курс заключается в постепенной организации промышленности, сельского хозяйства, торговли, учебы, военного дела (гражданской обороны) в большие коммуны. Таким образом преобразовать дальнейшее устройство нашего общества». Потом эту статью опубликовали в журнале «Хунци». В августе во время инспекции первых коммун в Хэнани и Шаньдуне Мао Цзэдун сказал корреспондентам

знаменитую фразу «коммуны – это хорошо». После этого по всей стране развернулось их насаждение. В то время вся партия в теоретическом отношении считала, что надо непрестанно изменять производственные отношения, усиливать темпы распространения коммун, это приведет к увеличению производительных сил. С точки зрения Мао Цзэдуна, коммуны есть продукт «большого скачка», одновременно они сами явятся «большим скачком» и приблизят Китай к коммунизму.

В августе на совещании в Бэйдайхэ вопросы о народных коммунах и переходу к коммунизму были уже объединены. 29 августа Пленум ЦК принял резолюцию относительно образования народных коммун, в которой говорилось, что осуществление коммунизма в нашей стране это уже не вопрос далекого будущего. Мы должны активно развивать народные коммуны как конкретный шаг перехода к коммунизму. Затем Мао Цзэдун после тщательного обдумывания проблемы в ноябре на совещании в Чжэнчжоу сказал, что надо четко представлять, что такое построить социализм и что такое переход к коммунизму. Что касается Китая, то Мао Цзэдун уверенно сказал, что война заняла 3 года, восстановление пройдет за 12 лет, а за 15 лет будет осуществлен переход к коммунизму. Что касается СССР, то И.Сталин осуществил первый этап перехода к общенародной собственности. Что касается второго этапа – от каждого по способности, каждому по потребности, то СССР его не достиг.

Китай сейчас достиг второго этапа, питание в коммунах бесплатное (*чифань бу яо цянь*). Народные коммуны в Китае – это продукт осуществления второго этапа. Переход от современного социализма к

коммунизму, это переход в будущем от коллективной социалистической собственности к коммунистической всенародной собственности. Это есть фундамент коммунистической структуры. Таким образом, пишет Шэнь Чжихуа, Мао Цзэдун считал, что Китай открыл новый путь к коммунизму. По его мнению, И.Сталин не открыл такой формулы, не нашел способов перехода. У нас появились народные коммуны, которые ускорили процесс строительства социализма, к тому же переход в деревне от коллективной собственности к всенародной собственности это лучший способ перехода от социализма к коммунизму. В обстановке эйфории, в сентябре 1958 г. в уезде Сюйшуй провинции Хэбэй была составлена и обнародована программа перехода от социализма к коммунизму, затем после обследования Госпланом и властями провинции Хэбэй, после проверки и исправления, постановили к 1960 г. построить социализм, а к 1963 г. перейти к коммунизму.

В конце 1958 г. Мао Цзэдун не только верил, что найден правильный путь для перехода к коммунизму, но и считал, что, пройдя через движение «большого скачка» и народных коммун, Китай быстрее, чем СССР, построит идеальное коммунистическое общество. Он с воодушевлением говорил о переходе к коммунизму. СССР существует 41 год, плетется вслед за нами, сейчас уже отстает. Он считал, что Китай показывает всему соцлагерю правильный путь, естественно надеялся на поддержку, ждал, что КПК станет лидером мирового коммунистического движения.

2. Советская поддержка, сомнения и различные подходы

В июле 1958 г. агентство Синьхуа передало из Москвы отклики

на главный курс КПК и «большой скачок». Часть советских людей горячо поддержали курс, а некоторые испытывали сомнения в возможности к 1960 г. получить 50 млн т стали и урожай пшеницы в 7 тыс. цзинеи с га на опытных участках.

Шэнь Чжихуа ссылается на советские газеты того времени, в которых увеличилось число материалов о «большом скачке». Газета «Правда» в течение августа опубликовала несколько материалов в 2–3 столбца под заголовками «Источник народного творчества», «Силы творчества масс безграничны» и т.д. В сентябре публикации продолжились. 4 сентября в газете «Красная звезда» говорилось, что «большой скачок» отражает современную обстановку в шестисотмиллионном Китае, стремление в кратчайшие сроки построить социализм, превратить страну в одно из могучих государств в мире. Успехи трудовые братского китайского народа – источник воодушевления для всего соцлагеря. «Большой скачок» в строительстве социализма еще более укрепит силы соцлагеря. В этом заключается международное значение китайского экономического строительства. Согласно агентству Синьхуа, только в октябре ТАСС опубликовал около 50 материалов о китайской промышленности, сельском хозяйстве, культуре.

По мнению Шэнь Чжихуа, хотя по отдельным вопросам еще сохранялись сомнения, но генеральная линия и «большой скачок» были встречены с одобрением. В июле в материалах посольства СССР говорилось, что устойчивый рост в КНР это отражение правильной генеральной линии, проводимой КПК. В цифрах не приходится сомневаться, они экономически обоснованы. Это результат правильной политики КПК в строительстве социализма. Даже Н. Хрущев заявил, что

планы китайских товарищей привели его в изумление. Шэнь Чжихуа приводит следующие его слова: «Хотя мы не понимаем китайские иероглифы, но если китайские товарищи успешно завершат свои планы, а в этом у нас нет никаких сомнений, то это будет большое потрясение для их азиатских соседей».

Кроме информационной, СССР оказывал КНР также практическую поддержку. Многие советские предприятия активно взялись за выполнение и перевыполнение китайских заказов, в частности, оборудования для сталелитейной промышленности, сооружений гидроузла Саньмэнься, ГЭС Фэнмань, пекинской ТЭЦ. Практически в период «большого скачка» СССР досрочно выполнил все обязательства по поставкам оборудования. Согласно ГСУ, в 1959 г. при помощи СССР были введены в эксплуатацию 113 объектов. Помимо уже заказанных по новым соглашениям СССР оказал помощь в строительстве 125 объектов.

Но после первой волны воодушевления, связанного с коммунами, отмечает Шэнь Чжихуа, начали происходить некоторые изменения. К коммунам в СССР с самого начала относились с осторожностью, пытаясь понять конкретное содержание этого явления. Дипломаты организовывали встречи, обсуждения и доклады, направляли делегации в коммуны, надеясь получить более полную информацию. Советская Академия наук предприняла обсуждение этой проблемы и высказалась в пользу коммун. Некоторые даже считали, что коммуны превосходят колхозы и совхозы. Многие советские ученые желали сами получить представление о коммунах. В сентябре в докладе ЦК КПСС говорилось, что народные коммуны являются самой благоприятной

формой для перехода от социализма к коммунизму. Мы должны в духе советско-китайской дружбы изучить методы и материалы, затем в печати освещать это вопрос, глубоко, всесторонне исследовать проблему народных коммун.

Далее Шэнь Чжихуа пишет о том, что проведя тщательные исследования, в конце концов, ЦК КПСС вынесло постановление, в котором говорилось, что в вопросе о народных коммунах допущено забегание вперед, но, учитывая дружеские связи, СССР не будет открыто высказывать свое мнение. Если мы открыто одобрим народные коммуны, то обманем международное коммунистическое движение. Если определим коммуны как левый уклон, то внесем вклад в раскол между КНР и СССР. В целях сохранения единства двух стран необходимо временно не акцентировать внимание на проблеме народных коммун, то есть и не одобрять и не критиковать. Это мнение было одобрено в верхах. Было заявлено, что ошибки в строительстве социализма в Китае мы замечаем не в первый раз, но считаем, что способы и методы строительства, это внутреннее дело Китая. Поэтому мы считаем, что не следует в печати критиковать. Мы не намерены вмешиваться в их внутреннюю политику. Руководители Китая хотели, чтобы мы высказали свое мнение в печати с целью распространения их методов на другие страны. Мы, конечно, не будем так поступать, так как это введет в заблуждение других. Мы не хотим вступать в полемику.

Поэтому в советской печати до конца 1958 г. не было материалов о народных коммунах. По случаю годовщины китайской революции по радио дали 215 материалов о Китае и только 3 по проблемам ком-

мун. На праздновании годовщины октябрьской революции в Пекине посол СССР Юдин в своем докладе ни единым словом не упомянул о народных коммунах. Как бы там ни было, движение за народные коммуны в большой степени влияло на внутреннюю жизнь в СССР. В то время в Москве распространялись разговоры, что сейчас в мировом коммунистическом движении есть только один теоретик Мао Цзэдун, а Н.Хрущев – практик, кукурузник. Еще многие считали, что создание народных коммун – это действительно переход к коммунизму, а СССР так и не нашел такого правильного пути. Некоторые восточно-европейские государства начали изучать опыт «большого скачка» и даже говорить об образовании народных коммун у себя. Секретарь ЦК компартии Чехословакии Новотный говорил, что народные коммуны – это зародыш коммунизма. Албанский руководитель говорил, что народные коммуны – самый лучший способ перехода от социализма к коммунизму, китайские коммунисты развивают марксизм. Монгольский журнал «Труженик» писал, что надо не только поддерживать китайских коммунистов, но и всем надо следовать их примеру. Вьетнамский аналог китайской «Жэньминь жибао» в редакционной статье писал, что для нас образцом являются мелкое местное производство, опытные поля в деревне и сгущенные посевы. Корейское движение Цяньлима приветствовало создание крестьянских кооперативов и систему общественного питания, и содержание детских садов. Болгария даже пошла по пути создания своих коммун. Почти весь соцлагерь был охвачен единым порывом. Пекин уже явно обгонял Москву и это не могло не вызывать беспокойство и гнев Н. Хрущева.

Сотрудник ЦК КПСС Елютин говорил, что Китаю надо было

раньше, чем СССР, прийти к коммунизму, чтобы доказать ошибки Н. Хрущева. Во время визита в Китай польский руководитель Гомулка говорил, что исторический опыт учит нас, что только усилиями всех социалистических государств можно достичь успехов. Нельзя опираться только на свой опыт. Это было воспринято как критика в адрес Китая. В январе 1959 г. на XXI съезде КПСС, Н. Хрущев утверждал, что общество не может перейти от капитализма к коммунизму, минуя этап социализма. Считать, что коммунизм внезапно наступит, неправильно. Уравниловка не означает переход к коммунизму, это способно нанести вред коммунизму. Заранее переход к принципу распределения каждому по способности может нанести вред делу коммунизма. Это был очевидный намек на народные коммуны в Китае. Влияние СССР сыграло свою роль. В январе 1959 г. Хо Ши Мин в ответе западным корреспондентам говорил, что в настоящее время мы не намерены создавать народные коммуны. Тодор Живков отвечал, что Болгария пойдет по советскому пути. В июле на митинге в Польше Н. Хрущев не дал четкого ответа на вопрос о коммунах. Он утверждал, что сейчас многие еще не понимают, что такое коммунизм. Для строительства коммун нет ни материальных, ни политических условий, этот путь ошибочный. СССР поэтому пошел по пути коллективизации сельского хозяйства. В польских газетах этому не придали большого значения. Но в июле газета «Правда» полностью опубликовала этот материал, что вызвало негативную реакцию Мао Цзэдуна, который был в это время в Лушани.

3. Мао Цзэдун в Лушани объявляет войну Н.Хрущеву

В августе 1958 г. Мао Цзэдун говорил, что в 1949 г. мы освободи-

ли Китай. Я был очень рад. Затем начались преобразования в промышленности, помощь Корее в борьбе США. Я снова был очень рад, но не полностью. Вот наступил «большой скачок» и я полностью удовлетворен этим. Народные коммуны и «большой скачок» Мао Цзэдун действительно считал большими достижениями. В декабре в г. Учан он просмотрел материалы в чехословацкой газете «Руде право», в которых говорилось, что большой скачок имеет большое значение не только для революционной истории Китая, но и для всего человечества. Швейцарская партия труда считала Китай новым образцом для строительства коммунизма, определяющим путь для всех развивающихся стран. Относительно этих материалов, Мао Цзэдун написал резолюцию «Напечатать и распространить. Действительно великолепно. Прошу Дэн Сяопина срочно выполнить». Относительно критики Н. Хрущева на XXI съезде КПСС Мао Цзэдун отмечал, что мы подождем, посмотрим, потом снова вернемся, сейчас не будем отвечать. В результате он хотел в 1959 г. обсудить ситуацию с кадровыми работниками на местах.

В апреле 1959 г. на совещании в Госсовете Мао Цзэдун утверждал, что хотя есть некоторый беспорядок, но успехи велики. Вместе с тем другие руководящие работники ЦК, такие как Чжоу Эньлай, Бо Ибо, Чэнь И, обращали внимание на ошибки в проведении курса «большого скачка» и народных коммун. Естественно на Лушаньском совещании имелись неодинаковые оценки. Здесь выступил с письмом Пэн Дэхуай, который прямо указал, что, например, при выплавке стали кустарным способом народ несет потери, есть даже раненые. Нельзя учитывать только политические факторы. Народные коммуны не

имеют особых преимуществ. После опубликования письма Мао Цзэ-дун пришел в ярость и решил выступить против критиков его курса. К тому же по докладу китайского министерства иностранных дел в СССР распространялись слухи о трудностях, испытываемых Китаем. В газете «Правда» было опубликовано нелицеприятное мнение Н. Хрущева о народных коммунах. В такой ситуации при критических выступлениях правых Мао Цзэдуну приходилось нелегко.

На следующий день Мао Цзэдун объявил, что хотел бы, чтобы товарищи ознакомились с этими материалами и ответили, могут ли наши коммуны потерпеть крах.

При обсуждении резолюции совещания он сказал, что есть три важных дела: курс «пусть расцветают сто цветов», народные коммуны, «большой скачок». Н. Хрущев выступает против этих трех дел. Мао Цзэдун провозгласил начало борьбы внутри партии и в международном плане с противниками коммун и сомневающимися элементами, в том числе и в СССР. В сентябре Мао Цзэдун велел опубликовать слова Н. Хрущева против коммун, чтобы все в Китае знали, против кого направлены его реплики, а также одновременно опубликовать отклики из ЧССР и ГДР с одобрением результатов Лушаньского совещания. «Китайский богатырь победит русского воина». Эти действия Мао Цзэдуна свидетельствовали о том, что он решил выступить против Москвы. По случаю 10-летней годовщины образования КНР Лю Шаоци подготовил статью в журнал «Проблемы мира и социализма» «Победа марксизма-ленинизма в Китае». Он спрашивал мнение Мао Цзэдуна, так как в статье была критика некоторых зарубежных товарищей. Мао Цзэдун ответил: «Смотрел, очень хорошо. Так

надо писать, писать наоборот плохо». В октябре эта статья была опубликована в «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци».

Но затем Мао Цзэдун перестал раздувать критику Н. Хрущева, полемика прекратилась. Шэнь Чжихуа ищет ответы на вопрос, почему Мао Цзэдун, считавший, что «большой скачок» и народные коммуны являются примером для мирового коммунистического движения, поступил так? Здесь было несколько причин. Во-первых, он не хотел самокритики. Во-вторых, что самое важное, в то время «большой скачок» и народные коммуны начали терять популярность и всеобщее одобрение в мировом коммунистическом движении.

В это время в мировом социализме появились проблемы, связанные с сепаратизмом И.Б. Тито, к тому же с 1960 г. обострилась ситуация в народных коммунах, миллионы людей голодали, были случаи смерти на селе от голода. Как мог Мао Цзэдун в этой ситуации критиковать Н.Хрущева. Мао Цзэдун, как и И.Б. Тито, одинаково не хотел уступать, настаивал на своем. Но как он мог унижить Н. Хрущева? Что касается внутренней политики, Китаю трудно было что-либо противопоставить и открыто вести спор с СССР. Что касается внешней политики, то здесь он мог полемизировать с Москвой.

ГЛАВА 8. ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. ОБСТРЕЛ ОСТРОВОВ ЦЗИНЬМЭНЬДАО И МАЦЗУ И КИТАЙСКО-СОВЕТСКИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ (С. 219–251)

По мнению Шэнь Чжихуа, китайско-советский союз начался именно с военного союза. После образования КНР и до Корейской войны СССР направлял самолетную технику и военный персонал, которые помогли ускорить занятие СУАР, а также создать береговой военный флот. Кроме того был организован тыл для китайских добровольцев в Корею. Это сыграло существенную роль в укреплении новой власти Китая. В Корейской войне Китай осуществлял интернациональный долг и сыграл важную роль в укреплении всего социалистического лагеря. С 1958 г. начались изменения в военных отношениях двух стран. Произошли такие важные события, как отказ от строительства длинноволновой радиостанции, создания совместного флота, бомбардировки прибрежных островов. Все это отразилось на отношениях двух стран, но в отличие от начала 1950-х гг. эти противоречия приобрели структурный характер, военное двустороннее сотрудничество не могло продолжаться. С точки зрения военной стратегии и тактики, на фоне политического, военное сотрудничество продолжалось и не подвергалось сомнению как гарантия общей выгоды сторон.

1. Китайско-советское военное сотрудничество. Надежды и противоречия

После окончания Корейской войны СССР надеялся на расширение военного сотрудничества с Китаем, укрепление восточного фронта социалистического лагеря, чтобы гарантировать безопасность

СССР. Китай, сосредоточив все усилия на экономическом строительстве, тоже хотел получить военную помощь от СССР, тем самым укрепить оборону и власть. Антинатовский Варшавский договор был направлен на обеспечение мира и безопасности в Европе, но с точки зрения Москвы, слишком сильный Китай мог стать основной силой соцлагеря, что не устраивало Москву. Китай недвусмысленно заявлял о своем желании вступить в Варшавский договор. Но СССР считал, что вступление неевропейских стран (за исключением Кубы) в Договор встретит неодобрение остальных соцстран Европы. В 1955 г., когда образовался Варшавский договор, министр обороны КНР Пэн Дэхуай заявил об одобрении и поддержке. Он от имени китайской делегации заявил, что если мир в Европе будет нарушен, то Китай вместе с народами и правительствами братских стран выступит против агрессоров вплоть до полной победы. Это заявление сыграло важную роль в укреплении военного могущества соцлагеря. Пэн Дэхуай посетил многие восточноевропейские страны с подобными заявлениями. В Москве он совещался с Жуковым и Н.Хрущевым. Стороны условились укреплять военное сотрудничество в духе совместного договора 1950 г.

Н.Хрущев говорил, что Варшавский договор направлен острием не только против запада, но и на восток, он надеялся, что союзный договор с Китаем и Варшавский договор можно будет каким-нибудь образом соединить, что усилило бы китайско-советский союз. Сейчас СССР имеет мощные вооруженные силы на Дальнем Востоке, если Китай пожелает, то он может рассчитывать на сотрудничество с СССР и постепенно достигнуть полного взаимодействия. Необходимо

рассмотреть эти вопросы с юридической точки зрения. Это позволит мобилизовать вооруженные силы двух стран для защиты мира и безопасности на Дальнем Востоке. Пэн Дэхуай согласился, что Варшавский договор играет большую роль в обеспечении безопасности в Азии, поэтому Китай считает необходимым развивать военное сотрудничество в духе китайско-советского договора. Что касается конкретных форм сотрудничества, особенно на море и в воздухе, то эти вопросы надо будет в будущем исследовать. Относительно курса на сближение Варшавского и советско-китайского договоров, надо учитывать различия и оттенки в стратегии и тактике. Перед отъездом из СССР Пэн Дэхуай согласовал вопрос о будущих консультациях. Мао Цзэдун одобрил результаты поездки Пэн Дэхуая и заявил, что стратегический курс Китая – это активная оборона. Характерно, что в беседе с Пэн Дэхуаем Жуков говорил, что в связи с появлением ядерного оружия данный курс нуждается в дальнейшем обсуждении.

В 1957 г. Мао Цзэдун приехал в СССР. Он заявил, что если империалисты развяжут войну, то Китай как Гулливер сможет вам помочь. Эти слова покорили Н. Хрущева, но еще не могли повлиять на развитие отношений.

Московское совещание было пиком единства соцлагеря и единства СССР и Китая. Среди московских высших чиновников распространились слухи о том, что советско-китайский и Варшавский договор объединят, и что совместные китайско-советские вооруженные силы будут оборонять Тихоокеанский театр военных действий. Шэнь Чжихуа считает, что это были отнюдь не пустые слова. Это становилось тенденцией. В декабре 1957 г. Китай и СССР учредили совмест-

ную комиссию по оборонной промышленности с созывом один раз в год. Китайская сторона представила на обсуждение программу из нескольких пунктов, в том числе предлагалось обмениваться соответствующими изданиями, обсуждать стандарты и технические условия военного производства, обсуждать стандарты приборов и измерительной техники, проводить обмен специалистами, делегациями, проводить конференции и стажировки, установить постоянные связи между военно-техническими организациями, наладить постоянный обмен результатами разработок, образцами, новым оборудованием и обучением персонала, принять меры по защите секретности относительно новых разработок. Неизвестно, как осуществлялся данный проект, но он способствовал продвижению военно-технического сотрудничества двух стран.

В январе 1958 г. посол Юдин на встрече с Чжоу Эньлаем сказал, что СССР намерен выступить за создание безъядерной зоны в Азии и попросил китайскую сторону высказать свое мнение. Чжоу Эньлай ответил, что это очень хорошая идея, и обещал дать ответ после консультаций в ЦК и правительстве. 1 февраля СССР окончательно одобрил проект создания в Азии безъядерной зоны и обещал донести это мнение до индийской стороны, в связи с чем Чжоу Эньлай встретился с временно исполняющим обязанности посла Индии в Китае. В марте Н. Хрущев объявил о решении прекратить ядерные испытания в одностороннем порядке во время совместной встречи глав правительств СССР, США и Англии. Н. Хрущев ожидал одобрения китайской стороны. Газета «Жэньминь жибао» опубликовала это решение и поддержала его. 9 февраля Чжоу Эньлай сделал заявление, в котором

отметил, что мы поддерживаем и приветствуем это важное для всего человечества решение. Одновременно Китай поддержал усилия компартии и соцпартии Японии впредь консультироваться с СССР по данной проблеме. В феврале Мао Цзэдун на встрече с послом Юдиным заявил, что КПК полностью поддерживает правильную и успешную политику СССР. Мы в Китае рады активным действиям СССР в области внешней политики. Мы полностью поддерживаем эту жизненно важную политику.

Китайско-советское сотрудничество в экономической области развивалось и играло все большую роль в укреплении отношений двух стран. В феврале 1958 г. Н. Хрущев встретился с послом Лю Сяо и выдвинул идею создания «рублевой зоны». В марте Чжоу Эньлай и советский посол обсудили идею рублевой зоны в качестве противовеса долларовой зоне. Чжоу Эньлай заявил, что недавнее совещание в Москве укрепило и усилило экономическое единство соцстран. Выдвинутые Н. Хрущевым идеи показывают ответственность СССР перед соцлагерем. Что касается экономического сотрудничества, то СССР является лидером. В мае в Москве прошло совещание Совета по экономической взаимопомощи. На нем рассматривались проблемы разделения труда и специализации соцстран. Китайская делегация принимала участие в совещании. «Жэньминь жибао» писала, что это совещание еще более усилило сотрудничество братских социалистических стран. Главная задача Китая в международном отношении усиливать сотрудничество с соцлагерем. Н. Хрущеву никогда не приходило в голову, что в такой благоприятной атмосфере требования усиления военного сотрудничества встретят такой отпор со стороны

Мао Цзэдуна.

2. Скандал из-за длинноволновой радиостанции и проблем создания совместного флота

Каждый исследователь периода холодной войны указывает на инциденты, связанные с длинноволновой радиостанцией и общим флотом. Именно тогда, подчеркивает Шэнь Чжихуа, Мао Цзэдун в первый раз открыто выразил свое несогласие и недовольство. Многие считали, что это был первый повод к дальнейшему расколу. Причиной этому было мнение Военного совета Китая, который посчитал, что СССР покушается на суверенитет Китая и что это попытка Н. Хрущева контролировать Китай. Со временем эта точка зрения стала главной, почти аксиомой. Но тогда было мало исторических источников относительно этих двух инцидентов. Сейчас для ученых многое стало ясным. Источниками служат неоднократные беседы Мао Цзэдуна с послом Юдиным и Н. Хрущевым. Имеются также протоколы заседаний политбюро ЦК КПСС. Еще Шэнь Чжихуа указывает на воспоминания непосредственных свидетелей, поэтому картина проясняется. К концу 1959 г. оборонное строительство в Китае столкнулось с проблемой создания новой техники и нового вооружения. Для СССР ситуация на Тихоокеанском театре военных действий изменилась в связи с появлением атомных подводных лодок. Китай и СССР в соответствии с союзным договором сотрудничали в этом направлении. Казалось бы, просьба СССР была обычным делом, но как раз здесь возникли инциденты с длинноволновой радиостанцией и созданием совместного флота.

В октябре 1958 г. СССР спустил на воду первую атомную под-

водную лодку, вооруженную ракетами, что давало возможность вести боевое дежурство в мировом океане вдали от берега. Сразу возникла проблема поддержания надежной связи, в то время еще не было спутниковой связи, можно было только поддерживать связь по радио. В это время СССР уже прорабатывал проблемы длинноволновой связи. ЦК предложили два проекта. По первому предлагалось установить станцию на территории СССР, но в связи с большими расстояниями качество связи не давало надежных результатов. Второй проект предусматривал строительство радиостанции на острове Хайнань в Китае или на территории Индии, чтобы обслуживать южные акватории Тихого и Индийского океана. Что касается станции на острове Хайнань, то Н. Хрущев не испытывал сомнений в осуществимости проекта, так как Китай был братским социалистическим государством. Индийский вариант им был сразу отвергнут.

В целом при помощи СССР китайский флот мог бы получить существенную поддержку в развитии. Как раз в это время китайская сторона также выступила с подобной просьбой. Еще в 1954 г. Китай приступил к строительству длинноволновых станций при помощи СССР в Циндао, Нинбо и Шэньцзяне, но это были маломощные станции, не отвечающие новым требованиям. Китай надеялся на помощь СССР. В январе 1958 г. возник вопрос о совместном строительстве и использовании станции.

В марте 1958 г. министр обороны маршал Малиновский обратился к Пэн Дэхуаю с предложением в течение 1958–1962 гг. построить станцию в Южном Китае стоимостью 1,1 млрд руб., из которых китайская сторона должна выплатить 400 млн, а советская – 700 млн,

мощностью 1000 кВт на правах совместной собственности и совместного использования. Мао Цзэдун на совещании сказал, что оплачивать сооружение станции будет полностью китайская сторона, поэтому она будет полностью принадлежать Китаю. Пэн Дэхуай добавил, что от этой станции в мирное время могут получать информацию СССР и другие соцстраны. А иностранцам иметь военную базу на территории Китая не следует. Таким образом, Китай отказал СССР в строительстве своей базы в Китае. В июне 1958 г. Пэн Дэхуай изложил это мнение советской стороне. 9 июня Пэн Дэхуай доложил Мао Цзэдуну, что советская сторона по-прежнему настаивает на своем мнении и к тому же в июне намерена послать группу специалистов для выбора места для строительства станции. Пэн Дэхуай считал возможным разрешить поездку, а прочие вопросы обсудить позже. Мао Цзэдун принял следующее решение: можно начинать строительство, китайская сторона полностью оплачивает расходы, не надо советских платежей. Что касается совместного использования станции, если советская сторона будет настаивать, то не отвечать, а ответ дадим потом. По данному вопросу необходимо заключить правительственное соглашение. Мао Цзэдун добавил, что это мнение Китая, а не одного человека. Это было первое несогласие, высказанное Мао Цзэдуну советской стороне.

12 июня Пэн Дэхуай в письме Р.Я. Малиновскому снова изложил позицию китайской стороны и напомнил о необходимости заключения межправительственного соглашения. Военная делегация СССР прибыла в Китай и предоставила проект такого соглашения. Советская сторона настаивала на совместном использовании станции, на

оплату половины стоимости строительства. Было проведено несколько туров переговоров. 21 июня Пэн Дэхуай в письме Малиновскому вновь настаивал на принципе полной оплаты строительства китайской стороной. Он приветствовал намерение СССР проектировать и строить станцию, но настаивал, что все расходы оплачивает китайская сторона и это не подвергается сомнению.

Только закончилось дело со станцией, как возникла проблема совместного флота. В конце 1957 г. было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве сухопутных и военно-воздушных сил, вставал вопрос о флоте. На совещании в Москве командующий флотом адмирал Горшков выдвинул вопрос о помощи в оснащении китайского флота АПЛ и ракетами. СССР понимал, что Китай не мог сам построить АПЛ и в будущем мог бы помочь Китаю. После возвращения в Пекин Пэн Дэхуай подготовил доклад, в котором указывалось, что это чрезвычайно важный вопрос для флота. СССР уже достиг важных результатов, а Китай мог наладить производство только устаревших типов, поэтому флот нуждался в существенной модернизации. Пэн Дэхуай обратился к Н.Хрущеву за помощью в оснащении флота новой техникой, в том числе ракетами. В письме ничего не говорилось о строительстве АПЛ.

Тем временем Китай сам стал задумываться о создании собственных атомных подлодок. 27 июня Не Жунчжэнь в докладе Чжоу Эньлаю писал, что исследования в этой области должны скоро начаться. Что касается мирного использования атомной энергии, то Академия наук уже начала исследования. Используя курс опоры на собственные силы, можно будет также наладить производство ракет и торпед. Что

касается АПЛ, то Второе артиллерийское управление уже провело переговоры с СССР. Они готовы оказать помощь. На следующий день Чжоу Эньлай на основании доклада Не Жунчжэня попросил Дэн Сяопина срочно доложить свои соображения. В июле ЦК КПК изучил доклад Не Жунчжэня о строительстве АПЛ, обратился с соответствующей просьбой к СССР. Однако позже посол СССР Юдин говорил, что Китай просил помощи лишь в создании ракет и торпед, вопрос об АПЛ не поднимался. В переговорах Юдина и Мао Цзэдуна этот вопрос также не затрагивался.

15 июля на заседании политбюро ЦК КПСС обсуждали вопрос об оказании технической помощи ВМС Китая. В резолюции указывалось, что проблема носит принципиальный характер, и мы надеемся на высшем уровне обменяться мнениями. Речь не шла о какой-то конкретной программе. Политбюро предложило Чжоу Эньлаю и Пэн Дэхуаю приехать в Москву для обмена мнениями. По воспоминаниям Архипова, политбюро не выдвигало идею совместного флота как особую задачу, СССР выдвигал предложение о строительстве в Южном Китае длинноволновой радиостанции, при помощи которой СССР мог бы осуществлять связь с кораблями в Тихом океане. Идея СССР заключалась в том, чтобы 50% затрат приходилось на советскую сторону, а также право пользования в течение 10 лет. После заседания политбюро Н. Хрущев встретился с послом Юдиным и дал указание встретиться с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем и обсудить вопрос о строительстве станции и о возможности базирования советских подлодок в китайских гаванях.

Вернувшись в Пекин 21 июля, Юдин срочно встретился с Мао

Цзэдун, который встретил его в 10 часов вечера в бассейне Чжуннаньхая, и сообщил ему о решении Политбюро. Он доложил обстановку, обрисовал ситуацию на Среднем Востоке, в Югославии, а также внутреннее положение в СССР. Главным пунктом был вопрос о помощи Китаю в создании флота и защиты береговой линии. Юдин сказал о надежде Н. Хрущева, что китайские товарищи поймут, что СССР сам еще не в состоянии полностью использовать АПЛ. Китайская береговая линия очень велика, у СССР нет таких условий для размещения ВМС на востоке. Если начнется война, то Америка будет общим врагом Китая и СССР. Поэтому Н. Хрущев надеется, что китайские товарищи единодушно согласятся с тем, чтобы иметь совместный флот, Вьетнам тоже может участвовать. Надеемся, что Чжоу Эньлай и Пэн Дэхуай приедут в Москву для конкретных переговоров. Мао Цзэдун ответил, что Китай лишь просил СССР оказать помощь и не имел в виду вопроса о совместном флоте. Юдин после завершения встречи докладывал, что Мао Цзэдун спрашивал, является ли совместный флот помощью? Юдин объяснил, что это только идея и просил китайских товарищей посоветоваться. Но Мао Цзэдун настаивал, сначала надо определить курс, хочет СССР объединенного флота или будет оказана помощь. Если СССР не хочет помочь, то Китай не будет строить АПЛ. Сейчас, отмечает Шэнь Чжихуа, нет документов об этой встрече, но участвовавший в ней Б. Верещагин в воспоминаниях пишет, что Юдин сказал следующее. Китай попросил помочь создать современный флот. Москва обсудила эту проблему и считает, что и для СССР АПЛ является новой техникой на начальном этапе использования. Техника еще не совершенная, поскольку для создания АПЛ

необходимы большие средства, кадры и ресурсы. Поэтому сейчас идея о создании совместного флота является шагом к модернизации китайского флота, она создаст хорошие условия для его развития и выхода в Тихий океан. Верещагин особо подчеркнул, что Юдин не говорил об объединенном флоте, а лишь о совместном использовании флота.

На следующий день в 11 утра Мао Цзэдун снова встретился с Юдиным в Чжуннаньхае. Переговоры продолжались пять с половиной часов, согласно протоколам китайской стороны. Мао Цзэдун отверг идею совместного флота и повторно выдвинул идею помощи в его модернизации. По сравнению с прошедшим днем тон Мао Цзэдуна стал жестче. Он заявил, что СССР неуважительно относится к китайцам. Вместо обещаний помочь в создании АПЛ есть лишь пустые разговоры. Кроме того, Мао Цзэдун допустил неуважительные отзывы о советских руководителях, в том числе о И.Сталине. Мао говорил, что не удовлетворен советской помощью, советниками и специалистами. Юдин выразил надежду, что Н.Хрущев скоро посетит Китай и непосредственно с Мао Цзэдуном обсудит проблемы. Юдин снова повторил резолюцию заседания политбюро ЦК относительно проблем собственности, аренды и командования военной базой. Проблем совместного флота он не касался и просил Чжоу Эньлая и Пэн Дэхуая приехать в Москву для решения вопросов.

Советник Верещагин в своих воспоминаниях подробно анализирует содержание документов о переговорах. Основываясь на них, Шэнь Чжихуа указывает на высказывание Мао Цзэдуна о том, что если СССР хочет создать совместный флот, то мы не можем согла-

ситься, так как, похоже, это грубый предлог. Мы только согласны на то, чтобы вы нам помогли в строительстве флота, а командовать будем мы сами. Если наступит война, Китай свои базы и аэродромы предоставит в распоряжение СССР, но в мирное время мы против иностранных военных баз на китайской территории. Мао Цзэдун также коснулся проблемы длинноволновой радиостанции. Станцию должен построить Китай. СССР обещал помочь. Все права будут у Китая. Можно будет рассмотреть вопрос о совместном ее использовании. По воспоминаниям Верещагина, Мао Цзэдун говорил, что И.Сталин не доверял ему как марксисту, во время гражданской войны не разрешал вести наступление, требовал решать вопросы путем переговоров. Во время визита Мао Цзэдуна в СССР Берия установил в китайском посольстве подслушивающие устройства. Советские консулы в Синьцзяне, используя незаконные методы, добывали информацию. Кроме того, Пэн Дэхуай добавил, что во время подписания советско-китайского договора о совместной воздушной обороне советская сторона добавляла в договор пункты, не согласованные с китайской стороной, используя незнание ею русского языка. Вместе с тем, в конце концов, Мао Цзэдун сказал, что по самым важным вопросам мнения наши полностью совпадают, а разногласия носят второстепенный характер. Хотя Мао Цзэдун говорил долго, но все практические вопросы оставались нерешенными.

Юдин в ответном слове подчеркивал, что советское руководство ни в коем случае не поддерживает то, о чем упоминал Мао Цзэдун, что здесь какое-то недоразумение. Постепенно перешли к обсуждению более важных вещей. Юдин настаивал на предложении о личной

встрече Мао Цзэдуна и Н.Хрущева. Он напомнил слова, сказанные Мао Цзэдуном, что если вопрос о флоте не может быть решен в настоящее время, то не надо снова ставить его. Юдин, вернувшись в посольство, послал донесение в ЦК о решении Мао Цзэдуна отказать в создании совместного флота. Так как возникли некоторые важные вопросы, то он готов приехать в Москву, но сейчас это невозможно из-за проблем со здоровьем.

Донесение Юдина заставило обеспокоиться Н.Хрущева, который в телефонном разговоре с Юдиным воскликнул: «Что такое, ничего не понимаю! Что случилось?» Он полагал, что этот вопрос уже решен. Нет смысла еще раз встречаться по этому поводу. Согласно данным китайского посольства в Москве, 23 июля состоялось заседание политбюро ЦК КПСС, на котором было принято решение из нескольких пунктов. Во-первых, видимо Юдин не сумел донести позицию советской стороны до руководства Китая. Во-вторых, мы со времен И.Сталина никогда не занимались обманами и подлогами. В-третьих, мы за встречу, но сейчас неподходящая обстановка. В-четвертых, изложите открыто ваши несогласия, возражения. Зачем же вы выдвигаете просьбы о помощи в строительстве флота. Количество советников можно уменьшить. Юдину было поручено подготовить встречу для решения вопросов в дружественном духе. Получив указание, посол захотел встретиться с китайским руководством и 24 июля изложил точку зрения Н.Хрущева Лю Шаоци, Чжоу Эньлаю и Дэн Сяопину. Н.Хрущев считал, что его не так поняли. Лю Шаоци спросил, связано ли решение о помощи в создании флота с условием совместного флота? Юдин ясно ответил, что советская сторона не только не имела в

виду каких-нибудь политических условий, но и даже думать об этом не могла. На вопрос Чжоу Эньлая по поводу длинноволновой станции, Юдин ответил, что советская сторона тоже не выдвигает никаких политических условий. Лю Шаоци сказал, что советская сторона уже дала обязательство оказать помощь в создании китайского военного флота. Юдин ответил, что этот вопрос уже много раз обсуждался. Лю Шаоци сослался на мнение Мао Цзэдуна, что если СССР не может оказать помощь, то в таком случае Китай может отозвать свою просьбу. В конце концов, посол сказал, что Н.Хрущев не может сейчас приехать в Китай, но так как он обеспокоен ситуацией, то сразу после визита в США приедет с неофициальным визитом в Китай.

31 июля Н.Хрущев прибыл в Пекин и провел переговоры в течение 4 часов с руководством Китая. Во время переговоров он много внимания уделил проблеме совместного флота, повторив, что мы никогда не имели в виду совместное командование флотом. Мы надеялись, что наш флот мог использовать китайские моря против американцев. Н. Хрущев ясно говорил, что мы никогда не думали, что товарищ Мао Цзэдун по этому поводу мог заподозрить нас в агрессивных намерениях. Если вы так думаете, то это прискорбно. Потом Мао Цзэдун в своем выступлении, касаясь вопроса совместного флота, сказал, что обе стороны изложили свое мнение и теперь никогда не будут больше касаться этой проблемы. Относительно длинноволновой станции Н. Хрущев сказал, что политбюро не обсуждало этот вопрос, это инициатива министерства обороны. Советская позиция заключалась в том, чтобы построить на юге Китая станцию и временно использовать ее для связи с тихоокеанским флотом СССР. Если Китай

согласиться с долевым участием СССР в строительстве станции, тем лучше. Все права на станцию принадлежат Китаю. СССР сможет ею пользоваться только с разрешения Китая. Одновременно станции во Владивостоке, на Курилах и северной части Тихого океана могут быть предоставлены для пользования Китаю. Но если Китай не согласен, то СССР может отказаться от этого предложения. Мао Цзэдун подчеркнул, что, по мнению Малиновского, кредиты подразумевают права на собственность. Китай согласен построить станцию целиком за счет Китая и собственность тоже китайская. СССР сможет ею пользоваться. Н.Хрущев подчеркнул, что собственность конечно китайская, но если СССР будет ею пользоваться, то потребуются расходы, при этом можно использовать форму кредитов.

Мао Цзэдун подчеркнул, что Китай не нуждается в кредитах. Если СССР хочет заплатить, то Китай откажется. На этом переговоры закончились. Хотя Мао Цзэдун снова поднял вопрос о советских специалистах и продолжал критиковать СССР, но вопросы о станции и совместном флоте тоже решались.

Из вышеприведенных документов ясно, что СССР с самого начала не имел в виду создание совместного флота, он хотел лишь, чтобы подводные лодки могли использовать китайские гавани для заправки и отдыха. Строительство станции тоже преследовало такую же цель. Юдин говорил о совместном строительстве флота, а Мао Цзэдун понял это как создание совместного флота, как попытку Н.Хрущева подчинить флот. После слов Мао Цзэдуна Юдин все больше приходил в смятение, у него не было возможности доказать обратное. Мао Цзэдун считал, что Н.Хрущев хочет следовать сталинским старым

образцам. Он чувствовал угрозу китайскому суверенитету и чувствовал себя ущемленным.

СССР действительно хотел использовать базы Китая, но не стремился контролировать Китай, нарушать его суверенитет. Н. Хрущев в то время считал, что это строительство отвечает интересам всего соцлагеря. Китай и СССР это социалистические страны, союзники, базы и станции в равной степени необходимы для Китая. К тому же Китай и другие соцстраны могли использовать советские базы для своих флотов, служить для отпора силам империализма. Поэтому не должно было возникать трудностей. Даже после звонка посла Юдина Н. Хрущев считал, что нужно еще раз встретиться и все трудности могут быть решены. По прошествии многих лет оказалось, что эти события в большой степени повлияли на отношение Мао Цзэдуна и китайского народа к СССР. Проще говоря, способы советского руководства были недостаточно продуманы, в какой-то мере примитивны, они не учитывали психологию и чувства китайского народа, долгое время находившегося под гнетом иностранных государств. Такое поведение СССР вызывало чувство горечи, что можно объяснить. Но ведь СССР был союзником Китая, государством – лидером. Все это не могло не вызвать гнев и не могло быть объяснимо. Таким образом, был нанесен чувствительный удар по дружбе и добрососедству. Вероятно, отсюда начался отсчет переменам в отношениях. Ранее Мао Цзэдун терпел сталинский великодержавный шовинизм и позицию старшего брата, но сейчас ситуация уже была неодинакова. Эпоха, когда СССР мог командовать, уже прошла. Мао Цзэдун занимал командные высоты и не мог терпеть сталинские замашки Н.Хрущева.

Конечно, Шэнь Чжихуа излагает свою точку зрения, однако считает, что ее можно обсуждать.

Относительно вопроса о строительстве длинноволновой радиостанции. В августе Пэн Дэхуай и Малиновский в Пекине подписали т.н. соглашение «восемь-три» относительно строительства и совместного использования длинноволновой радиостанции и центра связи. Основное содержание соглашения таково: станцию строит Китай. Все права принадлежат Китаю. СССР оказывает помощь в проектировании и строительстве и оборудовании. Если понадобится, Китай запросит дополнительную помощь, и каждый раз будет оплачивать расходы СССР. Советский Союз каждый раз будет вести переговоры по использованию станции. В ноябре 1959 г. соглашение было подписано, советские специалисты прибыли в Пекин. Была создана совместная канцелярия. Начались проектные работы. В 1960 г. начали строить станцию.

Относительно вопроса о помощи в модернизации флота. После отъезда Н. Хрущева из Китая в сентябре начались переговоры. В феврале 1959 г. подписали т.н. соглашение «два, четыре» относительно предоставления помощи в создании флота и новой техники, а именно в создании новых типов подводных лодок, торпедных катеров, приборов и аппаратуры, радаров, акустических приборов, всего 51 вид оборудования. Вопросы создания АПЛ не затрагивались. Прибыло 60 специалистов. Большая часть проектных работ и оборудования были оплачены.

После вспышки гнева Мао Цзэдун несколько успокоился. Н. Хрущев также остался удовлетворенным результатами своей поездки.

Политбюро признало итоги его поездки успешными. Однако оба конфликта оставили неприятный осадок и сыграли свою роль в дальнейшем охлаждении отношений. Но как только Н. Хрущев покинул Пекин, начались новые события, всколыхнувшие мир – обстрел островов Цзиньмэнь.

3. Серьезный раскол в связи с обстрелом островов Цзиньмэнь

Изучение исторических материалов показало, что Мао Цзэдун предпринял эти действия с единственной целью. Он надеялся при помощи бомбардировок оказать давление на Чан Кайши и побудить его оставить острова, что позволило бы осуществить полный контроль над всем побережьем страны. Для осуществления этой цели необходимы были два условия. Первое, слабость и невозможность оборонять острова гоминьдановцами, а Мао Цзэдун не мог представить себе другого, и второе, невмешательство США. Но Мао не владел всей ситуацией, поэтому о своих намерениях он не говорил даже в узком кругу.

В результате даже непосредственные начальники не знали об истинных намерениях Мао Цзэдуна. Неудивительно, что и руководство СССР пришло в смятение. В январе 1958 г. командование Фуцзяньского военного округа представило план нападения авиации на прибрежные острова Цзиньмэнь и Мацзу. Они считали чрезвычайно выгодным нанесение ударов с воздуха по островам, но приняли во внимание международную реакцию и возможные ответные бомбардировки врага и прямое столкновение с вооруженными силами США. Если начать артобстрелы, то можно избежать риска и принудить Чан Кайши оставить острова. 5 июня Пэн Дэхуай и Дэн Сяопин направили

письмо Мао Цзэдуну с предложением в июле или в августе начать боевые действия. 15 июня разразился ближневосточный кризис. Мао Цзэдун сразу откликнулся на него, решив использовать его в своих целях. 17 июня на совещании было решено начать артобстрел островов. 18 июня был представлен план, по которому должен быть нанесен артиллерийский удар от ста до двухсот тысяч залпов. Затем каждый день в течение трех месяцев по 1000 залпов. Две авиадивизии перебазировались на юг в Сватоу и Ляньчэн. По приказу Пэн Дэхуая обстрел должен был начаться 25 июля по тайваньским кораблям и островным гаваням.

Внезапность решения Мао Цзэдуна можно объяснить желанием использовать ближневосточный кризис для отвлечения сил США. Попытаться освободить острова, заставив Чан Кайши уйти. Кроме того, планировалась поддержка со стороны союзника СССР. Но Мао Цзэдун обдумывал ситуацию еще несколько дней, а 27 июля внезапно приостановил приказ и начал просчитывать возможные последствия. Возможно, он обдумывал способы недопущения вмешательства США. Сдержанность реакции США было для него главной проблемой.

В первый раз во время первого тайваньского кризиса Мао Цзэдун особо старался избежать прямого военного столкновения с США. Во время атаки на острова Дачэнь и Ицзяшань удалось заставить Чан Кайши уйти с этих островов. В 1958 г. он уже не мог рассчитывать, что США уступят и на этот раз. Возможно, Мао Цзэдун хотел на этот раз использовать договор о военном союзе с СССР и особенно проблему модернизации военного флота. Своей резкой критикой в адрес Н. Хрущева в этот момент он, подчеркивает Шэнь Чжихуа, привел в

недоумение не одно поколение исследователей. Очевидно, эмоции и чувство обиды на Н.Хрущева заставили Мао Цзэдуна пойти на эту военную операцию. Совершенно ясно, что эти действия не связаны с вопросами о станции и флоте. Визит Н.Хрущева в Китай был использован Мао Цзэдуном для подчеркивания единства. После серьезной беседы с послом Юдиным 22 июля позиция Мао Цзэдуна смягчилась. Он говорил, я могу приехать в Москву поговорить с товарищем Н.Хрущевым или товарищ Н.Хрущев приедет в Пекин. Необходимо припугнуть империалистов. 31 июля во время переговоров с Н.Хрущевым он снова повторил, мы должны сделать открытое заявление, чтобы припугнуть империалистов. Н.Хрущев ответил, что это хорошая идея. 3 августа совместное заявление было подписано, в нем говорилось о дружбе, союзе и поддержании мира. По всем вопросам было достигнуто полное единство.

Для подчеркивания важности события, как только совместное заявление было подписано, по московскому времени 3 августа в 10 утра радио прервало запланированные передачи и сообщило новость о переговорах Мао Цзэдуна и Н.Хрущева. Оно было опубликовано во всех газетах. На местах прошли обсуждения этого сообщения. Подчеркивалось историческое значение этого документа, передавали также высказывание вьетнамской газеты «соцлагерь во главе с СССР и Китаем». Одновременно были высказывания против империализма. Что касается Мао Цзэдуна, то это все было ему на руку. После опубликования коммюнике в Пекине в посольских кругах стало складываться мнение, что два государства возможно предпримут какие-то совместные действия. Чан Кайши в те дни в своем дневнике писал,

что через 9 лет после 1949 г. русские коммунисты и бандиты Мао провели самую важную встречу и наметили сроки вторжения на Тайвань. Даллес считал, что возможно СССР и Китай договорились о бомбардировке островов. С точки зрения китайских военных это была проверка союзнических обязательств двух стран.

После этого Мао Цзэдун созвал руководство страны для конкретного решения о сроках начала бомбардировки островов. Таким образом Н.Хрущев предстал таким простаком, ведь во время его визита в Китай Мао Цзэдун никак не касался вопроса о бомбардировке. Позднее Мао Цзэдун говорил, что здесь есть люди, которые думали, что я с Н.Хрущевым согласовал этот вопрос. Ни слова об этом не было сказано во время переговоров. Еще через год он повторил, что американцы считали, что мы достигли соглашения с Н.Хрущевым. Однако в то время мы не обсуждали этот вопрос, тогда я уже думал об этом, но еще не решил окончательно.

Поэтому к внезапному обстрелу Москва отнеслась чрезвычайно болезненно. Сопровождавший министра иностранных дел Громыко во время его визита в Китай заведующий отделом Дальнего востока МИД Капица писал, что в то время китайцы были нашими союзниками, партнерами по строительству коммунизма. Они всегда сообщали нам о своих планах. Американский тихоокеанский флот находился недалеко от тайваньского пролива, а китайцы в такой ситуации даже не посоветовались с нами. В то время Н. Хрущев еще не решался говорить о противоречиях между союзническим долгом и поведением Мао Цзэдуна. Лишь через год он высказался по этому поводу. Он осудил действия Китая по обстрелу островов и отметил, что Мао Цзэ-

дун во время переговоров ни словом не обмолвился о своих планах. Он раздраженно отметил, что, в конце концов, это ваше внутреннее дело. Он также сказал, что СССР не понимает внешней политики Китая. Н.Хрущев считал, что СССР стоит во главе соцлагеря и обязан обеспечивать его интересы и безопасность.

После начала обстрелов реакция СССР была очень спокойной. 24 августа Н.Хрущев сделал заявление о международном положении, в котором коснулся лишь проблемы Ближнего востока и даже не упомянул о событиях на Дальнем Востоке. Очевидно, он не понимал причин и последствий происходящего и не знал, что сказать. 26 августа посольство КНР в Москве разъяснило, что острова являются территорией Китая и мы, во что бы то ни стало, освободим эти территории. Это наше внутреннее дело. Реакция США пока не ясна, но мы считаем, что американцы не должны ввязываться в этот конфликт. Такой подход несколько успокоил Москву. 31 августа газета «Правда» опубликовала статью, в которой говорилось, что на Дальнем Востоке США хотят спровоцировать вооруженный конфликт, и поддержала позицию Китая. Освобождение Тайваня и близлежащих островов есть внутреннее дело Китая. Если сейчас раздаются угрозы в адрес КНР, то следует напомнить, что это угрозы и в адрес СССР. Москва считает, что Китай сам может решить свои внутренние проблемы. В это время в США тоже не было резкой реакции, раздавались голоса о китайских агрессорах, но не было конкретных призывов по защите островов.

Однако через несколько дней заявления США заставили волноваться СССР и китайцев. 29 августа командующий сухопутными вой-

сками США Баллок заявил корреспондентам, что если китайцы не прекратят свои действия, то пожалеют об этом. 1 сентября он снова заявил, что если китайцы не прекратят действия по захвату Цзиньмэнь и Мацзу, то столкнутся с большим риском. В этот момент Мао Цзэдун почувствовал, что ему не удастся вооруженным путем освободить острова. Он только может унижить Чан Кайши. Необходимо участие авиации и флота, но тогда предстоит встретиться с вооруженными силами США. 31 августа ЦК КПК выступил с заявлением, что в пропаганде надо избегать радикализма. 3 сентября Мао Цзэдун в заявлении по поводу Тайваня и прибрежных островов сказал, что предстоит долгая борьба и сейчас не следует атаковать. Надо продолжать обстрелы, делать перерыв и наблюдать. Авиация и флот не будут участвовать. Одновременно были прекращены обстрелы на три дня. 4 сентября вечером было опубликовано заявление правительства о введении 12-мильной прибрежной зоны. На совещании в ЦК Мао Цзэдун сказал, что если американский флот вторгнется в наши территориальные воды, то мы имеем право на самооборону, но сначала предупредим. Одновременно мы готовы вступить с США в переговоры. Не следует сломя голову бросаться вперед. Очевидно Мао Цзэдун оценил обстановку и уже начал подготовку к отступлению. Несмотря на заявление Мао Цзэдуна, Белый дом не торопился менять свое решение. 4 сентября Даллес в Сингапуре заявил, что защита островов Цзиньмэнь и Мацзу имеет прямую связь с защитой Тайваня. К тому же США начали военные приготовления. В тайваньских газетах писали, что США готовы применить в целях защиты острова ядерное оружие. В Тайваньском проливе сложилась напряженная ситуация.

Все это очень взволновало Москву. 5 сентября Н. Хрущев позвонил послу СССР в Китае и сообщил, что Громыко готов тайно приехать в Пекин и изложить точку зрения СССР по тайваньской проблеме. Правительство СССР направило президенту Эйзенхауэру письмо, надеясь на обмен мнениями. Громыко прибыл в Пекин и имел встречи по отдельности с Чжоу Эньлаем и Мао Цзэдуном. Китайская сторона заверила его, что они не намерены захватывать острова и тем более Тайвань. Советская сторона с одобрением встретила эти заверения. В заявлении от 6 сентября политбюро ЦК КПСС отмечало, что считает позицию Китая правильной. В послании Эйзенхауэру от 7 сентября Н. Хрущев призвал США прекратить вмешательство во внутренние дела Китая и предупредил, что агрессия против Китая будет рассматриваться как агрессия против СССР и что Советский Союз сделает все для обеспечения безопасности двух стран. В тот же день газета «Жэньминь жибао» опубликовала заявления Чжоу Эньлая, призвавшего срочно возобновить китайско-американские переговоры. В связи с разразившимся опасным кризисом Мао Цзэдун хотел избежать военного конфликта с США. В случае вмешательства США Китай не смог бы предотвратить кризис. Но в данной ситуации Китай не мог показать себя слабым. К тому же необходимо было продемонстрировать себя как военного союзника СССР и потребовать помощи от СССР. Мао Цзэдун хотел продемонстрировать силу, но этой силы было недостаточно, чтобы противостоять США. В данный момент СССР простил самочинность Китая, но, во всяком случае, раскол между ними углублялся.

Заявления Чжоу Эньлая и Н.Хрущева, однако, не могли остано-

вить кризис. Согласно ранее намеченному плану, США осуществляли конвой тайваньских судов, при этом 8 сентября произошел бой. Один тайваньский корабль был потоплен, еще одно судно повреждено. Американский конвой не принял участие в бою. В это же день флот Тайваня и ВМС США предприняли совместную атаку. Был потерян один тайваньский самолет и сбито 5 советских МИГов, повреждены еще два. 11 сентября была предпринята бомбардировка Сямэньского университета на побережье КНР, американцы возобновили конвоирование тайваньских судов. В свою очередь, Китай снова начал бомбардировку островов. В этот же день Эйзенхауэр провозгласил решимость дать отпор агрессорам и не отступать. Конфликт достиг высшей точки накала.

Китайское руководство тоже предприняло свои шаги. 8 сентября Чжоу Эньлай встретился с корреспондентом сингапурской газеты «Наньян шаньбао» в Гонконге и просил его передать тайваньской стороне требование отступить, вывести армию с островов. Тогда можно будет снова перейти к переговорам. При этом Чжоу Эньлай обещал не препятствовать американскому конвою и разрешить снабжение островов. 10 сентября Чжоу обнародовал проект повестки переговоров послов США и Китая. Главным ее содержанием был тезис о том, что Китай обязательно освободит острова. Если Тайвань освободит острова, то обстрелы прекратятся. 13 сентября Мао Цзэдун отдал приказ производить обстрел одиночными залпами, чтобы беспокоить врага и не давать ему расслабиться.

15 сентября начались срочные китайско-американские переговоры на уровне послов. Мао Цзэдун дал представителю Китая Ван Бин-

нанию инструкции уважать достоинство американцев, но как только начались переговоры, китайская сторона предложила такой проект, от которого американская сторона сразу отказалась и предложила свой проект, смысл которого заключался в том, чтобы «сначала прекратить огонь, потом вести обсуждение». После отказа китайской стороны переговоры вновь зашли в тупик.

Выступая против идеи «сначала прекратить огонь, потом вести обсуждение», Чжоу Эньлай хотел, чтобы американцы ушли из Тайваньского пролива. 18 сентября он встретился с советником Антоновым и подробно изложил ему позицию Китая. Он считал, что американцы должны уйти из пролива, тогда китайцы прекратят обстрелы. Если американцы примут это предложение, тогда могут быть продолжены переговоры о мирном разрешении проблемы. Если американцы не уйдут, то Китай собирается усилить бомбардировки. Если Тайвань начнет обстреливать побережье, то Китай всеми силами нападет на остров. Тайвань мог только рассчитывать на поддержку США, но вряд ли США захотят быть зависимыми от Тайваня. Мы должны заключить соглашение с США. Мао Цзэдун одобрил позицию Чжоу Эньлая. Однако позиция Москвы была неоднозначна.

6 сентября в газетах СССР и других соцстран было опубликовано новое послание Н.Хрущева к Эйзенхауэру, выдержанное в воинственных тонах. Через три дня «Жэньминь жибао» опубликовала полностью текст этого документа. Американские обозреватели считали, что, несмотря на некоторые оговорки, заявление СССР было полной поддержкой коммунистов в тайваньской проблеме. Пекин не рассчитывал на такую действительную поддержку, это заявление было са-

мым решительным, это насторожило США. Практически Китай рассчитывал только на уход Чан Кайши с островов. СССР в своем заявлении затронул общие проблемы.

16 сентября Н.Хрущев в Крыму встретился с китайским послом Лю Сяо. Кроме обсуждения актуальных проблем вокруг Тайваня, обсуждалось также предложение послать в этот район части ВВС, помочь Китаю в отражении американской агрессии. 23 сентября Чжоу Эньлай доложил об этом Мао Цзэдуну и получил одобрение. Оставалась проблема командования отрядом бомбардировщиков ТУ-16. Мао Цзэдун говорил, что китайско-советское сотрудничество предполагает различные формы, но сомневался, что использование наемников является формой сотрудничества. Через несколько дней Мао Цзэдун послал письмо Н.Хрущеву с отказом от советского предложения. 4 октября Н.Хрущев снова затронул проблему военной помощи, предложив направить в Китай управляемые ракетные установки. Мао Цзэдун согласился купить установки и пригласить советских инструкторов. Н.Хрущев имел в виду совсем другое. 25 сентября газета «Красная звезда» писала, что наши бойцы готовы помочь Китаю в уничтожении агрессора. Но это не подходило для китайской стороны. Через два месяца на совещании в Чжэнчжоу Мао Цзэдун говорил, что СССР хочет послать самолеты и ракеты на Фуцзяньский фронт. Мы не согласны. Так как они хотят, чтобы вооружение находилось под их командованием, то тем самым они намерены контролировать наше побережье провинции Фуцзянь. Это одинаково с намерениями американцев, которые хотят контролировать Тайвань. Лю Сяо добавил, что СССР стремится придать глобальный характер внутренней китайской

проблеме и изменить статус-кво в тихоокеанском регионе.

Далее Шэнь Чжихуа излагает события следующим образом. Как бы то ни было, отказ китайцев чрезвычайно разозлил Н.Хрущева. Он потом говорил, что Китай просил нас о помощи. Мы рассчитывали послать дивизию ВВС, но их реакция была очень болезненна. Они отказались от помощи, но у нас не было никакой другой цели кроме оказания братской поддержки. Задолго до начала бомбардировки Цзиньмэньдао Чжоу Эньлай обращался к Н.Хрущеву. Он утверждал, что американцы намерены поставить Чан Кайши истребители Ф-100, поэтому просил прислать 30 самолетов МИГ-19 и 32 тыс. управляемых ракет С-5 в течение месяца. Хотя Китай отказался принять вооружение вместе с персоналом, но в октябре самолеты и ракеты были поставлены. СССР также обещал дать лицензию на производство бомбардировщиков ТУ-16, но СССР настаивал на том, чтобы командование этой техникой было под управлением СССР.

Кроме разногласий в вопросах военной помощи во время кризиса разногласия возникли и в дипломатии. Китай хотел прямых переговоров один на один с США, а СССР считал необходимым решать проблемы с помощью ООН. В сентябре в своем письме к американскому президенту Н.Хрущев без ведома Чжоу Эньлая предложил организовать встречу послов Китая и США для переговоров. Громыко 18 сентября в ООН призвал к переговорам. Между тем переговоры уже начались без ведома СССР 17 сентября. В тот же день «Жэньминь жибао» опубликовала отклики из Варшавы, Каира, Джакарты, но отклики из Москвы отсутствовали. Китайское правительство считало это внутренним вопросом и не хотело международного обсуждения. Оно

обратилось в ООН с требованием запретить обсуждение вопроса, считая необходимым не подчиниться резолюциям. Мы надеемся на успешные переговоры с США, но так как КНР не имеет законного места в ООН, то резолюции не будут иметь значения. Н.Хрущев тем не менее пытался придать тайваньской проблеме международное звучание. 27 сентября было опубликовано решение политбюро ЦК КПСС относительно разрешения напряженности на Дальнем Востоке. Предлагалось в течение 10 дней в Нью-Дели собрать конференцию 10 глав государств, включая Китай, СССР, США, для обсуждения тайваньского вопроса. Всем были посланы приглашения с просьбой о поддержке. Также рассчитывали на поддержку ООН. Антонов уведомил Чжоу Эньлая об этой новой инициативе СССР. Чжоу Эньлай изложил позицию Китая. Китай не против решения тайваньской проблемы, но против перенесения ее обсуждения в ООН. 28 сентября заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь отметил, что хотя СССР демонстрирует помощь, но не предпринимает конкретных действий. Сейчас еще рано говорить о совещании 10 глав правительств, поэтому не надо обсуждать повестку дня. 30 сентября Н. Хрущев послал третье письмо Эйзенхауэру по вопросу о совещании. Чжоу Эньлай, надеясь на прямые переговоры с США, сообщил, что с 6 октября на семь дней прекращены обстрелы. Китай считал, что Н. Хрущев не должен был обращаться с письмом, а самое лучшее потребовать от США отступить и отвести войска. Антонов возразил, что Н. Хрущев хочет избежать конфликта, на что Чжоу Эньлай указал, что сейчас угроза конфликта уменьшилась. Однако СССР не изменил своего мнения.

Прогнозы Чжоу Эньлая были обоснованы, считает Шэнь Чжихуа, так как Мао Цзэдун в это время уже отказался от идеи захвата островов. Но внезапно возникло новое противоречие. 24 сентября во время бомбардировки города Вэньчжоу гоминьдановцы применили удар пяти управляемых ракет «гремучая змея». Одна из ракет не разорвалась. Китайское правительство выразило решительный протест и даже выставило остатки неразорвавшейся ракеты на всеобщее обозрение в Пекине. Эта новость сразу вызвала большой интерес у представителей вооруженных сил СССР. Была выдвинута просьба о передаче этих обломков для исследования специалистам, но она была отвергнута. Н.Хрущев был очень рассержен и даже решил отказать китайской стороне в предоставлении чертежей и инструкции ракеты Р-12. Дело в том, что в это время у СССР были сложности с созданием ракет с использованием инфракрасного излучения, применявшегося в ракетах «гремучая змея». Позднее в своих мемуарах Н.Хрущев писал, что этот инцидент оскорбил наши чувства.

Последующие исследования кризиса в Тайваньском проливе показали, по словам Шэнь Чжихуа, что здесь в полной мере проявились китайско-советские противоречия. Во-первых, советская позиция была более решительна, чем китайская. Во-вторых, во время конкретных событий она была наступательной. В китайских действиях многое было «пущено на самотек». Являясь лидером мирового социалистического лагеря, СССР был вынужден заботиться о защите союза. К тому же он опирался на союзный договор с Китаем. Поэтому в условиях, когда позиция Мао Цзэдуна не удовлетворяла Н. Хрущева, он считал, что в условиях угрозы ядерной войны необходимо принимать сроч-

ные меры. Когда Китай нуждался в помощи, то СССР сразу приходил на помощь. Н. Хрущев, говоря, что надо контролировать Китай, имел в виду единый внешнеполитический курс в попытках разрешить кризис. Мао Цзэдун конечно не забывал о союзном договоре и об угрозе со стороны США всему соцлагерю. Но данный кризис в немалой степени способствовал ухудшению отношений между Китаем и СССР.

Кризис 1958 г. оставил большой след в душе Н. Хрущева, ведь он не знал, о чем думает Мао Цзэдун, и не знал, что он будет делать. Эта неопределенность сыграла свою роль в проблеме передачи ядерного оружия. Н. Хрущев решил не передавать ядерную бомбу Китаю.

4. Запрет Н.Хрущева на передачу атомного оружия Китаю

В то время как в Китае широко велись работы по созданию атомной бомбы, усиливались противоречия в советско-китайских отношениях, что в немалой степени отразилось на проблеме передачи атомной бомбы Китаю.

После действий Китая во время тайваньского кризиса Н. Хрущева обуревали двойственные чувства. До этого СССР дважды заявил, что в будущем передаст Китаю атомное оружие, но ответственность перед соцлагерем и логика подсказывали, что не следует оказывать Китаю помощь в ядерном вооружении. Кроме того, по воспоминаниям советника Архипова, отказ вызвал большое недовольство Китая, что также явилось важной причиной последующего раскола. На фоне решения СССР прекратить испытания ядерного оружия и призывов к Китаю поддержать это решение, китайское руководство отвергло просьбы Советского Союза, так как существовало соглашение о помощи в развитии в Китае атомной промышленности. Нужно сказать,

что СССР одновременно приостановил помощь в развитии атомной промышленности и соглашение о передаче бомбы. 24 апреля 1958 г. в письме к Чжоу Эньлаю Н.Хрущев писал, что ГКНТ уже наметил конкретный план передачи образцов и материалов для производства атомной бомбы. После тайваньских событий Н. Хрущев уже ощущал начало раскола и, посоветовавшись с министром среднего машиностроения Славским, решил передать образцы и материалы для производства ракеты Р-12, но в отношении атомной бомбы еще подумать. Он считал, чем позже Китай овладеет ядерными секретами, тем лучше.

Согласно замыслу Н.Хрущева, СССР оттягивал передачу образцов и чертежей бомбы. Сначала указывалось, что необходимо иметь специальное хранилище, ждать, когда хранилище будет построено. После того, как это было выполнено, было заявлено, что в ноябре образец и необходимые материалы будут доставлены, но соответствующий приказ не поступил. В советских газетах писали, что вагоны с печатями таможенной службы уже готовы и находятся под охраной, но приказа опять не было. Дело протянулось до середины 1959 г. Ждали только телефонного звонка. В конце концов, Н. Хрущев собрал совещание, на котором было решено не давать китайцам образец атомной бомбы.

20 июня 1959 г. ЦК КПСС направил на имя Чжоу Эньлая письмо, в котором сообщалось, что СССР и западные страны на Женевском совещании сейчас близки к тому, чтобы достичь успехов в деле полного запрещения ядерных испытаний. В это время китайская сторона просит предоставить ей образец атомной бомбы и сопутствующие

материалы. Если об этом узнает Запад, то это может существенно подорвать мирное сосуществование и укрепить агрессивные силы. Поэтому мы считаем, что сейчас усилия советских специалистов надо сконцентрировать на помощи в развитии атомной промышленности. Это заложит фундамент для создания атомного оружия в Китае. Китай при этом сможет производить расщепляющие материалы через два года. После этого можно просить предоставить технику и материалы для производства атомной бомбы. В конце письма указано, если мы на международной арене выступаем за запрещение атомного оружия, а при этом Китай и другие соцстраны будут проводить испытания, то это заставит Запад прекратить процесс подготовки соглашения о запрещении ядерных испытаний и обвинить СССР в срыве соглашения. В случае возникновения войны СССР сможет нанести ядерный удар и защитить соцстраны. Несмотря на словесные выкрутасы, смысл письма, считает Шэнь Чжихуа, был более чем ясен. Именно нельзя предоставлять образцы и материалы, а через два года посмотрим. Если будет достигнуто соглашение о запрете испытаний, то Китаю нет необходимости создавать бомбу. Это было явным нарушением соглашения 1954 г., что вызвало возмущение китайской стороны. С другой стороны, это способствовало мобилизации и решимости Китая создать свою бомбу. В Китае началось выполнение т.н. проекта 596. В июле 1959 г. в Лушани Чжоу Эньлай призвал в течение 8 лет создать бомбу, опираясь на собственные силы. Была создана т. н. «Вторая артиллерия», определены полигоны, намечены усилия всех отраслей промышленности. Управление «Второй артиллерии» выдвинуло лозунг «три года прорыва, пять лет овладения, через

восемь лет достижение цели».

Видя такие изменения в отношении военной помощи со стороны СССР, соответствующие китайские органы не прекратили усилий по выполнению других согласованных пунктов соглашения. 23 сентября 1959 г. Чжоу Эньлай в письме Н. Хрущеву потребовал, чтобы советское правительство в 1960 г. выделило 165 млн руб. на закупку образцов оборонной техники и материалы. 29 декабря 1959 г. Не Жунчжэнь и Чэнь И дали указание послу в СССР Лю Сяо, чтобы тот потребовал от правительства СССР в течение 1960 г. выполнить несколько пунктов, а именно, согласно решению от 15 октября 1957 г., передать два новых типа ракет и оборудования, прислать советских специалистов с целью оказания помощи в налаживании их производства, а также опытные образцы, детали, материалы и оборудование. 4 января 1960 г. Китай попросил у СССР помощи в создании программы Авиаракетной Академии, а также попросил прислать специалистов. 20 января 1960 г. Не Жунчжэнь просил прислать 8 специалистов ракетчиков. 28 марта – еще 9 специалистов, в том числе по ракетному топливу.

В этот период реакция СССР на эти просьбы становилась все более прохладной, особенно после визита Н.Хрущева в октябре 1959 г. Возрастала напряженность в отношениях. Курс явно менялся. Согласно докладу посольства Китая, после отказа передать атомную бомбу, началась ясно выраженная политика отказов от других соглашений в военной области. Самым существенным было уменьшение числа специалистов, особенно в наиболее необходимых для Китая отраслях. На просьбу прислать 38 специалистов СССР согласился послать лишь 26, в том числе в ядерной области – трех (специалиста в

области топлива, теоретика, физика-электронщика), пятерых ракетчиков. Но и этих 26 специалистов не послали. 2 марта советское министерство обороны уведомило, что СССР испытывает нехватку собственных специалистов и отказались присылать в том числе ответственного руководителя, специалистов по вычислительной технике, аэродинамике, Харбинскому военно-инженерному институту – специалистов по ядерному реактору, Институту №5 – специалистов по контрольно-измерительной аппаратуре, вычислительной технике и молекулярной физике. В июне было отказано в присылке специалистов в области наземных установок и пультов запуска ракет. Разрешалась присылка специалистов только в области организации и управления.

К тому же в отношении специалистов, работающих в Китае, усилились режимные требования, запреты на передачу новой техники и научных материалов. 21 декабря 1959 г. в документах китайской стороны указывалось на постоянное усиление режима секретности. Многим специалистам, связанным с секретными разработками, отказывали в командировках в Китай. По указанию Н. Хрущева, 8 января 1960 г. политбюро ЦК КПСС обсудило эту проблему. По мнению Андропова, некоторые специалисты при работе за границей нарушают правила о сохранении секретных сведений. Было принято соответствующее постановление об охране государственных секретов учеными и техническими работниками за рубежом. В постановлении говорилось об ужесточении мер при передаче материалов, указанных в постановлении. В связи с переменами Не Жунчжэнь в своем докладе отмечал, что во второй половине 1958 г. подход советских специалистов по сравнению с предыдущим периодом еще остается приемлемым. Со-

глашения еще соблюдаются. Организации и персонал работают с энтузиазмом, желают нам помочь, но «небо заволакивают тучи, гроза приближается». Уже есть потери, некоторые важные вопросы не решаются, на наши запросы нет ответа, не находят поддержки наши новые предложения. Подход советской стороны был следующий. Обычные производственные технические материалы можно передавать, а исследовательские проекты и теоретические исследования – нельзя. Специалистов в управлении легко пригласить, в проектировании – труднее, исследователей – нельзя. В июне 1960 г. советские специалисты, работавшие в Институте ядерной физики, внезапно вернулись на родину, пришлось прекратить важные работы по реакции фтористого водорода. 6 июля работавшие в Пекинском реакторном институте 8 специалистов (в том числе 6 главных инженеров) получили приказ возвратиться. 8 июля пять специалистов внезапно покинули Урановый центр в Ланьчжоу и увезли чертежи и схемы.

Отзыв специалистов в нарушение соглашения создал для китайской атомной отрасли, и в том числе для создания атомной бомбы, громадные трудности и потери по срокам. Согласно соглашению, советская сторона должна была оказать помощь в ядерной программе по 30 темам. К сентябрю 1960 г. полностью работа была завершена по 7 темам, существенно продвинулась работа по 16 темам, хотя еще далеко не была завершена. Прочие были в таком состоянии, что китайская сторона не могла продолжать работу. Поставки оборудования были только по 13 темам. В целом из-за отъезда специалистов, прекращения исследований и строительства, остановки поставок материалов работа по 9 темам была остановлена. Вообще говоря, помощь все-

таки сыграла большую роль, невозможно отрицать ее роль. Прекращение помощи в 1960 г. не могло уже полностью остановить работы. Конечно, дальнейшее развитие ядерной науки и техники не могло двигаться высокими темпами. Но была решимость двигаться вперед с опорой на собственные силы, концентрация экономики, стремление ученых. Мао Цзэдун говорил по этому поводу следующее. Надо уяснить, что отказ Н. Хрущева предоставить современную технику, это очень хорошо. Если бы он дал, то нам пришлось бы возвращать долг сполна.

ГЛАВА 9. ТЕОРИЯ И ПОЛИТИКА КОМПАРТИЙ КИТАЯ И СССР.

ТРУДНОЗАЛЕЧИВАЕМЫЕ РАНЫ (С. 252–278)

Осенью 1959 г. между Китаем и Индией вспыхнул пограничный вооруженный конфликт. Этот инцидент потом на долгое время привлек внимание мировой общественности. Спустя много лет, после того, как были рассекречены документы, стало ясно, что этот конфликт повлиял на состояние китайско-советских отношений в контексте истории периода «холодной войны». Исследователи, как правило, считают, что этот инцидент не только стал поворотным пунктом в изменении китайско-индийских отношений, но и начальной точкой открытого противостояния Китая и СССР. Анализируя этот период, пишет дальше Шэнь Чжихуа, исследователи обращают главное внимание на то, что бомбардировка островов Цзиньмэньдао в 1958 г. отразила возникновение различий в политике двух стран. Китайский «большой скачок» и народные коммуны свидетельствовали о разных подходах СССР и Китая к строительству социализма. В результате СССР холодно оценил методы Мао Цзэдуна по переходу к коммунизму. Разные точки зрения вызвали «большую грозу» и привели к открытой полемике. Это во многом объясняет поведение Н. Хрущева в момент тайваньского кризиса и по вопросу передачи атомных секретов. Именно эти два события, по мнению Шэнь Чжихуа, в конце концов, способствовали началу расхождений, а не возникший спустя месяц китайско-индийский конфликт, который не до такой степени отражался на состоянии китайско-советских отношений. В дальнейшем расхождения в теории и политике начали резко углубляться.

1. Китайско-индийский конфликт и политика нейтралитета

СССР

После окончания Корейской войны китайско-индийские отношения получили быстрое развитие. После визита Чжоу Эньлая в Индию в 1954 г. была подписана серия соглашений и выдвинуты пять принципов мирного сосуществования. После 1955 г. СССР и Индия установили дружеские отношения. В период холодной войны Индия, находясь между двух лагерей, склонялась более к социалистическому лагерю.

Однако в 1959 г. события в Тибете привели к обострению китайско-индийских отношений. Осенью 1958 г. в провинции Сычуань в районе Кам (кит. Канба) возник бунт крестьян против проводимых реформ. Бунтари и беженцы перешли на территорию Тибета, здесь возникли крупномасштабные беспорядки. Восставшие перекрыли дороги при активной поддержке остатков чанкайшистской армии в приграничных районах Бирмы. Был провозглашен лозунг создания независимого Тибета. Местное правительство и элита не только не боролись с кризисом, но и действовали заодно с восставшими. 10 марта 1959 г. в Лхасе произошло вооруженное восстание. Были окружены штаб военного округа и правительственные учреждения. 17 марта Далай-лама покинул Лхасу. 19 марта ночью восставшие атаковали части НОАК в Лхасе. 20 марта к 10 утра в результате боев правительственные войска переломили ситуацию и полностью освободили Лхасу. 23 марта образовали военный комитет. 28 марта Чжоу Эньлай объявил о полной победе. В последующие две недели полностью очистили Тибет и Гималайский район от мятежников. К ноябрю в Тибете обстановка стала в основном стабильной.

После того, как Далай-лама покинул Тибет и прибыл в Индию, индийское правительство выступило против Китая. 30 марта Неру заявил о сочувствии тибетскому народу, при этом отрицал роль Далай-ламы в организации мятежа. 31 марта Неру принял делегацию представителей мятежников. 3 апреля он сообщил посольству Китая, что Далай-лама пересек границу Индии и попросил у правительства политического убежища. Индийское правительство выразило согласие. Неру в парламенте заверил всех, что Далай-лама встретит дружеское содействие и прием. 5 апреля Неру выступил перед корреспондентами, сказав, что приезд Далай-ламы является его собственным выбором, а индийское правительство не имеет к этому никакого отношения. Он также заявил, что Индия озабочена проблемой автономии Тибета и возможностью тибетцев осуществлять свою автономию. 9 апреля он провозгласил три принципа решения тибетского вопроса, а именно, гарантирование охраны границ Индии, безопасности, поддержания дружеских связей с Китаем, гарантии автономии Тибета. 13 апреля в своем выступлении Неру сказал, что если не будут уважаться права Тибета на автономию и если не будут обеспечены гарантии безопасности Индии, то может вспыхнуть вооруженный конфликт. 18 апреля, когда Далай-лама прибыл в отведенную ему резиденцию, было опубликовано написанное на английском языке т.н. заявление Далай-ламы. В заявлении говорилось о требовании независимости, которое является сокровенным желанием народа Тибета. Китайское правительство своим суверенитетом угнетает народ. Так называемое Соглашение о 17 пунктах 1951 г. было заключено под давлением Китая. Еще в заявлении говорилось, что решение покинуть Лхасу и пе-

реехать в Индию является его собственным решением, а не навязанным извне. 24 апреля Неру принял Далай-ламу и имел с ним продолжительную беседу.

В это время Мао Цзэдун решил нанести ответный удар. 8 апреля в Ханчжоу он приказал начать пропагандистскую кампанию против тибетских мятежников и позиции Индии. От «Жэньминь жибао» требовалась публикация редакционной статьи с подробным анализом истоков инцидента. Мао Цзэдун утверждал, что в Индии и на Западе началась мощная пропагандистская кампания в поддержку мятежников, поэтому мы должны нанести ответный удар. С 3 по 17 апреля Неру несколько раз выступил в парламенте. Мы смотрели, куда и как далеко он пойдет, что он за человек. Сейчас стало ясно, можно ответить. В статье в «Жэньминь жибао» отмечалось, что мы видим, как Неру изменился. При всем уважении к нему, мы не боимся испортить с ним отношения. Необходимо довести борьбу до конца, при этом наша цель это не борьба с Индией. В борьбе мы обретем единство. Что касается Неру, то надо анализировать шаг за шагом, хорошее надо выделять, только лишь критиковать не следует, не нужно категорически утверждать, надо с уважением относиться, не надо обострять. Даже Далай-лама не преступник. Надо настраивать его на возвращение в Китай, где он мог бы стать заместителем председателя ВСНП.

Твердый подход китайского руководства, как отмечает Шэнь Чжихуа, не только вызвал панику в Индии, но и заставил заволноваться Советский Союз. До конца 1958 г. отдел Южной Азии МИД СССР обычно сообщал, что Индия занимает центральное место в политике Китая. Хотя между Индией и Китаем существуют расхождения, но

они не являются препятствием для сотрудничества двух стран. С появлением проблемы Тибета, с одной стороны, СССР открыто поддерживал Китай, с другой стороны, выражал опасение. Надеялся, зная позицию Китая, не допустить критики в адрес Далай-ламы, чтобы избежать еще худших последствий. По мнению СССР, китайские друзья пытались скрыть фактические события в Тибете. Главными были вопросы автономии Тибета и позиция Индии.

31 марта Андропов в докладе ЦК говорил, что в целом позиции СССР и Китая едины. Но когда начался китайско-индийский конфликт, в советском подходе начались перемены. Хотя в тибетском вопросе СССР продолжал поддерживать Китай, но постепенно в российско-китайских отношениях начались неясности. Если говорить о причинах, то это объяснялось происками внешних врагов. ЦК постановил поддерживать справедливое дело Китая, но при этом нельзя допустить ухудшения отношений с Неру, чтобы Индия не переметнулась в империалистический лагерь. Было принято решение предоставить заем в 150 млн руб., построить несколько важных объектов, усилить дипломатические связи. По сообщению посольства КНР в Москве, 4 мая Громыко при встрече с китайским министром Чжан Вэньтянем сказал, что сейчас Неру занимает в целом правильную позицию по тибетскому вопросу. Правительство Китая не должно обострять китайско-индийские отношения, ухудшение отношений невыгодно Китаю и всему социалистическому лагерю. 6 мая индийское посольство в Москве высказало опасение, что потеря автономии Тибета может привести к ликвидации своеобразного буфера безопасности для Индии. Китай не реагирует на предложения Индии по пограничному

вопросу. Ликвидация торговых связей Индии с Тибетом наносит опредeленный ущерб экономике Индии. Неру высказал пожелание посетить Тибет, после долгих проволочек ему было отказано. Индия надеется, что СССР поможет организовать китайско-индийский саммит для улучшения отношений между двумя странами. 8 мая посол Юдин на встрече с Чэнь И сообщил, что Неру испытывает трудности, подвергаясь давлению внешних и внутренних враждебных сил, колеблется, не может найти выхода. Ухудшение китайско-индийских отношений выгодно для империализма, прежде всего американского. Чэнь И высказал позицию Китая, при которой главное – это борьба с Неру, борьба с Далай-ламой, борьба с индийским империализмом и экспансионизмом. Антикитайский настрой Неру очевиден.

До конца июня советское посольство в Китае пыталось убедить китайскую сторону, что индийское правительство старается избежать конфликта, думает об улучшении китайско-индийских отношений. В Москве считали, что в целом тибетская проблема уже отходит на второй план. Но оказалось, что тибетский кризис принес новую головную боль индийскому правительству. Возник китайско-индийский пограничный конфликт.

Китай и Индия имеют общую границу протяженностью более 1700 км. После получения Индией независимости англичанами была проведена т.н. пограничная линия Макмагона, которая признавалась цинской династией и гоминьданом. Но КНР эту границу не признавала и готовилась начать переговоры с Индией по этому вопросу. Так как это слабо населенный район без путей сообщения, то прохождение границы практически не вызывало трений. С точки зрения Китая,

это был неохраняемый район. Так во время мятежа в Тибете его контролировали бандитские группы мятежников. 14 декабря 1958 г. Неру выступил с предложением начать переговоры по пограничному вопросу. 23 января 1959 г. Чжоу Эньлай сообщил о согласии. 23 марта Неру предложил, чтобы Китай признал линию Макмагона как уже устоявшуюся.

На так называемом гималайском совещании с участием китайского правительства, Тибета и Индии это решение было принято. С тех пор это стало предметом обсуждения в КНР. До 1959 г. была проделана большая работа соответствующими органами по подготовке и обустройству всех границ страны. Необходимо было представить соответствующий проект демаркации границы для утверждения. Китайско-индийская граница отличалась особыми условиями сложности. Оказалось очень трудным в короткие сроки подготовить проект. Сначала надо было провести тщательную работу в нескольких спорных участках границы. Не дождавшись ответа китайской стороны, в апреле индийские войска начали продвижение на север и тем самым создали конфликт. 5 мая Чжоу Эньлай направил телеграмму Мао Цзэду из Куньмина, в которой указывалось, что пограничные войска Тибетского и Южно-Синьцзяньского военных округов, используя погодные условия и рельеф, сдерживают нарушителей границы, предлагают им отступить, чтобы избежать конфликта. На второй день Мао Цзэдун ответил, так и поступайте. 9 августа индийские войска нарушили границу и заняли маленькую деревню в округе Ланьцзю. Произошла стычка. Потеряв двух солдат, индийские солдаты отступили к югу, возник так называемый инцидент Ланьцзю. После этого инци-

дента в Индии началась мощная антикитайская кампания в политических и дипломатических кругах. В индийском парламенте осудили китайскую агрессию. Писали о том, что Китай не соблюдает линию Макмагона не только в Индии, но и на границе с Бирмой. 31 августа индийский самолет произвел бомбардировку шоссе в районе Ладакха во время ремонтных работ, проводимых китайскими рабочими. Индийские газеты писали о необходимости обеспечения бутанской и сиккимской границ. Многие газеты обвиняли Китай в нагнетании международной напряженности и начале холодной войны. Запад обвинял Китай в агрессии против Индии, под угрозой оказывалась безопасность Непала, Бутана и Бирмы. Выдвигались требования перенесения вопроса для обсуждения в ООН. В разгар антикитайской кампании 8 сентября КПК на совещании в ЦК обсудила вопрос о китайско-индийских отношениях. В резолюции говорилось, что китайско-индийская граница никогда не была демаркирована. На это раз конфликт вызван тем, что Индия нарушила территориальную целостность Китая. Китай решил воздержаться от дальнейших действий, готовясь к переговорам. На следующий день МИД КНР ознакомил послов соцстран с ситуацией и позицией Китая. 11 сентября Чжоу Эньлай на заседании постоянного комитета ВСНП в своем докладе изложил подход китайской стороны. Индия пытается, используя конфликт, развернуть антикитайскую кампанию и оказать давление на правительство Китая, заставить принять позицию Индии в пограничном вопросе. Этому они никогда не добьются, но КНР, в свою очередь, хочет решить конфликт путем мирных переговоров. К антикитайским выпадам Запада и Индии Мао Цзэдун был готов, он не сидел,

сложна руки. Но он был очень недоволен тем, что Москва заняла нейтральную позицию и даже осуждала Китай. 29 августа временный поверенный Китая в Индии обрисовал послу СССР в Индии подлинную ситуацию. Китайское правительство объявило, что хочет опубликовать материалы и документы, связанные с конфликтом. 8 сентября ЦК КПСС направил письмо в адрес ЦК КПК, в котором говорилось, что конфликт подрывает отношения между Индией и соцстранами, принуждает Индию изменить свою внешнюю политику, а также создает сложности в отношениях СССР и США. 9 сентября Андропов в письме к Чэнь И указывал, что определенные круги хотят поссорить Индию и Китай, исказить смысл мирного сосуществования, сорвать разрядку международной напряженности, в конечном счете, сорвать обмен визитами Н. Хрущева и Эйзенхауэра.

Было подготовлено заявление ТАСС, где подчеркивались не только братская дружба между СССР и Китаем, но и дружба и сотрудничество с Индией. В связи с китайско-индийским конфликтом выражалось сожаление и надежда на решение возникших проблем. В ответном письме Чэнь И выразил надежду, что советское руководство смягчит оценку конфликта и что конфликт не окажет влияния на встречу Н. Хрущева и Эйзенхауэра. В этот день в 6 час. 20 мин. (в Москве в 1 час 20 мин.) китайское радио сообщило о письме Чжоу Эньлая к Неру. Чэнь И заявил, что в такой ситуации СССР не станет опубликовывать заявление ТАСС. Несмотря на это, заявление ТАСС от 10 сентября прозвучало. С 10 по 12 числа в Китае были опубликованы индийские, западные антикитайские материалы, а также заявление ТАСС. В то же время СССР продолжал политику умиротворения.

С 12 по 13 сентября все советские газеты публиковали материалы по конфликту с призывами к решению проблемы мирным путем. Одновременно 12 сентября Н. Хрущев встретился с послом Индии в Москве и сообщил о предоставлении Индии займа на 150 млн руб. С точки зрения посольства Китая в Москве, это было нечестным поступком. Китай и СССР были друзьями, братьями, но по отношению к Индии СССР подчеркивал свой особый примиренческий подход. Из-за готовящейся встречи с руководителями США СССР стремился избежать осложнений. Чэнь И заявлял, что политика СССР выгодна Индии, США, Англии, но не Китаю. СССР преследовал главным образом свои стратегические цели, поэтому у него не было причин для беспокойности из-за конфликта.

Американское правительство активно встало на сторону Индии. Эйзенхауэр решил стать гарантом безопасности страны и предложить свою помощь. Внутренняя ситуация в Индии оставалась нестабильной. Неру подвергался разного рода нападкам и вынужден был делать уступки реакционным силам. Кроме того, генеральный секретарь индийской компартии Гхош утверждал, что разногласия между Индией и Китаем серьезно осложнили деятельность коммунистов в стране. Коммунистов стали называть пятой колонной, народ отказывал им в доверии. Советская сторона считала, что в случае падения Неру коммунисты не могли рассчитывать на победу. В таком случае к власти могла прийти проимпериалистическая, прозападная группировка, что было бы крайне невыгодно для социалгегемона. Хотя Москва занимала нейтральную позицию, Н. Хрущев склонялся более на сторону социалистического Китая, а пресловутое заявление ТАСС было вызвано в

основном эмоциональным фактором. Даже во время конфликта СССР снабжал китайскую сторону информацией. Отдел Юго-Восточной Азии МИД докладывал, что конфликт в конечном итоге инициировали индийцы, а китайские друзья были недостаточно активными. Объективно говоря, во время конфликтов союзные государства часто занимают нейтральную позицию. Это обычное дело, например, во время Корейской войны СССР проявлял себя в качестве миротворца. В то время Мао Цзэдун не отваживался критиковать И.Сталина. Во время китайско-индийского конфликта главным было не обвинение СССР в нейтральной позиции и не в заявлении ТАСС. Основное противоречие крылось в отношении к политике, курсу Дж. Неру. Что касается Неру, то руководители СССР считали, что Неру наш друг. Руководители Китая занимали принципиально противоположную позицию, видели в нем представителя правой группировки капиталистических элементов. По отношению к Неру политика Китая включала борьбу, критику, объединение, снова борьбу. С точки зрения китайцев, Москва неправильно оценивала роль Индии, потакала ей. Китайское правительство считало, что тибетский вопрос, в сущности, есть этап классовой войны. Однако вместо критики Неру за ошибочную позицию СССР избрал легкий непринципиальный подход. Во время китайско-индийского конфликта СССР не поддержал социалистический Китай, а открыто поддержал капиталистическую Индию. По оценке МИД КНР, в этой беспринципной позиции СССР перешел все границы. Это был большой провал политики СССР, ему просто нечего было предъявить.

Важной причиной раскола было также, по мнению Шэнь Чжихуа,

то, что СССР считал, что с усилением социалистического лагеря западные господствующие классы будут склоняться к более реалистичной политике. В данной новой ситуации обмен визитами руководителей СССР и США становился самым важным событием в международной жизни. Если советско-американские отношения пойдут по мирным рельсам, то это окажет громадное воздействие на международные отношения. Мир во всем мире тоже станет более прочным. Москва сообщала Пекину информацию о подготовке визита Н.Хрущева, причем Китай одобрял проекты документов. Однако в СССР люди ясно видели, что китайские подходы меняются. Например, 5 августа «Жэньминь жибао» в статье выражала одобрение по поводу визита Н.Хрущева в США, но одновременно указывала, что США не предпринимают практических шагов. Москва не может не замечать этого. 17 сентября «Жэньминь жибао» на 5 странице опубликовала статью «Новая победа советской внешней политики» о встрече в Вашингтоне. На 6 странице было помещено сообщение об открытии сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой США в духе холодной войны отвергли предложение СССР о совещании в Женеве. Это не соответствовало договоренностям, достигнутым во время визита Н.Хрущева. Согласно внутренним материалам ЦК КПК, именно перед визитом в США Н.Хрущев остановил помощь в ядерных делах Китаю и сделал заявление о нейтралитете в китайско-индийском конфликте во имя подчинения требованиям США. Визит в США это проявление неуважения к Китаю.

Но это все мало поколебало политику Москвы, которая действовала в духе смягчения международной напряженности. Открыто вы-

ражая поддержку СССР, Мао Цзэдун в действительности осуждал в душе визит Н. Хрущева в США. Но не мог ничего поделать.

Н. Хрущев после визита в США сразу прилетел в Пекин и участвовал в торжествах по случаю 10-летней годовщины образования КНР. Как только он приземлился в Пекине, с самого этого момента он не мог не почувствовать больших перемен.

2. Жесткая полемика между руководителями Китая и СССР

Мао Цзэдун давно уже был недоволен Н. Хрущевым, но не высказывал это открыто. Перед визитом Н. Хрущева в США и в связи с китайско-индийским конфликтом обнажились старые болячки. Но пока Мао Цзэдун не смел сердиться. Еще 11 сентября на военном совете он подчеркивал, что главное – это единство Китая и СССР в борьбе против империализма. Но после визита Н. Хрущева в США обстановка изменилась. Мао Цзэдуну не нравилась манера Н. Хрущева во всем поддакивать американцам. Он считал, что коммунист не должен терять лицо перед мировым империализмом. К тому же полностью исключалось влияние Китая на мировой арене.

Поездка Н. Хрущева была благоприятной во всех отношениях. Что касается результатов, то он был полностью удовлетворен. 18 сентября, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Н. Хрущев заявил, что произошли исторические перемены в международной обстановке, а именно переход человечества от холодной войны к миру. Газета «Правда» писала о важности визита Н. Хрущева. Секретарь ЦК КПСС Шепилов отмечал, что Н. Хрущев был уверен, что все препятствия в налаживании советско-американских отношений уже преодолены. Н. Хрущев с победой вернулся в Москву и в таком же победном

настроении прилетел в Пекин. Но здесь его ожидал другой сценарий.

30 сентября в час прилета Н. Хрущева на аэродроме не было привычных толп встречающих с возгласами «советский старший брат» и не звучала песня «Москва-Пекин». Все видели как Мао Цзэдун, Лю Шаоци и члены правительства продемонстрировали вежливую, но без энтузиазма встречу, которая заметно отличалась от встречи в США. Так как не было заранее предусмотренной церемонии встречи, то китайские руководители не подготовили приветственных слов. Но Н. Хрущев пожелал выступить с речью на аэродроме, как это бывало раньше. Так как в спешке ничего не было подготовлено, то Н. Хрущев начал выступать без микрофона. Ему пришлось буквально кричать в течение 15 минут. При этом Мао Цзэдун стоял не рядом, а вдалеке. Секретарь Н. Хрущева предположил, что Мао Цзэдун так поступил намеренно. Содержание его речи всем не было слышно. Он сказал, что его поездка в США и переговоры были успешными. Нет сомнений, что они привели не только к смягчению отношений между двумя странами, но и к разрядке международной напряженности в целом.

Вечером был устроен большой прием. Китайская сторона представила слово Н.Хрущеву, который говорил больше часа. Теперь его речь была слышна всем, и стало понятным ее содержание. Чжоу Эньлай в этот момент беседовал с Мао Цзэдуном, который нарочно демонстрировал неуважение. Н.Хрущев сказал, поддержать мир – главная задача. Сейчас вопрос стоит так или мирное сосуществование стран с различными системами, или война с ее тяжелыми последствиями. Мы реалисты, но это не значит, что если мы сильные, то должны пойти вооруженным путем, пытаться испытать капитализм

на прочность. Это неправильный путь, люди нас не поддержат. Слыша эти слова, Мао Цзэдун не мог не возмущаться.

На следующий день 1 октября утром Н.Хрущев приехал в Чжуннаньхай с визитом к Мао Цзэдуну. Во время беседы Н.Хрущев сказал, что СССР, обладая ядерным оружием, готов защитить союзника как самого себя. Мао Цзэдун ответил, что Китай является суверенным государством и ему необходимо иметь собственное ядерное оружие. Если возникнет война, Китай должен себя защищать. Н.Хрущев напомнил, что этот вопрос решен в письме от 20 июня. Поэтому Мао Цзэдун лишь сказал, помогай, не помогай, все равно. Поможете – хорошо, не поможете – тоже хорошо, это не имеет значения. Мао Цзэдун далее высказался по поводу культа личности И.Сталина. Конечно, это внутреннее дело СССР, но И.Сталин был вождем мирового коммунистического движения, а Китай его часть, но вопрос был решен односторонне. Правильнее было бы решать вместе. Н.Хрущев сразу возмутился и возразил, что культ личности И.Сталина – это национальное явление, порождение нашей страны, только мы можем давать оценку этому явлению. Мао Цзэдун, в свою очередь, сказал, что это опрометчивое, субъективное решение. На этом разговор был закончен. Это состояние дисгармонии превратилось в бурю на третий день.

2 октября Н.Хрущев в сопровождении М.Суслова и Громыко приехал в Чжуннаньхай и начал прямые переговоры с Мао Цзэдуну в раздраженном состоянии. Н.Хрущев выдвинул темы, особенно неприятные для Мао Цзэдуна. Касаясь итогов переговоров с Эйзенхауэром, Н.Хрущев привел высказывание американского президента, что тайваньский вопрос не может исчезнуть навсегда, но можно прибли-

зять его решение. Во всяком случае, мы не хотим ради Тайваня начать войну. Мао Цзэдун сразу возразил, что тайваньский вопрос – это внутреннее дело Китая. Мы обязательно освободим Тайвань. Способы освобождения могут быть разные, как мирные, так и военные. Всю ответственность за конфликт Мао Цзэдун возложил на США, так как они пытаются сорвать переговоры. Н.Хрущев возразил, американцы считают, что переговоры не могут быть результативными, китайцы даже не хотят освободить пятерых американцев, захваченных и удерживаемых в плену, что глубоко унижает народ США. Лучше вы бы освободили их. Мао Цзэдун с гневным видом ответил, что конечно можно освободить, но не сейчас, надо подходящее время для этого. Н.Хрущев радостно заметил, это ваше дело, мы не настаиваем, но в международном плане это произвело бы большое впечатление. Мао Цзэдун, иронично причмокивая, произнес, конечно, это очень нарушит покой американцев. Н.Хрущев подхватил, тайваньский вопрос не только американцам доставил головную боль, но и для нас создал трудности. Я не хочу из-за Тайваня быть втянутым в войну. Но в открытой печати мы поддерживаем Китай. Американцы хотели защитить Тайвань, это привело к обострению. Мао Цзэдун на повышенных тонах воскликнул, ну что же нам делать. Неужели делать так, как нам подсказывают американцы. Объявить, что мы не применим вооруженную силу, превратить это в международный вопрос. Н.Хрущев не останавливался. Мы насчет Тайваня не имеем никакого мнения, но мы считаем, что вы должны избрать мирный путь. Во время конфликта вы не слушались советов, возникли вопросы выполнения союзнического долга. И нельзя было понять политику Китая в отношении

бомбардировок островов.

После безрезультатных переговоров был объявлен перерыв. Возобновив спор, Н.Хрущев быстро перешел к обсуждению китайско-индийского конфликта. Тибетский инцидент – это ваша ошибка. Мао ответил, Неру тоже говорит, что это наша ошибка, особенно после вашего заявления ТАСС. Н.Хрущев взорвался, неужели вы хотите, чтобы мы поддержали этот конфликт. Это был бы глупый поступок с нашей стороны! Заявление ТАСС было необходимо. Н.Хрущев продолжал критиковать Китай. Отъезд Далай-ламы – это ошибка, вы для Неру создали определенные затруднения. Какие бы Мао Цзэдун ни приводил доводы, Н.Хрущев настаивал на своем, тибетский инцидент – это ошибка КПК, а не ошибка Неру. Мао Цзэдун возразил, неправильно, это ошибка Неру. Н.Хрущев заметил, что во время конфликта в результате стрельбы погибли люди. Мао Цзэдун ответил, что Индия первая нарушила границу и начала стрелять. Чжоу Эньлай вмешался, вы верите, чьим свидетельствам, нашим или индийским? Н.Хрущев повернул голову к министру иностранных дел Чэнь И сказал, что тот не должен уваливать, а говорить правду. Министр ответил, вы должны правильно понять нашу политику, наш курс более ясен и четок. В беседу вмешались Чжоу Эньлай, Линь Бяо и Пэн Чжэнь. Н. Хрущев сердито заметил, вас здесь девять человек, нас трое. Вы все повторяетесь, говорите одно и то же. Я думаю, в этом не будет проку. Я только излагаю нашу позицию, принимать или нет, это ваше дело. В это время Мао Цзэдун выходил из зала. Н. Хрущев продолжал говорить. Затем Чжоу Эньлай начал критиковать заявление ТАСС. М.Суслов, пытаясь разрядить обстановку, сказал, что сейчас, когда ситуация уже

разрядилась, мы можем не обсуждать этот вопрос. Мао Цзэдун сердито заметил, температура понизилась, неужели из-за вашего заявления ТАСС. М.Суслов ответил, что и благодаря решениям правительства Китая тоже. Н. Хрущев снова стал затрагивать индийский конфликт, атмосфера на совещании снова сгустилась. Чжоу Эньлай, Чэнь И, Пэн Чжэнь, Ван Цзясян, Линь Бяо поочередно выступали, осуждая заявление ТАСС. Н. Хрущев и М.Суслов всячески защищались. Совещание закончилось ничем.

Затем Мао Цзэдун затронул вопросы советско-китайских отношений. Он сказал, что вы к нам выдвигаете две претензии, индийско-китайский конфликт и ошибку с Далай-ламой. Мы имеем к вам одну главную претензию, а именно ваш оппортунизм. Ответьте нам. Н. Хрущев ответил, что не принимает это. Мы идем по коммунистическому пути. Здесь выступили Линь Бяо и Чжоу Эньлай. Н. Хрущев терпеливо слушал, но затем его терпение лопнуло. Он в сердцах сказал: «Почему вы нас критикуете? Старшего брата не должно критиковать». Вы в июле 1958 г. резко критиковали посла Юдина, мы приняли эту критику. Во время венгерских событий Чжоу Эньлай приезжал в Москву и давал нам уроки. Вы можете критиковать нас, мы не можем критиковать вас. Говорят ведь соцлагерь во главе с СССР. Практически нет никакого уважения к советской точке зрения, а еще возникает полемика. Мао Цзэдун примирительно сказал, что Тибет и граница – это временные явления, мы лучше прекратим обсуждать эти вопросы. Мы что ли хотим испортить наши отношения? В главном мы едины, это не является препятствием для нашей дружбы. Н.Хрущев сказал, мы всегда в прошлом и сейчас придерживаемся

своей точки зрения. Он, обращаясь к министру иностранных дел, сказал, товарищ Чэнь И, вы считаете, что мы оппортунисты, не надо лезть с рукопожатиями. Я вам не могу пожать руку. Чэнь И в ответ: Я тоже не подам вам руки. Я скажу, я не боюсь вашего гнева. Н.Хрущев. Если ты маршал, то можешь плевать? У тебя столько слюны не хватит. Мы не можем иметь дело с харкающим человеком. В это время Мао Цзэдун, Ван Цзясян, М.Суслов каждый старались смягчить ситуацию. Чжоу Эньлай продолжал излагать соображения по подготовке переговоров с Индией в сложившейся сложной ситуации. Обстановка несколько смягчилась. После этого Мао Цзэдун изложил соображения по вопросу о Лаосе. Стороны достигли единой позиции. Переговоры завершились.

Вернувшись в свои апартаменты, Н. Хрущев вызвал во двор всю сопровождавшую его делегацию и начал гневно, самыми последними словами критиковать позицию китайского руководства. Он говорил, я в Америке потратил столько сил, чтобы выиграть споры. Но ни разу не слышал таких слов, какие услышал сегодня.

На следующий день Н.Хрущев в еще более грубой форме заявил китайской стороне, что у него в стране много срочных дел, поэтому необходимо сократить план пребывания и раньше срока вернуться на родину. 4 октября, как и при встрече, Мао Цзэдун молча проводил его в аэропорту. Но Н.Хрущев, однако, сделал остановки во Владивостоке и Новосибирске, где выступил с критикой китайского руководства. Вел себя воинственно, как драчливый петух.

Таким образом, на этот раз китайско-советские переговоры, прошедшие в обстановке взаимной перебранки, не решили никаких во-

просов. Стороны не нашли взаимопонимания. Переговоры прошли в обстановке взаимных упреков, оскорблений, невиданных в истории братских социалистических государств. Даже в переговорах руководителей двух лагерей никогда дело не доходило до такого состояния. Стало ясно, что отношения между двумя коммунистическими партиями дошли до самого низкого уровня. На небе оказалось два солнца. После ноябрьского совещания 1957 г. в Москве произошло возвышение роли КПК, которая превзошла советское влияние. Этого Н.Хрущев не мог понять. За истекшие два года уже к XXI съезду КПСС начался культ личности самого Н.Хрущева. В США его ожидал теплый прием. Он достиг определенных успехов. Н. Хрущев почувствовал себя царьком с непререкаемым авторитетом. Поэтому он поехал в Китай с целью приструнить китайцев.

Произошел раскол, при котором каждый считал себя правым, никто не хотел делать встречных шагов. С 1958 г. в отношениях Москвы и Пекина возникли противоречия, главными из них были Тайвань, индийско-китайский конфликт, другими явились передача ядерного оружия, советско-американская встреча, «большой скачок», народные коммуны. Этот раскол привел к тому, что обе партии заняли абсолютно разные позиции по главным вопросам внешней и внутренней политики. Даже второстепенные вопросы не решались из-за открытого соперничества. Не только по форме, но и по существу стороны не хотели достичь решения. Степень конфликтности достигла такого уровня, что болезнь стала неизлечимой.

3. Острые противоречия в международной стратегии Китая и СССР

Хотя на этот раз переговоры закончились без успеха, но сохранилось понимание обеих сторон, что китайско-советские отношения не должны быть полностью разрушены, несмотря на споры. После провозов Н.Хрущева Мао Цзэдун созвал заседание политбюро, на котором выступил Чжоу Эньлай. Он сказал, что между КПСС и КПК существуют противоречия в оценке отношений с США, индийско-китайского конфликта, а также в оценке китайско-советских отношений в целом. Но эти противоречия носят временный характер. Мы должны проявлять терпение, надо подождать, когда будут даны объективные исторические оценки. В решении говорилось, что сейчас главным является достижение единства. Не надо борьбы, надо следить за процессом, особо необходимо следить за проявлениями, вспышками ревизионизма. 14 апреля Мао Цзэдун встретился с советником Антоновым и выразил в целом одобрение визита Н.Хрущева в США и его стремления к сокращению вооруженных сил. При этом Мао Цзэдун отметил существующие расхождения между двумя партиями, указав, что они носят временный, частный характер. О китайско-индийском конфликте Мао Цзэдун сказал, что это кусок бесконтрольной территории, в любом случае мы не перешли Гималаи. По поводу Тайваня Мао Цзэдун сказал, что обстрел островов сходен с поведением СССР во время берлинского конфликта. Твердая позиция добавила американцам головной боли. Но сейчас уже нет смысла снова продолжать эти действия, мы ощутили реальную угрозу со стороны США.

Такая миролюбивая позиция китайской стороны вызвала отклик московской властной элиты. Многие считали, что не следует сворачи-

вать связи с Китаем. 15 октября Политбюро ЦК КПСС приняло резолюцию почти полностью идентичную с решениями КПК. Предлагалось принять меры к ликвидации напряженности в отношениях, не публиковать критические статьи о строительстве социализма и коммунизма в Китае, не искать новых причин для обострения. Постановили лозунг «соцлагерь во главе с СССР» считать недостаточным. По поводу культа личности И.Сталина могли быть разные мнения, но в целом речь шла о создании условий для развития демократизации.

30 октября Н. Хрущев выступил с докладом о современном положении и внешней политике СССР, в котором ничего не говорилось о разногласиях между двумя партиями. В то время еще были надежды на восстановление взаимопонимания. Но обе стороны не хотели сходить со своих позиций, уступить. Наступил только временный перерыв в дискуссиях. Такой подход наносил вред отношениям. Только подует свежий ветерок и станет ясно, как снова настанет буря. К несчастью, как только зарубцовывались раны, они быстро образовывались вновь. В любую минуту буря могла разразиться вновь. К несчастью, она разразилась.

20–21 октября в районе перевала Западного Куньлуня между китайскими и индийскими пограничными отрядами опять возник вооруженный конфликт, обе стороны понесли потери. Чжоу Эньлай назвал его несчастьем и неожиданностью. Неру посчитал конфликт злым умыслом, он не мог себе представить человека, которому понадобилось это.

3 ноября Мао Цзэдун в Ханчжоу предложил отойти противоборствующим сторонам на 20 км, создав нейтральную зону, и начать пе-

реговоры. На взгляд Мао Цзэдуна, это был легко разрешимый вопрос, так как это был район, не являющийся зоной жизненных интересов для Китая. Для Китая была важна угроза с востока, а не Индия. Конечно, Мао Цзэдун подходил к проблеме слишком упрощенно. Перевалы в Западном Куньлуне имели для Индии важное стратегическое значение. Первые газеты выступили с антикитайскими призывами. Во многих странах были организованы митинги протеста у посольств Китая. Появились призывы разорвать дипотношения с Китаем, призывы к пограничной войне под лозунгом движения за свободу, а также за независимость Тибета. Под таким давлением оппозиции Неру отказался отвести войска на 20 км. Отношения окончательно испортились.

После возникновения инцидента Москва сразу поддержала Неру, а тот дал высокую оценку позиции СССР. В советских газетах ничего не сообщалось о материалах, посвященных инциденту и ноте протеста, опубликованных 24 октября в китайских газетах. 29 октября в газете «Правда» и других материалах, посвященных китайско-индийскому пограничному конфликту, дали подробный комментарий с точки зрения Индии и краткую информацию о китайской позиции. В журнале «Новое время», № 47 (ноябрь) была опубликована статья, посвященная конфликту, в которой были приведены антикитайские высказывания Неру, но не упомянуты предложения Китая по урегулированию конфликта. Когда в Индии опубликовали ответное письмо Неру от 16 ноября, СССР сразу принял сторону Неру и 21 ноября по радио передали текст этого письма. Письмо было также опубликовано в газете «Известия», а об ответе Китая не сообщалось. СССР также не

публиковал статьи с поддержкой Китая в иностранной прессе. Китайское посольство в Москве считало, что СССР заинтересован лишь в поддержке индийской точки зрения, так ничего не сообщалось о новом письме Чжоу Эньлая от 17 декабря.

27 октября новый посол СССР в Китае Червоненко при встрече с послом Китая Лю Сяо утверждал, что мир вступил в новую эпоху мирного сосуществования. 7 ноября Н. Хрущев в ответе корреспонденту журнала «Новый мир» назвал конфликт прискорбным событием, он сказал, нет никакого сомнения, что никто не представляет, где действительно проходит граница. Он выразил желание помочь любыми способами разрешить конфликт. Посольство СССР считало, что у китайской стороны нет особого желания договориться. Для них это не был предмет для переговоров.

Несколько месяцев Неру буквально бился о скалу непонимания со стороны китайской стороны. В парламенте Индии призывали Китай признать в качестве границы линию Макмагона. После того, как Индия отказалась от предложений китайской стороны о создании демилитаризованной зоны, советская сторона продолжала политику нейтралитета, стремления к мирному разрешению конфликта, призывам к взаимным шагам, но при этом заняла предвзятую позицию, публикуя только материалы, отражавшие мнение индийской стороны. Одновременно активно готовилось оказание экономической помощи Индии. В результате это наносило большой ущерб советско-китайским отношениям.

Однако в этот период руководителям Китая уже было не до индийско-китайского конфликта и не до позиции СССР. Непосредст-

венно вопросами конфликта занимался только Чжоу Эньлай. В это время сам Мао Цзэдун основное внимание уделил вопросам саммита Н. Хрущева и Эйзенхауэра в США. В начале ноября в Ханчжоу Мао Цзэдун собрал совещание в узком кругу, специально посвященное обсуждению ситуации со смягчением отношений между СССР и США. Перед совещанием он распорядился собрать материалы ТАСС по данной проблеме. Мао Цзэдун изложил свой взгляд на проблему и просил всех изложить свои отзывы о речах Даллеса. Затем он распорядился распечатать отзывы и раздать участникам. Мао Цзэдун подчеркнул важность обсуждаемых вопросов. Современная так называемая мирная волна подразумевает нанесение удара по коммунистическим партиям, рабочему движению и Китаю со стороны западного монополистического капитализма вместе с реакционными националистами Латинской Америки и Азии, объединяющимися с СССР. США говорят не только о мире, имеется и военная сторона. Цель расколоть Китай и СССР.

12 ноября Мао Цзэдун вновь проанализировал речи Даллеса. Эти материалы свидетельствуют об изменении позиции США по отношению к соцстранам. Цель США, используя перемены к миру, разложить нас. Мао Цзэдун считал, что смысл выступлений Н. Хрущева полностью совпадает с даллесовскими «переменами к миру». Далее Мао Цзэдун продолжал, что в этой сложной международной обстановке наш курс должен учитывать две стороны. Это отношение к Н. Хрущеву и отношение к Эйзенхауэру. По отношению к США это борьба, использование фактов, различных приемов. Мы не говорим о Н. Хрущеве, не подразумеваем Н. Хрущева. По мнению Мао Цзэдуна,

Н. Хрущев, говоря о сближении с США, попал в западню и, к тому же, вместе с США и реакционерами нападает на Китай. Мао Цзэдун считал, что главный удар должен быть нанесен против США, а по отношению к СССР надо проводить постоянное наблюдение и последовательный анализ.

Следовательно, для решения международных проблем китайские руководители все же избрали подход единства с СССР. 6 ноября во время встречи посла СССР Червоненко с Дэн Сяопином, было заявлено, что вопрос о единстве является самым важным. Если мы объединимся, никакой империализм нам не будет страшен. Империалисты хотят нарушить наше единство, но это напрасный труд. Беседа прошла в дружественной обстановке. 19 ноября Чжоу Эньлай, в докладе о международном положении в Госсовете, сказал, что выступая в поддержку принципов марксизма-ленинизма, мы не можем обойтись без борьбы, но внутри социалистических государств, особенно между Китаем и СССР, между КПК и КПСС разногласия сравнимы с «одним пальцем против десяти». Мы не должны забывать главное, забывать что «остальные девять пальцев едины», что главным является единство.

С 30 ноября по 4 декабря Мао Цзэдун собрал в Ханчжоу совещание постоянных членов политбюро ЦК. На совещании Мао Цзэдун сравнительно всесторонне проанализировал свою позицию по отношению к Н.Хрущеву. Он указал, что империализм по отношению к социализму проводит двойственную политику, с одной стороны, угроз, с другой стороны, мирной эволюции, проводят оппортунизм, изолируют марксизм-ленинизм. Н.Хрущев является оппортунистом,

его мировоззрение – либерально-буржуазный прагматизм, по уровню мышления он школьник. Он отличается ребячеством, не понимает марксизма-ленинизма, его легко обмануть. Начиная с марта 1959 г. СССР и империализм, а также реакционер и ревизионист И.Б. Тито организовали единый антикитайский хор. Китай оказался на долгое время в изоляции, но «после черной ночи больше света». Марксизм и ленинизм получили большое распространение в Китае, это не подлежит сомнению. Н.Хрущев не ожидал, что Китай добьется таких успехов, не анализировал, пользовался ложной информацией, болтал, что взбрело в голову. Если это не исправить, то через несколько лет он окончательно обанкротится (что и произошло через 8 лет). Н.Хрущев боится двух вещей: боится империализма и китайского коммунизма. Он боится, что компартии в Восточной Европе и во всем мире перестанут доверять ему, а будут верить нам. Он боится, что ученики превзойдут учителей. Но Н.Хрущев не во всем всегда ошибался. Он представлял социалистический лагерь на международной арене, он до сегодняшнего дня поддерживал строительство Китая, внутри страны тоже строил социализм. Для Китая и СССР всегда будет выгодным сохранение единства, имеющиеся разногласия все же носят временный характер. Трудно представить раскол двух социалистических государств. Это невозможно и не должно быть. Н.Хрущев иногда говорил дельные вещи, мы должны это признать, но, с другой стороны, не надо к этому относиться серьезно. Ревизионизм еще не принял системный характер, следует подождать. Нужно верить, что ошибки Н.Хрущева потом еще можно будет исправить, лучше всего, если бы он сделал это сам.

Однако позиция Москвы заставила Мао Цзэдуна испытать разочарование. Н. Хрущев не только не хотел признавать и исправлять свои ошибки, а наоборот, продолжал проводить свой курс. По мнению КПСС, ошибки должна была исправить КПК.

18 декабря 1959 г. секретарь ЦК КПСС М.Суслов выступил с докладом «Относительно поездки делегации КПСС в Китай», в котором содержалась критика внутренней и внешней политики Китая, негативные оценки «большого скачка». По его мнению, основная причина ошибки китайского руководства заключалась в «головокружении от успехов», достигнутых в первые годы, что породило самодовольство; были нарушены законы планомерного пропорционального развития. Далее он критиковал народные коммуны как формы организации сельского хозяйства, которые перешли, минуя долгий этап социалистического развития, используя административные методы в стране с отсталым сельским хозяйством, непосредственно к строительству коммунизма. В начале 1959 г. проявились серьезные экономические трудности, показавшие ошибочность проводимого курса, потерпевшего поражение. Далее в докладе критиковался курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», в результате проведения которого началось оживление антисоциалистических сил на культурном фронте и правые перешли в наступление. В докладе говорилось, что после 1958 г. во внешней и внутренней политике Китая начались проявления зазнайства и запальчивости. Лозунг «Империализм – бумажный тигр» полностью подтверждает это. Обстрел островов, разрыв торговых и культурных отношений с Японией ясно показали, что внешняя политика страны далека от совершенства. В

этой области самый яркий пример, это китайско-индийский конфликт. В докладе одобрялась дальновидная, перспективная политика Неру, которая показала важное значение дружбы Индии с Китаем, СССР и всем соцлагерем. В это время предпринятая Китаем атака против Индии и Неру в связи с тибетской проблемой была призвана «ускорить» революцию в Индии. В результате это привело к усилению напряженности в отношениях Китая и Индии. После возникновения китайско-индийского конфликта ЦК КПСС много сделал для его мирного разрешения, но не добился понимания от руководства Китая. Китайские товарищи не только не смогли правильно оценить допущенные ими ошибки, но и не смогли оценить предпринятые советской стороной шаги для предотвращения конфликта. В докладе далее говорится, что Н.Хрущев для согласования внешней политики с китайским руководством предпринял встречу, на которой обратил внимание китайской стороны на важность недопущения перехода на рельсы «холодной войны» в соцлагере. Но реакция китайской стороны была похожа на реакцию истукана. Они считали, что их политика единственно правильная. В докладе говорится, что суть вопроса в том, что Китай считал мирное сосуществование временной стратегией, а не основным курсом внешней политики социалистического лагеря. В отличие от КПСС китайские коммунисты отрицали борьбу за смягчение международной напряженности и сохранение мира, отрицали, что социализм, используя преимущества в экономической стратегии, победит капитализм. В докладе утверждалось, что допущенные Китаем во внешней и внутренней политике ошибки и недостатки возникли из-за искусственно созданного культа личности Мао Цзэдуна. В заключе-

ние говорилось, что необходимо всеми силами сохранять дружбу с КПК, используя наш опыт, помогать китайским коммунистам. По некоторым важным вопросам, по которым у нас могут быть расхождения, мы должны ответственно высказывать свое мнение, в принципиальных вопросах наша партия, мы считаем, занимает правильную позицию. Действительный смысл этого выражения заключался в необходимости усиления пропаганды ленинского курса КПСС, неуклонной защиты ее точки зрения относительно международной политики и социалистического строительства. Доклад М.Суслова отразил взгляды и позицию советской стороны, определившиеся после визита Н. Хрущева и особенно после китайско-индийского конфликта, причем острота изложения и способы анализа были близки к манере Мао Цзэдуна. Хотя китайские руководители в это время не могли ознакомиться с докладом М.Суслова, было очевидно, что советская сторона часто применяла подходы и методы китайской стороны и в дальнейшем.

Чтобы еще более смягчить международную напряженность, 8 декабря 1959 г. Н.Хрущев выдвинул президиуму Верховного совета СССР предложение о сокращении без всяких условий числа военно-служащих на 1–1,5 млн человек. 14 декабря такое решение было принято. Таким образом, были предприняты конкретные меры по смягчению международной напряженности. Почти все западные страны оценили эти усилия. 21 декабря главы правительств США, Англии, Франции и Германии во время встречи в Париже обменялись мнениями и выразили согласие на проведение совместного совещания с участием СССР. Одновременно была намечена встреча пяти западных

и пяти восточноевропейских стран в Женеве 15 марта следующего года. 25 декабря Н. Хрущев в письме президенту Эйзенхауэру предложил организовать встречу в верхах, так как считал, что только на таких встречах на самом высоком уровне можно решить международные проблемы.

Согласно данным посольства Китая в СССР, Н.Хрущев после поездки в США выступил с целым рядом новых идей и инициатив. Главными из них были признание того, что при современной раскладке сил на мировой арене третью мировую войну можно предотвратить, внутри империалистического блока в руководящих кругах преобладает реалистическая и разумная точка зрения, постоянно подчеркивал стремление президента Эйзенхауэра к миру, считал, что его оценки современного международного положения достаточно мудрые и надежные. Он считал, что международные отношения уже вступили в этап мирного развития, сейчас созданы все условия для коренного поворота, окончания периода «холодной войны», мирное сосуществование двух систем становится реальностью, подчеркивал жизненность политики мирного сосуществования, проводимой СССР. Он также считал, что разумные шаги и договоренности не только возможны, но и необходимы. Для достижения всеобщего мира следует на основе принципов мирного сосуществования и политики взаимного уважения использовать все возможности, даже самые малые, чтобы избежать возникновения напряженности. Эти взгляды были, конечно, далеки от взглядов Мао Цзэдуна. С его точки зрения, необходимо было заставить свернуть Москву с этого ошибочного пути. Китайские коммунисты должны были предпринять новые шаги.

С 4 по 17 января 1960 г. в Шанхае прошло созванное Мао Цзэдуном заседание политбюро, на котором также обсуждались международные вопросы. Согласно докладу посольства КНР в Москве, 9 января вышло постановление ЦК КПСС о задачах партийной пропаганды в современных условиях. В нем говорилось, что новые идеи обогатили марксистско-ленинское учение, способствовали всестороннему и глубокому анализу процесса перехода к коммунизму, а также развитию социалистической демократии. Проблема мирного сосуществования, вопросы войны и мира в современных условиях получили новую трактовку. Европейский отдел МИД КНР тоже представил доклад, в котором говорилось, что СССР в китайско-индийском конфликте продолжает придерживаться политики нейтралитета, приветствует мирное сосуществование, пропагандирует переход от политики войны к миру, за мир без оружия, считает, что сейчас существует реальная возможность осуществить мир без войны как идеал.

14 января Н.Хрущев сделал пространный доклад на сессии Верховного совета относительно проблем сокращения вооруженных сил, который в тот же день стал достоянием посольств в Москве. В докладе указывалось, что основной тенденцией развития международной ситуации является тенденция к ее смягчению. Опасность войны уменьшилась, достигнуто соглашение о созыве совещания в верхах. Приветствовался предстоящий визит президента США в СССР, который призван продолжить диалог, подчеркивалась традиционная дружба с Францией и личный вклад ее президента Де Голля в победу во Второй мировой войне. Было объявлено о приглашении посетить Индию, подчеркивался вклад Неру в укрепление связей между СССР

и Индией. Также говорилось о признании мировой общественностью советской позиции о полном запрете испытаний ядерного оружия. Объявлено о предстоящем сокращении вооруженных сил еще на 1,2 млн человек.

Все это подтолкнуло Мао Цзэдуна к началу обсуждения вопросов китайско-советских отношений уже 17 января. На специально созванном совещании он сначала указал, что визит Н.Хрущева в США и намеченная встреча в верхах, с одной стороны, хорошее дело, но при этом сближение с империализмом – это плохо. Н.Хрущев не использует создавшуюся выгодную международную обстановку для проведения «революционной деятельности», в разговорах не знает меры. Мао Цзэдун сказал, что СССР уже много раз пытался «призвать нас к порядку». Это касается курса Ван Мина, тибетского конфликта, совещание в Лушани тоже произошло не случайно. Но все эти уловки не прошли. Имеет место взаимовлияние, в прошлом Октябрьская революция оказала большое влияние на нас, сейчас мы можем влиять на них. Время показывает, что мы правы. Вмешательство Н.Хрущева в индийские и индонезийские события нанесло большой вред китайско-советским отношениям. Признание мирного перехода к социализму есть оппортунизм. Хотя мы не сделали еще окончательных выводов, но надо выступать с критикой в печати, тем более, что в этом году наступает трехлетняя годовщина московского заявления. Товарищ Дэн Сяопин напомнил, что скоро приближается 90-летие со дня рождения Ленина, в трудах которого можно найти ясные ответы на вопросы о мирном переходе, войны и мира, о буржуазном пацифизме. Мао Цзэдун сказал, что мы должны высказаться по этим принципи-

альным вопросам. У Н. Хрущева есть все эти недостатки, но мы должны помочь ему, прогнозируя, что единство Китая и СССР возможно. Два дня спустя ЦК КПК обнародовал сообщение о проведении торжественных мероприятий по случаю 90-летней годовщины со дня рождения Ленина. Намечалось провести в Пекине конференцию, в газете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» опубликовать соответствующие статьи, одновременно на местах провести конференции и организовать публикации ленинских идей по вопросам войны и мира, революции и диктатуры пролетариата. Критиковать СССР и братскую партию не рекомендовалось, но все было понятно с первого взгляда.

Таким образом, резюмирует Шэнь Чжихуа, обе партии лишь по необходимости проводили почти одинаковый курс в своих отношениях. Необходимо было поддерживать дружбу и единство между Китаем и СССР, но одновременно открыто выражать свою позицию и неприятие позиции другой стороны, постараться смягчить противоречия, надеясь, что другая сторона исправит свои ошибки и вернется на правильный путь. Следовательно, Китай и СССР начали открытую жесткую полемику по фундаментальным теоретическим вопросам, что привело к всесторонней огласке противоречий, к гласности. Poleмика между двумя партиями привела к началу идеологической борьбы внутри всего соцлагеря.

Очевидно, что так называемая борьба за власть между Китаем и СССР в мировом коммунистическом движении, это не борьба за пост вождя, а это идеологическая борьба за единственно правильную интерпретацию марксизма-ленинизма. Только обладая правильной про-

граммой, идя верным теоретическим курсом, соответствующим марксизму-ленинизму, можно было претендовать на ведущее место в мировом коммунистическом движении.

Очевидно, что огласка противоречий между двумя партиями в период 1959–1960 гг., произошла отнюдь не по причине несходства характеров Н. Хрущева и Мао Цзэдуна. Она являлась результатом накапливающихся долгое время противоречий по важнейшим вопросам войны, мира, революции, из-за разного понимания теории. На этой основе отношение к США (империалистическое государство), Индии (государство национальной буржуазии), Тайваня (реакционное) обуславливало проведение неодинаковой политики. Противоречия усиливались, так как в соцлагере уже две партии стремились «стоять на равной ноге», до этого они старались действовать в духе поддержки и помощи, так как это помогало им укрепиться. Но теперь, когда КПК чувствовала, что сама может занять ведущее место в мировом коммунистическом движении, то нужно требовать, чтобы движение следовало по их правильному пути. Следовательно, раскол усиливался, его уже трудно было избежать.

Такого рода расколы и споры возникли именно в 1959–1960 гг. прежде всего из-за того, что в этот период Китай уже достиг больших успехов в своем развитии, СССР также миновал трудный период. Мао Цзэдун и Н.Хрущев чувствовали себя победителями. Они не могли примириться с тем, что другая сторона проводит «ошибочную политику». Своеобразный фокус раскола пришелся на китайско-индийский конфликт, а основным поводом стало сближение СССР и США. Н. Хрущев считал, что Китай в конфликте с Индией вел поли-

тику «наобум, рубил с плеча». Целью Китая был срыв советско-американских переговоров, приостановка процесса разрядки. С точки зрения Мао Цзэдуна, китайско-индийский конфликт являлся незначительным событием, на которое не следует обращать внимания. Основной вред для Китая заключался в сближении политики СССР и США. С его точки зрения, нейтральная и соглашательская позиция Москвы в конфликте с Индией была направлена на гарантирование успеха встречи Н. Хрущева и Эйзенхауэра. Исходя из этих противоположных соображений, стороны старались подчеркнуть свой правильный курс и в борьбе за власть в соцлагере избегали прямых дискуссий по проблеме США – СССР, но по вопросам индийского конфликта вели открытую полемику. Когда эти способы себя исчерпали, началась открытая борьба. Под знаменем ленинизма каждая из сторон высказывала свои теоретические взгляды по вопросам мира, войны и революции и подчеркивала, что ее курс является единственно правильным, чтобы добиться согласия на руководящую роль в мировом коммунистическом движении. Началась открытая китайско-советская полемика, переросшая затем в открытую политическую борьбу.

Подписано к печати 18.08.2014 г.
Печ.л. 12,5. Тираж — 135 экз. Заказ № 18
Печатно-множительная лаборатория
Института Дальнего Востока РАН.
Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32.
www.ifes-ras.ru